

**ЖИВАЯ
ЛЕГЕНДА**

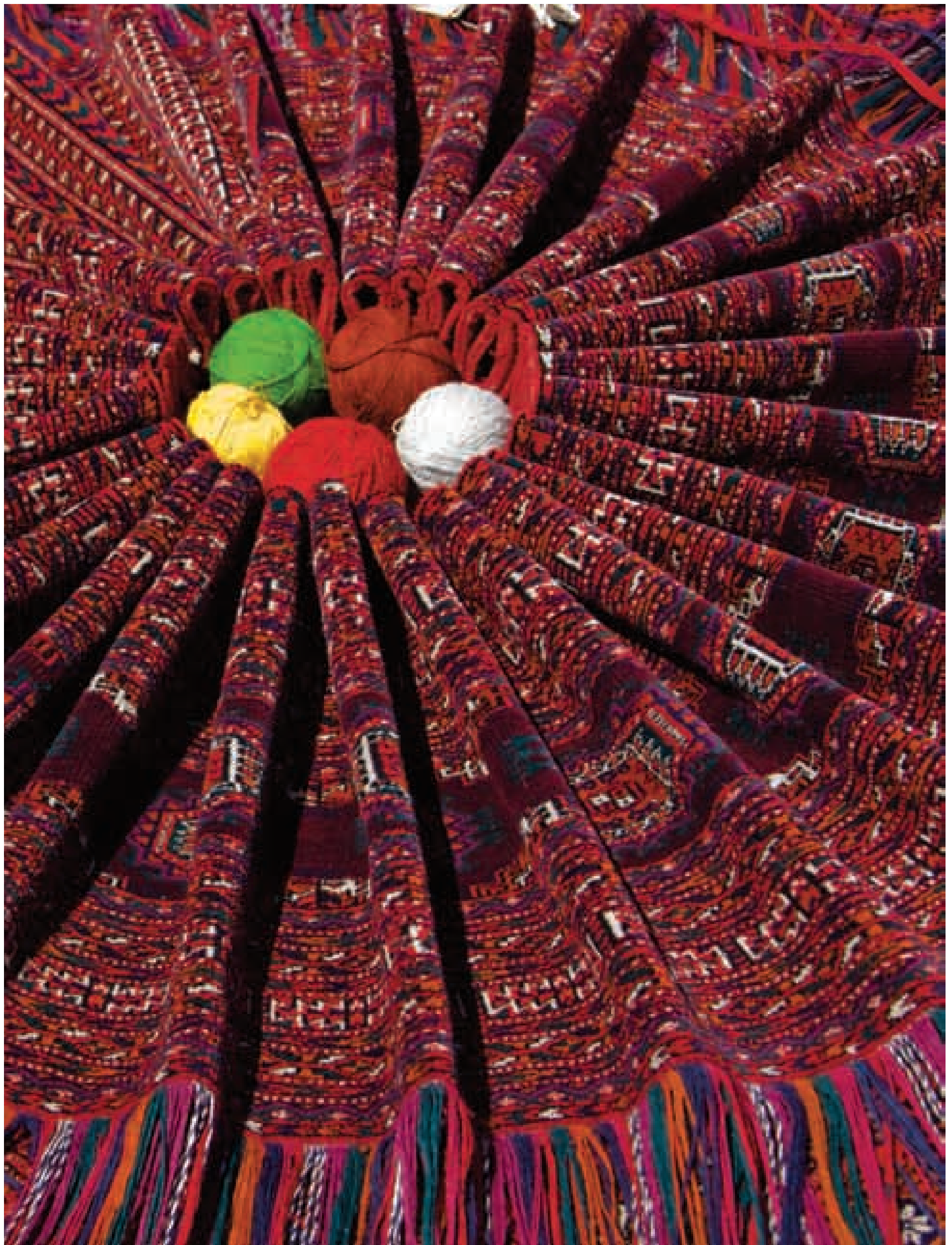

**«...ЧЕМ ЕЩЕ БОГАТО НАШЕ
ГОСУДАРСТВО —
ЭТО ПРЕКРАСНЫЕ КОВРЫ,
ПРИРАВНЕННЫЕ
К УНИКАЛЬНЫМ
ХУДОЖЕСТВЕННЫМ
ТВОРЕНИЯМ...»**

**ПРЕЗИДЕНТ
ТУРКМЕНИСТАНА
ГУРБАНГУЛЫ БЕРДЫМУХАМЕДОВ**

*От седых Хорасанских гор,
Сквозь эпохи и территории,
Расстелился туркменский ковёр
Под ногами самой истории...*

ЧИТАТЕЛЯМ

Вы открыли книгу, которая приглашает вас в путешествие к истокам высшего человеческого совершенства – искусству сотворения красоты. Красоты, как начала начал, как первоосновы истории, осмысленного бытия... Ибо изначальная красота – это остановленные мгновения, ритмически организованные в орнамент. Да, да, именно орнамент стал первой «книгой», первым инструментом памяти существа, «проснувшегося» однажды человеком. И туркмены, пожалуй, единственный народ, в чьём творческом обиходе эта «первозданная письменность» сохранена в качестве краеугольной эстетической категории.

Тот, кто хоть раз слушал туркменского бахши сидя на туркменском ковре, испытал, не мог не испытать чувства головокружительного полёта во времени. Такова магия древнего ритма, древнего орнамента... Подчинитесь же ей, чтобы взглянуть на мир с первым восторгом, с первым восхищением первых подданных красоты.

Туркменскому ковру посвящено обширнейшее собрание научных монографий, которое множится с каждым новым поколением историков, этнографов, искусствоведов, востоковедов... Однако феномен столь глубокой укоренённости национальной культуры по-прежнему остаётся не объяснённым.

Книга эта, однако, – не очередное исследование. Она не претендует на научный подход. Но ведь загадка сама по себе полна очарования, тем более, что душа знает ответы на все вопросы. Очарование, очарованность – вот душа данной книги – книги-созерцания, книги-памяти сердца.

Это попытка, вопреки не стихающим спорам учёных о возрасте ковроткачества, представить ковёр как явление, не имеющее границ во времени. Как космос, пределы которого нам неведомы.

Это и попытка отвлеченного, метафизического, если хотите, восприятия ковра, которая продиктована стремлением понять заложенные в нём истоки абстрактного искусства.

Эта книга – попытка подняться на ковре-самолёте нашего с вами воображения и увидеть, как туркменские мастерицы из бесконечного разнообразия узоров складывали картину мира, картину Вселенной...

Так пусть же их души поведают вам
о буйстве весенних красок в пустыне...
о беспощадном полуденном блеске песчаных барханов...
о животворящем огне очага в юрте кочевника...
о мерцании звёзд в бездонной глубине неба...
о ритме победы в цокоте копыт скакуна...

о мерном шуме прибоя и мелодии ветра...
о ласке и нежности матери, склонившейся
над колыбелью...

Чтобы «рассказать» всё это, туркменским женщинам понадобились лишь пряжа да пара деревянных брусков, меж которыми натягивалась основа будущего ковра. И, конечно же, природные краски. Всё остальное – дело их поистине одушевлённых рук, день за днём, месяц за месяцем, тысячелетие за тысячелетием снующих над простейшим станком, о назначении которого без подсказки и догадаться-то нельзя.

Постепенно формировался «лексикон» ковра – одни образы-символы закреплялись навечно, другие допускали интерпретации. Доведённые до совершенства, орнаменты-гёли становились теми нотами, из которых у каждой мастерицы рождалась собственная, неповторимая песня. Или даже целая симфония, когда за дело брались сразу несколько женщин, чтобы соткать большое полотно.

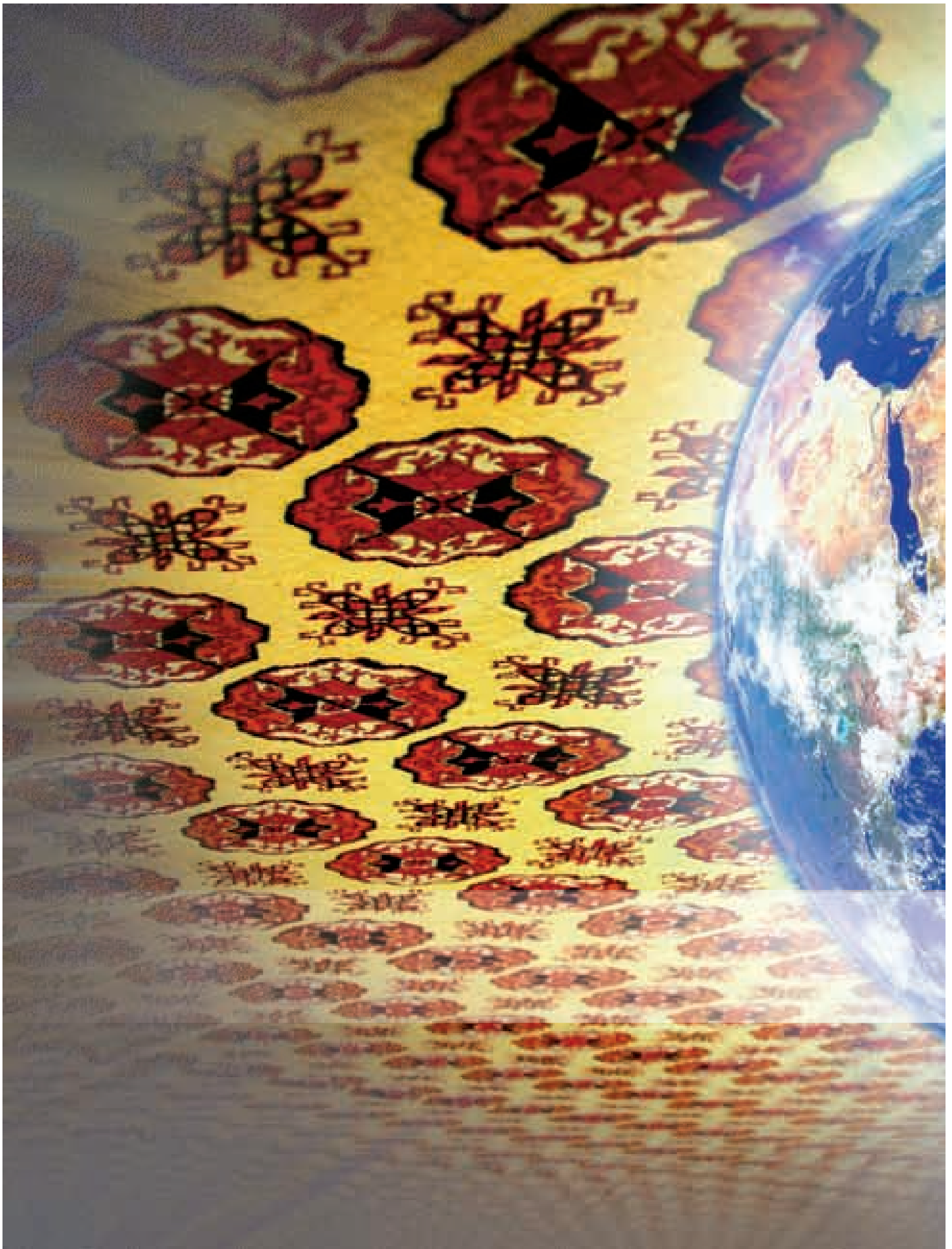
Так «остановленные в начале времён мгновения» сложились в уникальную творческую матрицу, которая объединила в себе и первый опыт художественного восприятия мира (взяв что-то от наскальных рисунков или росписи керамики), и талант всех последующих поколений мастериц.

Остаётся добавить, что матрица эта легла в основу всех видов творческого самовыражения нашего народа: музыки, поэзии, зодчества, изобразительного искусства. Такое стилевое, концептуальное единство обнаруживается, как говорится, невооружённым глазом. И с этой точки зрения туркменский ковёр представляет собой удивительное явление не только как эталонный образец материальной культуры, но и как определенная философия или состояние души, находящей в трансцендентном поле ответы на неформулируемые вопросы. Или наоборот, что, в принципе, одно и то же.

Желанием показать, что подобное состояние души абсолютная реальность, и продиктована наша книга. Открыв её, вы открыли дверь в царство красоты и гармонии, а значит к первоосновам осмысленного человеческого бытия, воплощённым в нашем национальном ковре...

ГАРМОНИЯ ВСЕЛЕННОЙ

Учёные утверждают, что ковёр-самолёт исправно служит героям сказок и мифов многих народов чуть ли не с доисторических времен. Вот только не объясняют: почему?

Почему свою мечту о полете, человек связывал именно с ковром? В конце концов, ничто так тесно не «прилегает» к земле, как ковер, который, собственно, для этого тем же человеком и создан.

Факт, однако, остаётся фактом: сказочные герои поднимались в небо исключительно на ковре, весьма достоверно описывая при этом то, над чем пролетали: горы, поля, моря и даже звёзды...

Говорят, в композиции ковра можно разглядеть своеобразную модель мироздания: центральное поле с крупным орнаментом символизирует родную Солнечную систему, а мелкие узоры каймы – иные миры. Чем не маршрутная карта – садись и лети!

Но и это не всё. Присмотритесь к каймовому рисунку – его динамичные контуры сродни энергичным взмахам крыльев. А теперь приложите к уху ладонь. Слышите шорох? С этим звуком отрывается от земли птичья стая...

Узор ковра располагается линейно или по диагонали, создавая впечатление «бегучести»; быстротечное время как бы ловит свой бесконечный хвост. В целом же такая композиция образно повествует о нашем восприятии мира. День-ночь, свет-тьма, великое-малое – всё это показано через симметрию фигур и их теней вокруг силового поля – символического изображения оси мира.

Чётко выраженный ритм – одна из главных стилистических особенностей туркменского ковра: многократное повторение геометрических фигур словно воспроизводит равномерное биение человеческого сердца, циклы природы, смену времен года. Пульс Вселенной? Возможно! Полёт? Конечно!

К слову, ни в одной из сказок не объясняется, как подняться в небо. Летящий да взлетит!

И всё-таки идея полёта заключена в самом туркменском ковре. Мастерская игра масштабами на ковровом пространстве позволяет возлежащему на нём поглядеть вниз «с высоты птичьего полёта». Да вот же они, очертания рельефа, горные зубчатые цепи, окаймляющие долины, петляющие речушки, цветущие оазисы в пустыне, крошечные сверху озерца... Кстати, название медальона «гёль» некоторые учёные связывают с туркменским словом «кёль» – «озеро».

Вокруг кёлей идиллически пасутся овцы, из шерсти которых, заметим, делается ковровая пряжа. А теперь обратите внимание на разноцветье флоры нашей земли. Большинство туркменских цветов, трав, деревьев, кустарников – эндемики. Именно эндемики дарят (в прямом и переносном смысле) ковру свои уникальные по определению краски.

Из этих растений делают самые стойкие в мире красители. Впрочем, они не имеют равных и по богатству оттенков. А в узорах ковра, словно из благодарности, запечатлены завитки побегов, мягкие контуры лепестков, чередование листьев, стеблей, плодов...

Да на чём только не останавливается взгляд мастерицы-художницы: вот изящная цепочка следов, оставленных на песке юркой ящерицей, а вот уже архар демонстрирует свое главное оружие – крутые рога, ставшие символом мужества и силы в знаковом арсенале туркменского искусства и своеобразным оберегом в быту. С помощью таких знаков-амулетов человек ограждал себя от злых духов, сглаза и прочих несчастий.

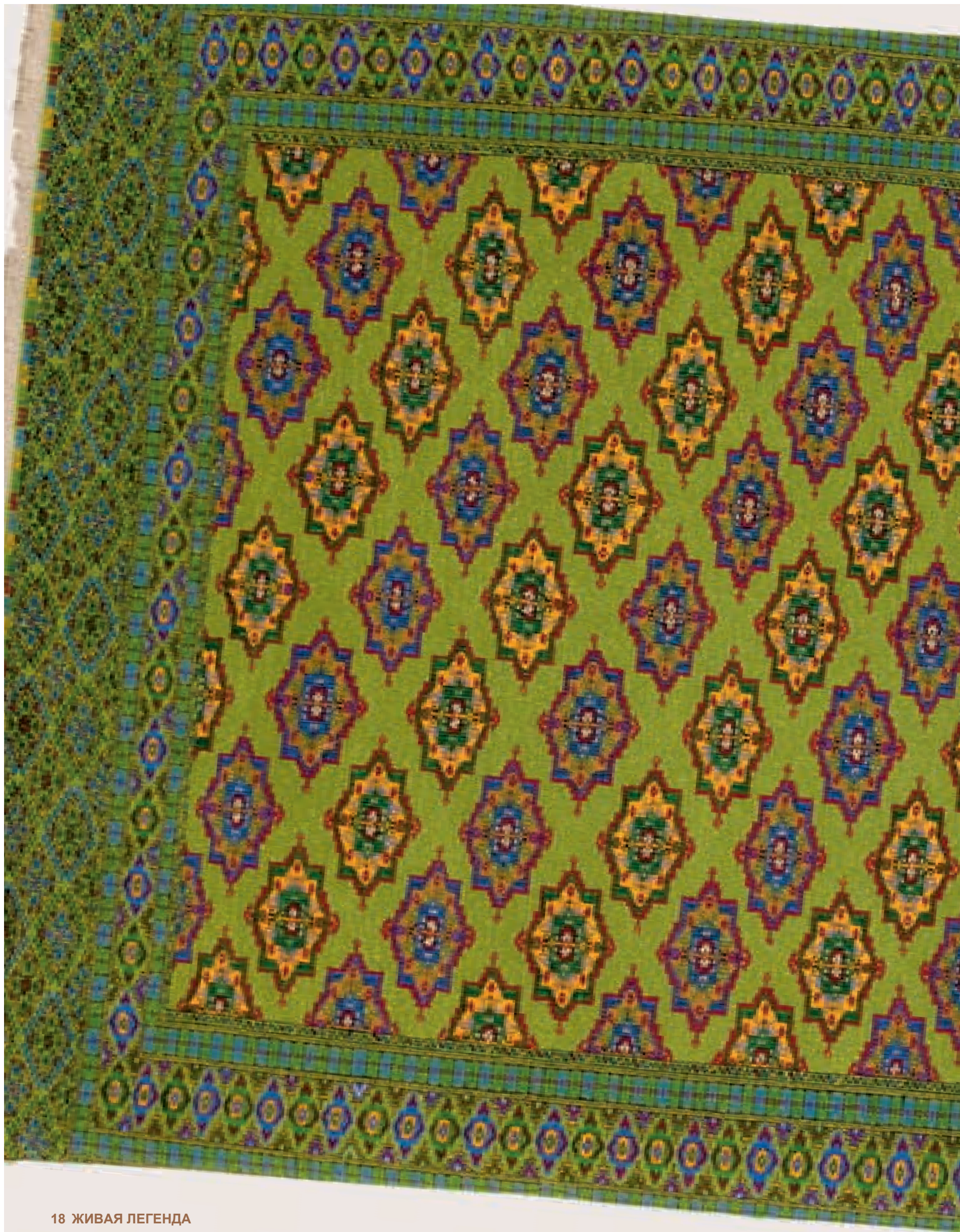

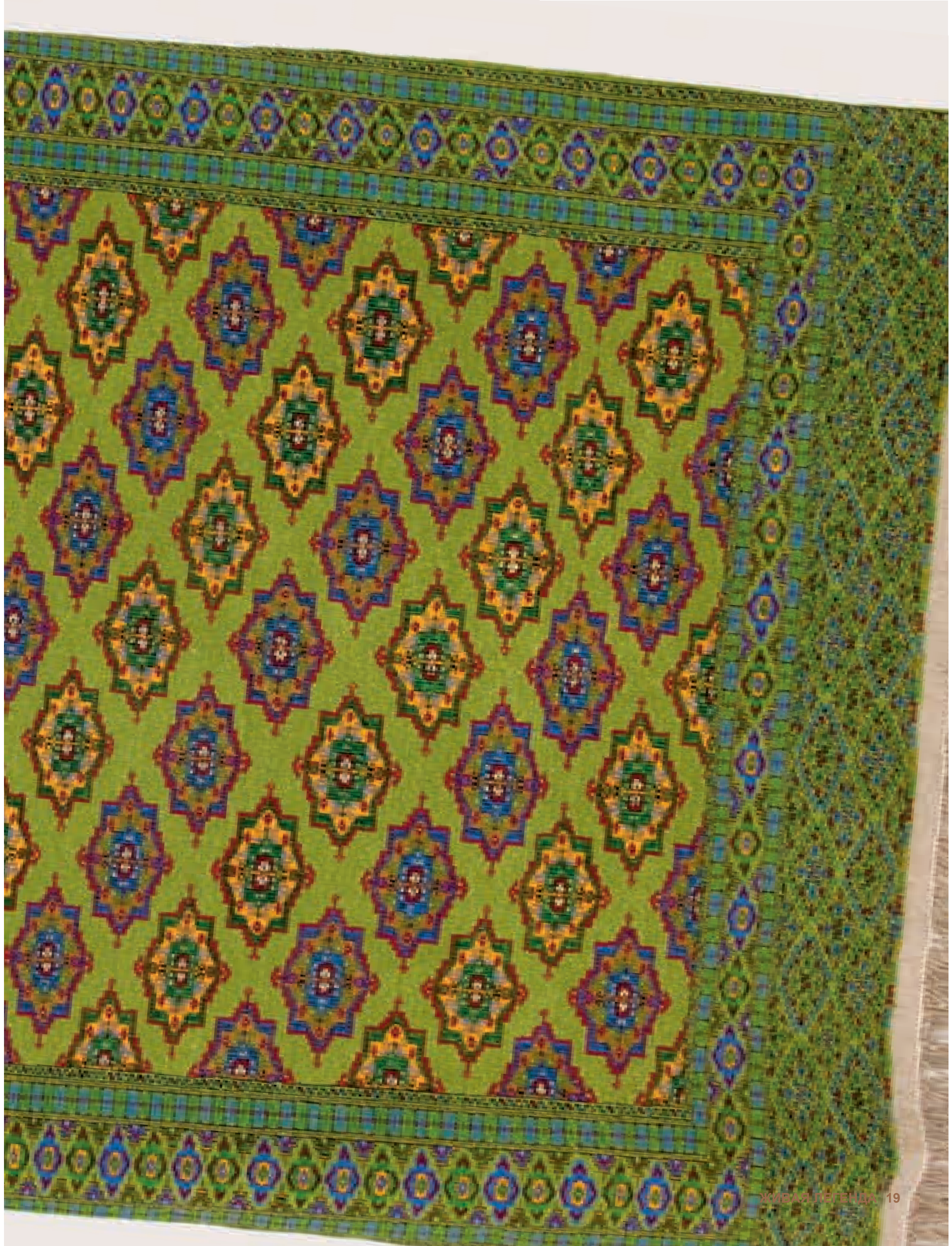

Но в значении центральной фигуры в туркменских коврах обычно выступает ромбовидный орнамент, символизирующий землю-пашню – олицетворение плодородия, трудолюбия и возрождения. Существует, правда, версия, согласно которой ромб – это Всевидящее Око. Глаз в изображении наделялся магической защитной силой. Оберег-ромб, ориентированный углами на все четыре стороны света, надёжно охранял дом и его хозяев от любых напастей.

Далеко не всегда представляется возможным восстановить первоначальное смысловое наполнение тех или иных орнаментальных мотивов и сюжетов. Тем не менее, декоративные приёмы скрупулёзно передаются от поколения к поколению. Преемственность – основное условие сохранения традиций в национальной культуре. Какой-то загадочный инстинкт не позволяет подвергать ревизии некоторые элементы орнамента. Не исключено, что в них содержится какая-то константная, краеугольная информация, изъятие или искажение которой обрушит тысячелетиями пестуемое здание истины. Истины, изъясняющейся на полузабытом нами языке.

Вот, скажем, растительные мотивы. Трактованные обобщенно, они давно служат решению чисто художественных задач. Неслучайно флористические, звучные по цвету, декоративные композиции стали самым рас-

пространственным сюжетом в туркменской орнаментике. Излюбленная расцветка – глубокий красный фон, на котором контрастно смотрятся черные и белые очертания узоров, подсмотренных мастерицами у самой природы.

Какой поразительной силой жизни обладает травинка, пробивающаяся сквозь сухую корку земли! Как бездонно глубока чашечка скромного полевого цветка! Не только цвет и форму удивительным образом передает абстрактный узор, но и фактуру нежных лепестков. То есть, «работает» даже ворс полотна! Вся красота реального мира, которую наблюдали мастерицы, отражена здесь как в волшебном зеркале: остановленные мгновения «эффемерной» туркменской весны обрели вечную жизнь.

Предельная стилизация, даже схематизация растительных мотивов несколько не мешает их узнаваемости. Посмотрите, как поэтично, как бережно выражена в ковровом орнаменте «душа» цветка, какие точные оттенки, рожденные лучиком солнца, уловила неизвестная художница. Как затейливо разбросала она по полю ростки и бутоны, стебли и корни, которым вовсе не обременительна строгая геометрическая сетка полотна. Разве это не магия?!

А кто-то видит в этом орнаменте своеобразный календарь: четыре лепестка означают четыре времени года, а три тычинки на каждом – три месяца.

Сегодня остаётся только поражаться той безошибочности, с которой ковровщицы находили идеальное соотношение форм, линий, цвета и ритма для воплощения своих сюжетов. Кропотливый – узелок за узелком – труд начинался уже потом, вслед за полностью созревшим замыслом. Как подлинный demiург строила мастерица свой мир, создавая холмы и горы, реки и водопады, барханы, луга, населённые цветами и насекомыми, стаи птиц, набегающие на берег волны...

Взгляните на фрагмент этого ковра, наполненного мелодией ветра, гуляющего среди волнистых просторов песчаного моря. Поразительно, но без этого ветра не обозначили бы себя ни заросли пустынного саксаула, ни морщины на склонах сонных дюн. Вот уж где «остановка мгновения» ни к чему, сверх того – губительна для решения творческой задачи. Здесь необходимы движение и звук, иначе пустыня не оставит путнику никакой надежды... А надежда, пусть даже в образе яркого миража, спасительна, как спасительно искусство, как спасительна красота, как спасителен для пресыщенного глаза этот чудесный ковёр.

Не случайно орнаменты называют культурной летописью туркменского народа. Они, подобно устному народному творчеству, хранят удивительные страницы истории. А еще – неповторимые пейзажи туркменской природы.

То, что орнаменты можно «читать», известно всем. Умеющих же читать гораздо меньше. Между тем, без знания этого языка в «орнаментальной летописи» народа не разобраться.

Национальный орнамент многозначен, остро выразителен и в чисто графическом исполнении. Даже в простом начертании его элементов отображается тонкий мистицизм и свойственная туркменам жизнеутверждающая философичность. Но в цвете, на ковровом полотне смысловая и эмоциональная мощь узоров удесятывается. Да и сами по себе цвета нагружены символическим значением. Красный – цвет жизни. Синий – неба и воды. Белый – символ истины, мудрости. Жёлтый олицетворяет пору зрелости. Зелёный – молодости, весны... Так в многоцветных узорах-орнаментах создаётся колорит, не имеющий аналогов по смысლოსодержанию, по способам решения художественных задач.

Разнообразие же этих задач бесконечно: одни ковры дарят умиротворение, погружают в созерцание, другие – звонкие и праздничные, настраивают на торжественный лад, третьи будоражат воображение загадочным орнаментальным решением.

А есть полотна огромной эпической силы. В них словно замерло эхо былых сражений. Отразившись многократно от уступов гор, эхо это застыло в динамичном узоре подобно секретной пружине, запирающей ларец с неведомыми историями...

Иные же ковры воскрешают в памяти лирические строки Махтумкули или Андалиба, старинные напевы о любви, романтические легенды.

Узоры – как рифмы газелей, а тонкие линии, протянувшиеся от медальона к медальону, напоминают тронутые рукой бахши серебряные струны дутара. В них – зачарованность любви, тихое томление души, покорённой непостижимой красотой мира.

Такие ковры обращены к солнцу и небу глазами огромных цветов, не смеющих доверить словам секреты пылкого сердца. Не потому ли разгорающийся красный огонь фона ковра так волнует кровь – воспоминаниями ли, мечтами?

А вот и «морской» ковёр. Возможно, каждому он расскажет свою историю – у него их великое множество: о мужестве, чести, дружбе, любви и верности....

О том, как уходили на таймунах туркменские рыбаки за горизонт, оставляя женщин на берегу.

О том, как женщины долгими вечерами, в ожидании мужей, ткали за станком свою грусть и верили в скорую встречу.

О том, как море испытывало людей и как награждало их своими щедрыми дарами.

На берегу моря зарождались захватывающая жажда странствий и самые дерзкие порывы. Здесь начинались многие великие открытия и смелые путешествия.

Белые барашки набегающих волн делают зыбкой плоскость ковра, чему противостоит его подчёркнутая цветовым контрастом «диагональность», смена контрастных цветов укачивает, словно в колыбели.

Мерно накатывается прибой. В его ровный шум вплетаются крики вытканых на бордюре чаек, унося мечтателя и философа в край неторопливых раздумий, фантазий и грез.

Перед ним – мечтателем – лунные дорожки, россыпь солнечных алмазов в воде, смена закатов и восходов, которые только на море так безудержно великолепны.

Мы уже согласились с читателем в том, что красота не только спасает, но и творит своего творца – человека. Я глубоко убеждён – красота главный, если не единственный, аргумент жизни в пользу жизни. И это моё и моих соотечественников убеждение воспитано, конечно, и ковром, ибо нет туркмена без ковра.

Туркменские ковровщицы выявили особую, магическую гармонию в контрастах земли туркменской. Пронзительна нежность, грациозность, беззащитность цветов на ладони пустыни... Вот самая точная метафора туркменского ковра!

Так уж устроен человек, что его взгляд ищет опору в чём-то прекрасном. Ибо только прекрасное оправдывает нашу жизнь. Поэтому пусть весна мимолётна, зато каждая женщина может разбить свой сад, свой цветник на поле ковра, чтобы круглый год радовать домочадцев немеркнущими красками своей прекрасной талантливой души.

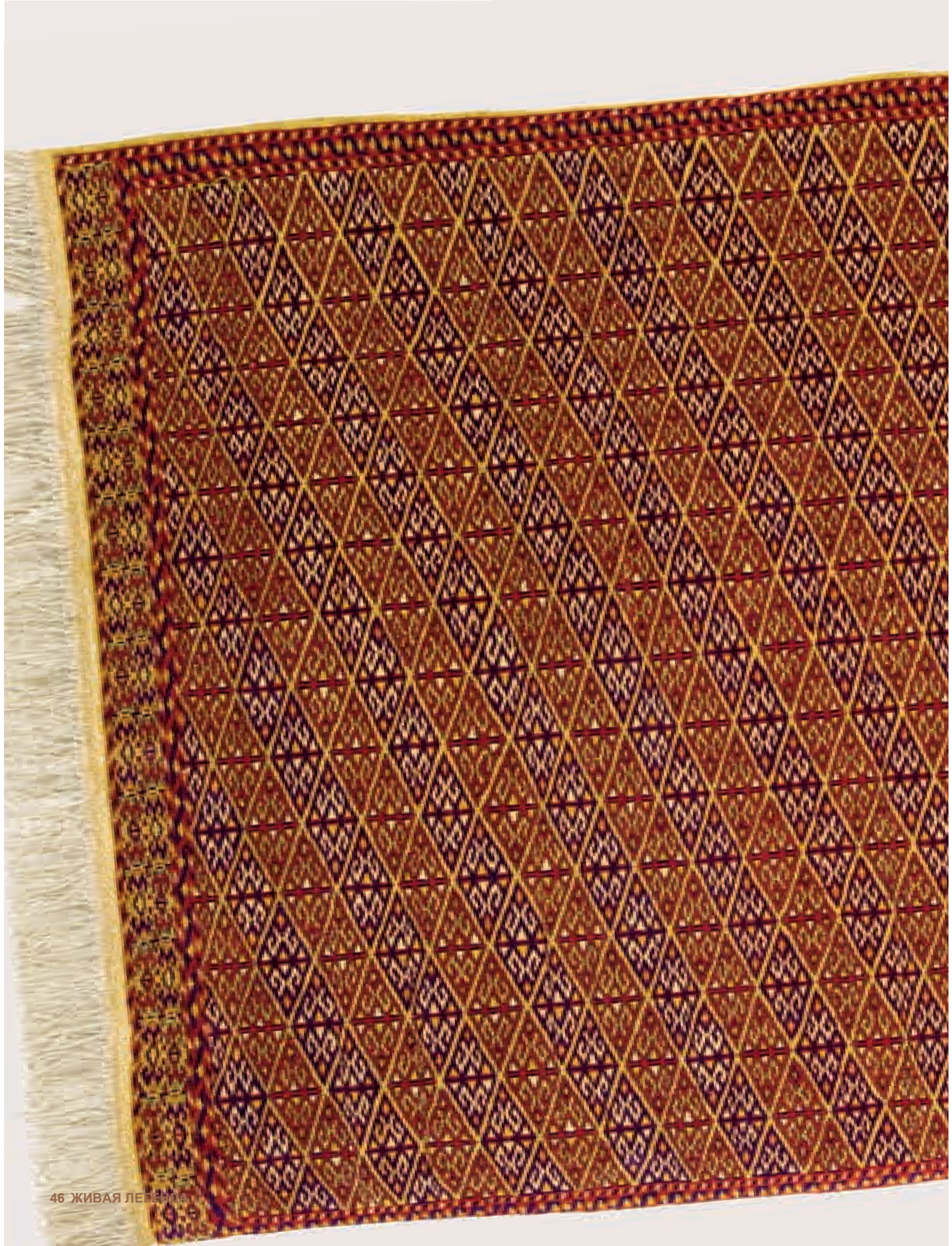
Человек способен разглядеть красоту даже в самом неприметном: трещинках земли, изгибах сухих веток, в очертаниях замшелого валуна...

Подлинному художнику необязательно куда-то ездить за впечатлениями – «эксклюзивно» каждое мгновение жизни. Не говоря уже о том, что в незапамятные времена, когда туркменское ковроделие только зарождалось, весь мир был в диковину для его новых жильцов.

Вы правильно меня поняли, именно это я и хотел сказать: туркменские ковровщицы сохранили в сердцах своих удивление и восторг первого дня творения. Ведь поводы для творческих озарений они находят буквально под ногами. Вот почему ковёр для туркмена – отрицание будничности, обыденности. Ибо ковёр живёт жизнью, которой живет земля, таящая в себе могучие силы, питающие деревья, травы, людей...

Спокойные, ненавязчивые цвета – цвета покоя и гармонии. Но покой не предполагает дремы. Напротив, только в покое глаза открыты истине, которая – суть красота.

Туркменские мастерицы, говоря современным языком, прирожденные дизайнеры интерьеров. Не для выставок же ткали они свои шедевры, но для украшения жилищ, добиваясь при этом необыкновенной выразительности и функциональности. Согласитесь, удачно подобранные изображения способны модифицировать или даже «раздвинуть» стены до иллюзии полного их растворения. А ковры для достижения подобного эффекта подходят наилучшим образом.

В доме непременно должна присутствовать идея неги, «разомкнутого», но организованного красотой пространства. Ведь люди предпочитают отдыхать в местах, прелесть которых естественна. Едва ли кому-то понравится закуток, куда не проникают солнечные лучи, где ни травинки, ни цветка, ни чистого воздуха. А теперь представим путника, изнурённого тяжким переходом через пустыню. Вот он спешивается с верблюда, вот расстилает цветистый коврик и... в единый миг «оказывается» на берегу горной речушки, среди зеленых холмов, вдыхая целительный аромат трав предгорья.

Волею Всемогущего Аллаха праведникам уготовано вечное отдохновение в Райском Саду. Там – в Раю – есть дерево, под тенью которого всадник может ехать 100 лет и не проедет он эту тень:

«Они вечно пребывают под сенью деревьев и рядом с журчащей водой».

Не райский ли сад с помощью ковровых узоров создают туркменские мастерицы?

Тихий безоблачный рассвет... Буйство красок на закате... Неодолимая притягательность затаившего гигантскую энергию предгрозового неба... Господи, до чего прекрасна жизнь! Как же выразить восторг перед величием и мощью природы?!

Сложность в том, что ковровое искусство – не спонтанно. На изготовление небольшого ковра могут уйти месяцы. К тому же раньше ковровщицы не работали с эскизами. И композиционные приёмы, и орнаменты, – всё это приходилось держать в голове вместе с «нарисованным» в воображении сюжетным замыслом.

Я снова и снова возвращаюсь к цветам, рассчитывая и на ваше к ним трепетное отношение. Кстати, традиция украшать дом цветами насчитывает многие века. Правда, такую роскошь в стародавние времена могли позволить себе только правители и их приближенные. Специальные люди, рисковавшие за малейшую оплошность лишиться головы, следили за тем, чтобы в царском дворце постоянно благоухали свежесрезанные живые цветы. Такой же «привилегией» пользовались в средневековой Европе восточные ковры.

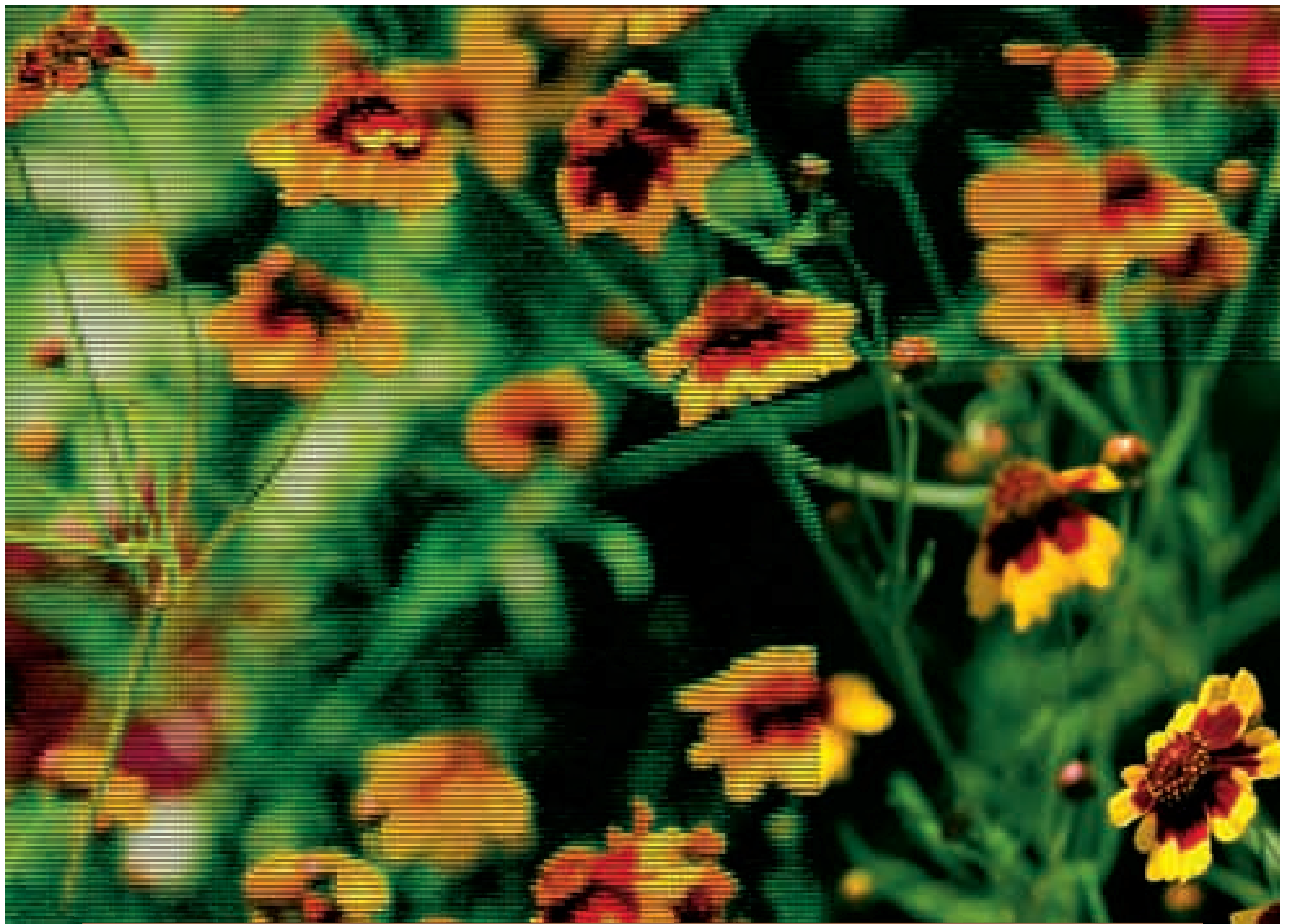
Но на родине туркменский ковер был абсолютно демократичен, щедро рассыпая роскошные тканые цветы под ноги и вельмож, и простых людей. Любая туркменская женщина могла вы ткать такой, а женщины, как известно, любят окружать себя цветами.

Да и кто может противостоять такой простой, такой естественной радости – радости общения с цветком.

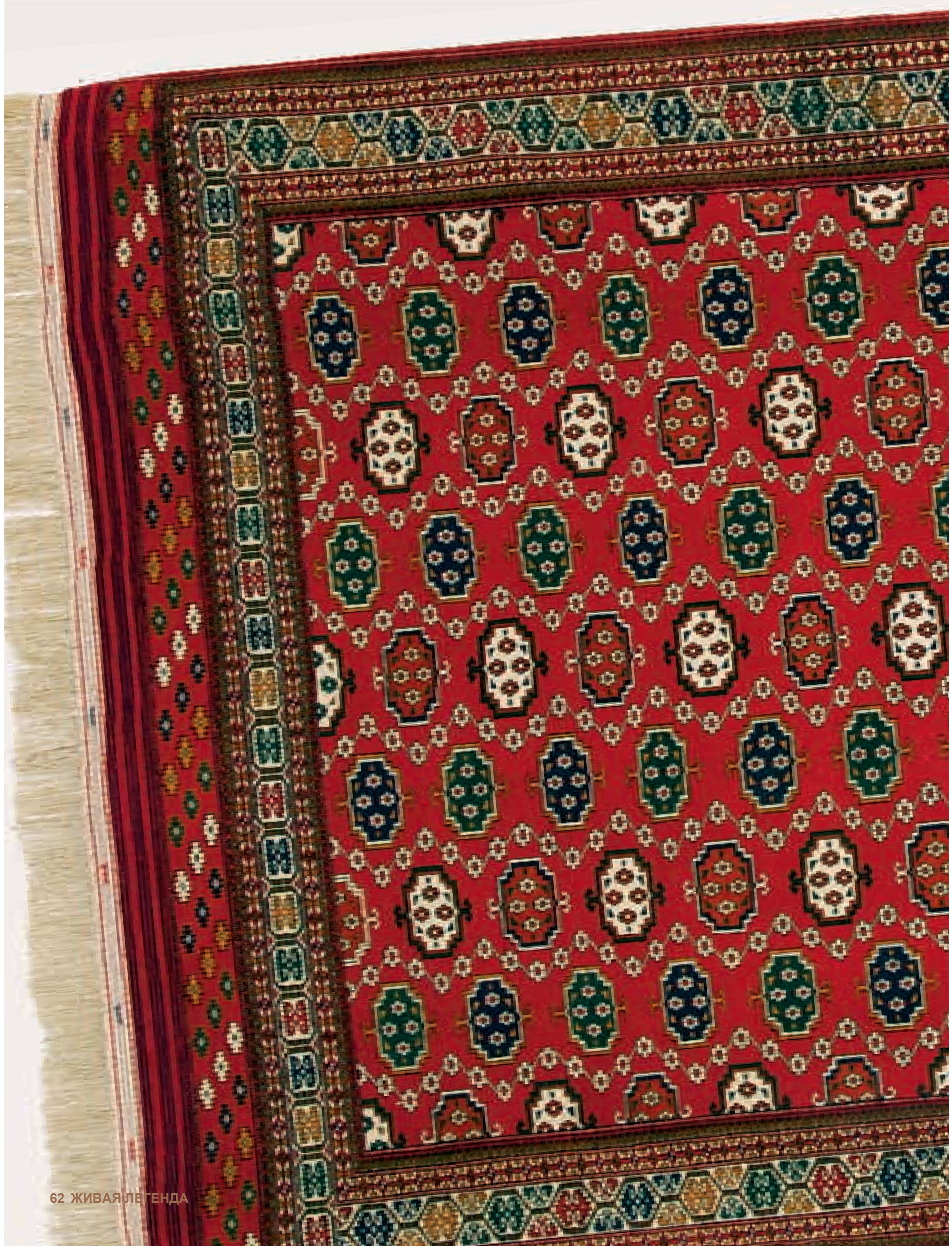

Удивительно, но всякий раз эта головоломная задача триумфально решалась, всякий раз самый сложный мозаичный замысел обретал искомую нерасторжимую целостность, становясь дивной мелодией для глаз.

Я не оговорился – у языка ковра и у языка музыки общий источник, общее происхождение. Но это на уровне непосредственного восприятия. Учёные же стремятся проникнуть в глубинные, первоначальные значения древней орнаментальной символики.

В обстоятельных научных трудах исследуется непростой язык ковра, иероглифы и пиктограммы его сокровенных смыслов, шифры и коды замысла, восходящие к мифам и легендам, магическим заклинаниям. Ну а наше дело просто любоваться прекрасными творениями...

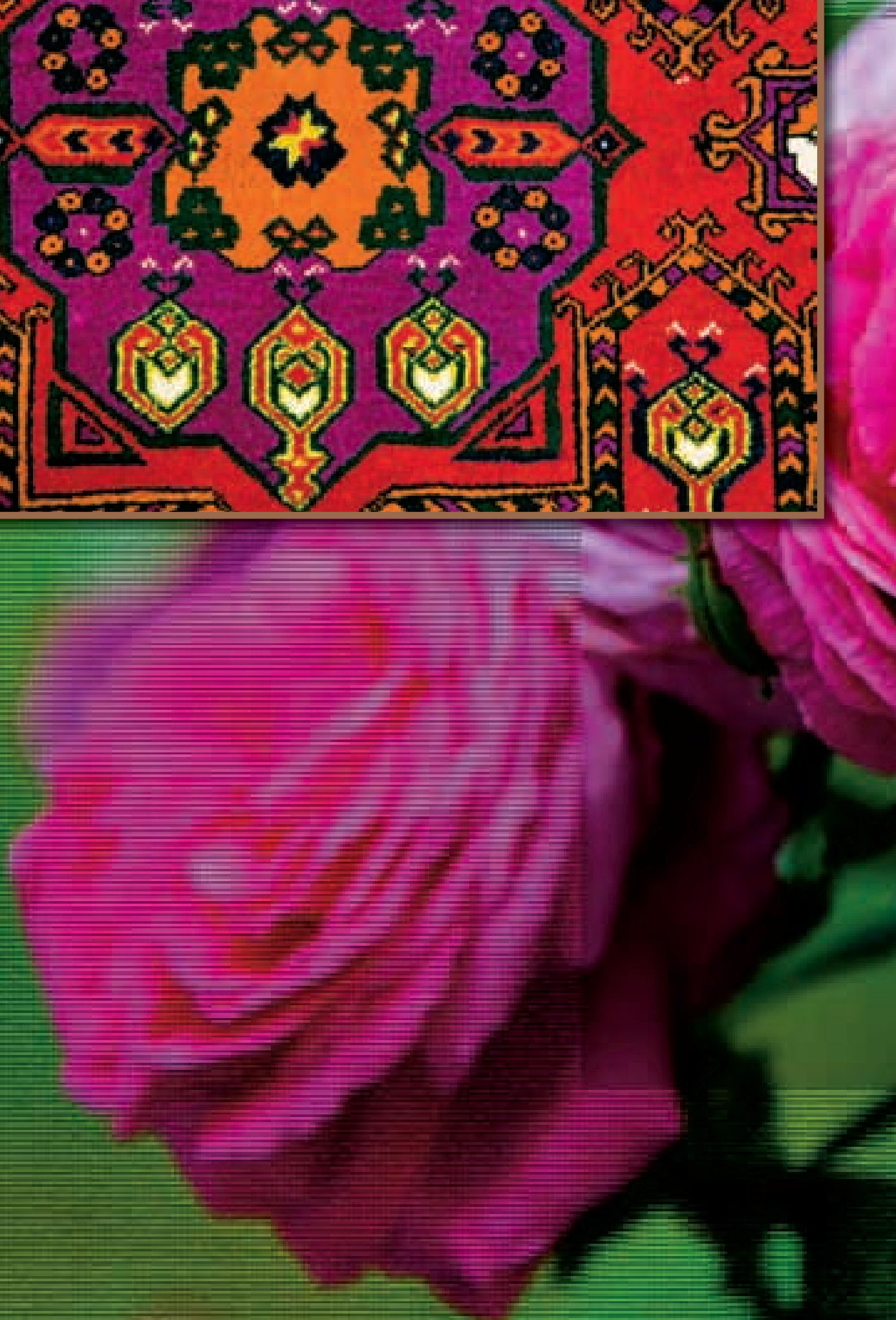
Язык ковра, ёмкий и многозначный, каждый может прочесть по-своему. Но только потому, что контекст его инвариантен. Здесь нет парадокса, но есть прямая отсылка к универсальности человеческого опыта. Совершенство, рожденное на туркменской земле, отражающее именно её неповторимую прелесть, впитавшее традиции и быт народа, его историю и сокровенное знание; совершенство, в котором, без преувеличения, заключена «книга судеб» туркмен, являет собой общезначимый изобразительный код реальности и надежд, правды и творческого вымысла, бытовавших в разные времена представлений о непостижимом, идеальном. Пульсирующий сгусток красочной энергии: исцеляющей, завораживающей своей бесконечной глубиной и переменчивостью.

Переменчивость! – вот слово, свидетельствующее о живой силе туркменского ковра. Посмотрите: его рисунок движется, словно бегущая по горным склонам тень облаков... Гляньте, как эта лёгкая тень подчеркивает восхитительную игру солнечных бликов на скалистых уступах и тропах...

О волшебные руки мастериц, о чудо переменчивой жизни, расцветающее на их полотнах, о исцеляющая мощь подлинной красоты!

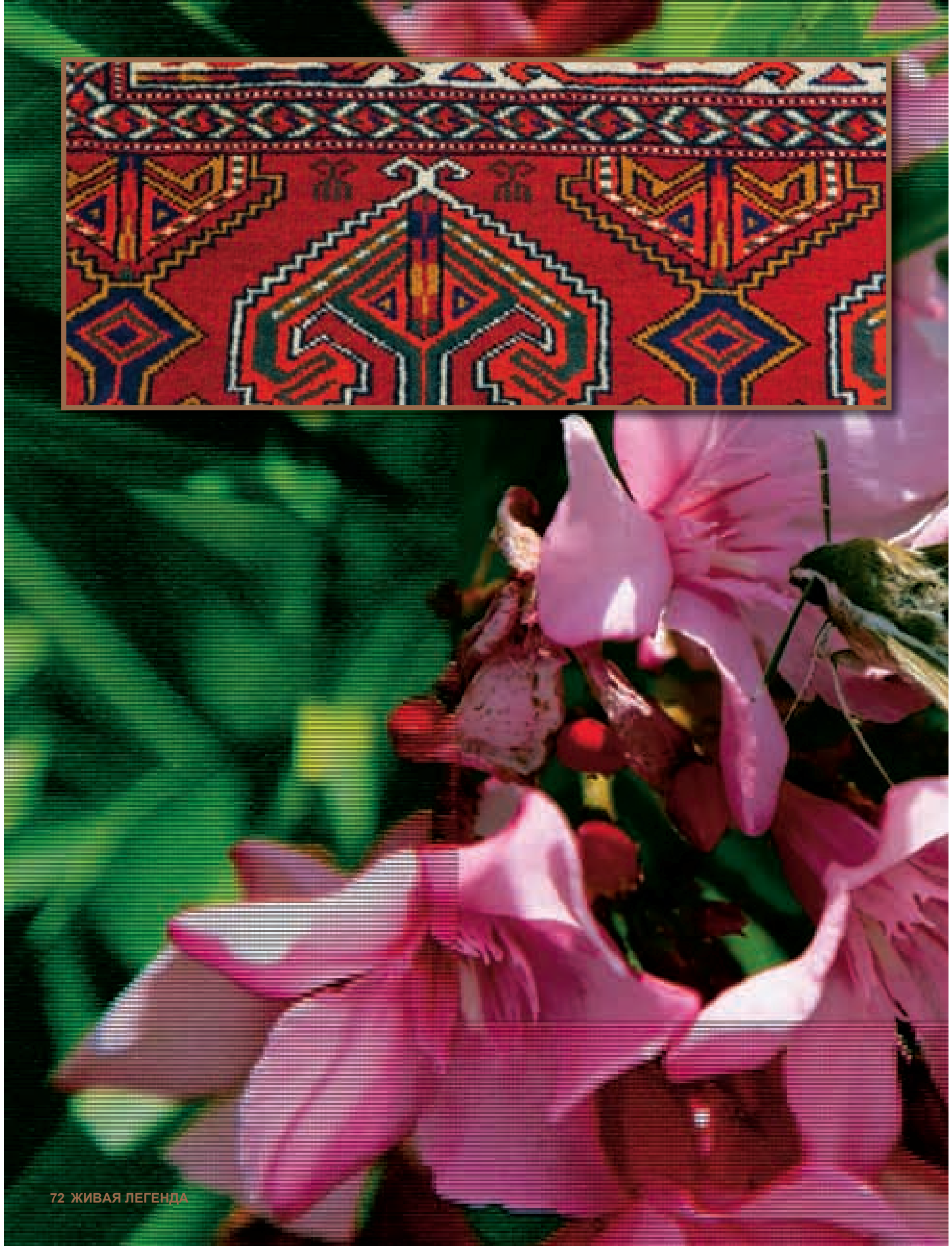

Нынче на цветочных базарах такое изобилие самого диковинного, самого экзотического товара, что голова идёт кругом! И всё же... И всё же королевой цветов во все времена, особенно на Востоке, была и остаётся роза. Восхитительная, царственная, она не могла не привлечь внимания ковровщиц, поставив перед ними фантастически сложную творческую задачу – передать главное достоинство цветка – его божественный аромат.

Всмотритесь в эту роскошную розу на ковре – кажется, на её лепестках застыли хрустальные капельки росы. Вот она дрогнула на длинной ножке и благоуханная волна коснулась сокровенных глубин сердца...

Попробуйте представить цветочную поляну без согласного гуденья насекомых... Ничего у вас не получится! Да и цветы не цветы без вечных их спутников – пчёл, бабочек, стрекоз... Множество остроумных решений нашли туркменские мастерицы для передачи на ковровом полотне вибрации легчайших крылышек, сообщающих всей композиции особую воздушность, невесомость, трепетность. Грех не повториться: всё в природе прекрасно, соразмерно и... неотменимо.

Воистину, мир природы – земной рай, отождествляемый с Родиной. Рай – не как место вечного блаженства, но как священная обитель созидания, добра, любви и творчества.

Бесчисленное множество цветочных композиций создано за века туркменскими ковровщицами. Если собрать их вместе – получилась бы, наверное, целая планета цветов!

Душа человека не просто отзывчива красоте, она – красотой создана и, резонируя с гармонией Вселенной, демонстрирует свою единственность с высшим разумом, с высшим миропорядком. Одно из ярких свидетельств тому, туркменский ковёр, чьё совершенство – слепок лучшего из миров.

Всё в природе: и цветы, и травы, всё, что служит источником красоты, – поцеловано Всевышним.

«**Л**ожась» на землю, ковёр и человека приглашает стать ближе к земле. Взгляд на ковёр никогда не бывает безответным: вы обращаетесь к нему, и он вам отвечает мудро и просто – исцеляюще.

Энергетику ковра нельзя выразить словами, её можно только почувствовать. Почувствовать как великое благо, как ауру далёкого и одновременно близкого вам человека, создавшего ковёр, вложившего в него вековечное представление о бескорыстном добре, о счастье творить добро.

Этот дар излучает свет души, тепло волшебных рук, согревая нас и оберегая, как талисман.

Талисман, воплотивший гармонию Вселенной и земного бытия.

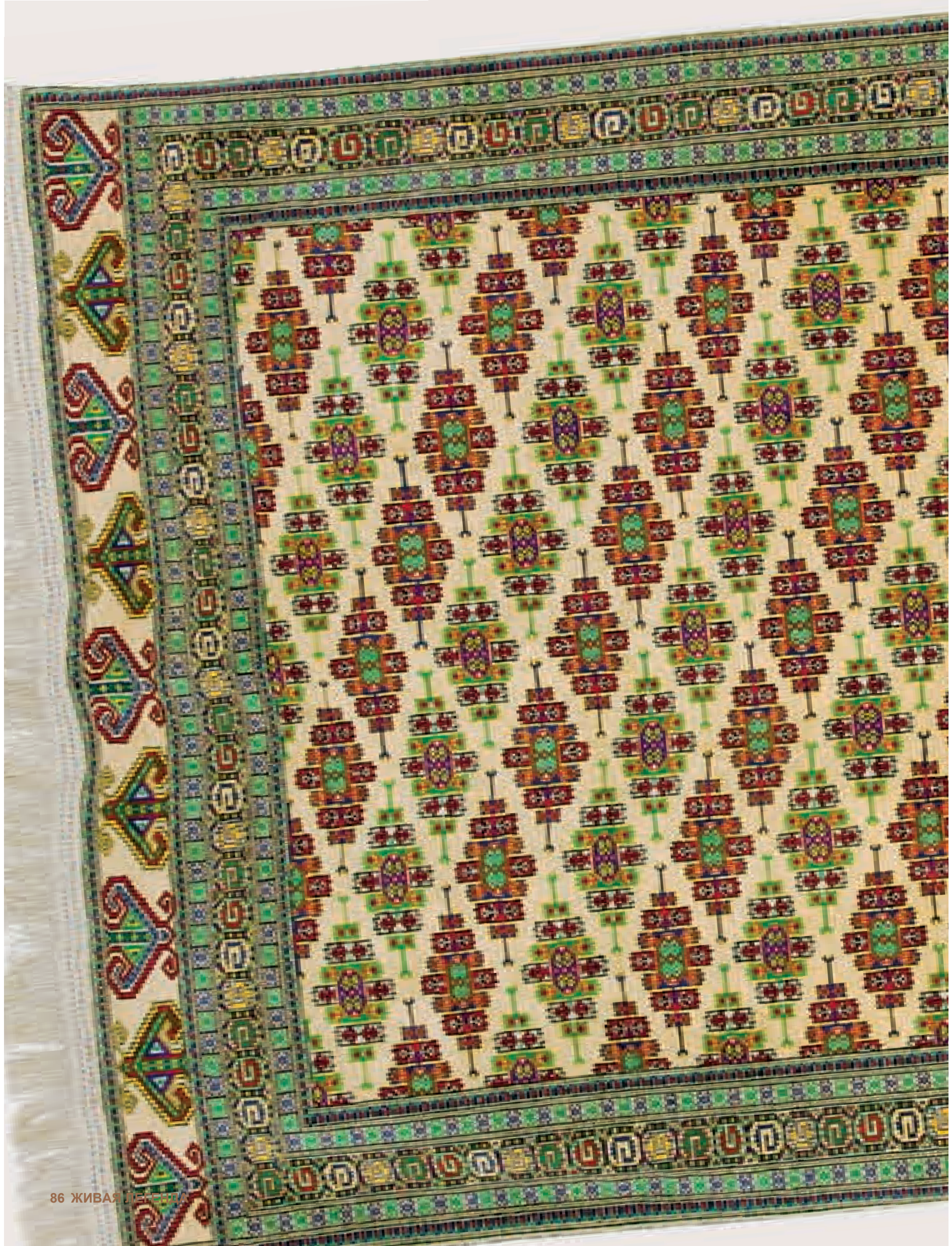

Природа одомашнена, очеловечена, холмистые ландшафты приветливы, от речных долин веет прохладой, спят безобидные барханы. Даже горы, утратив свою исполинскую – от края до края – монументальность, выглядят пластичными очертаниями горизонта, к которому позволено подойти сколь угодно близко...

Созерцание ковра может неожиданно подарить и оптические иллюзии. Его ворсистая поверхность в зависимости от цветовой гаммы, угла зрения, времени суток, естественного или искусственного освещения радует глаз то серебристым, то жемчужным мерцанием, то матовым отливом сердолика, то золотистым блеском песка в лучах полуденного солнца...

А этот ковер можно назвать песней воды в цветущем саду. Соединение в одной композиции нескольких стихий, чуть ли не всех цветов радуги, различных растений, птиц не противоречит требованиям «жанра». Ведь в природе всё гармонично, всё взаимосвязано. Такая «густонаселенность» отнюдь не затрудняет «чтения» орнамента, в котором воплотились древнейшее верования народа в духов земли и неба, божеств воды и деревьев.

Давно «выполнили» свою языческую миссию покровители скотоводов и земледельцев, охотников и ремесленников, воинов и купцов. Но, упокоившись в неразличимо далёком прошлом, они оставили в национальном сознании одухотворённые образы природы, Вселенной, подаривших Человеку надёжный кров в безграничном пространстве – времени.

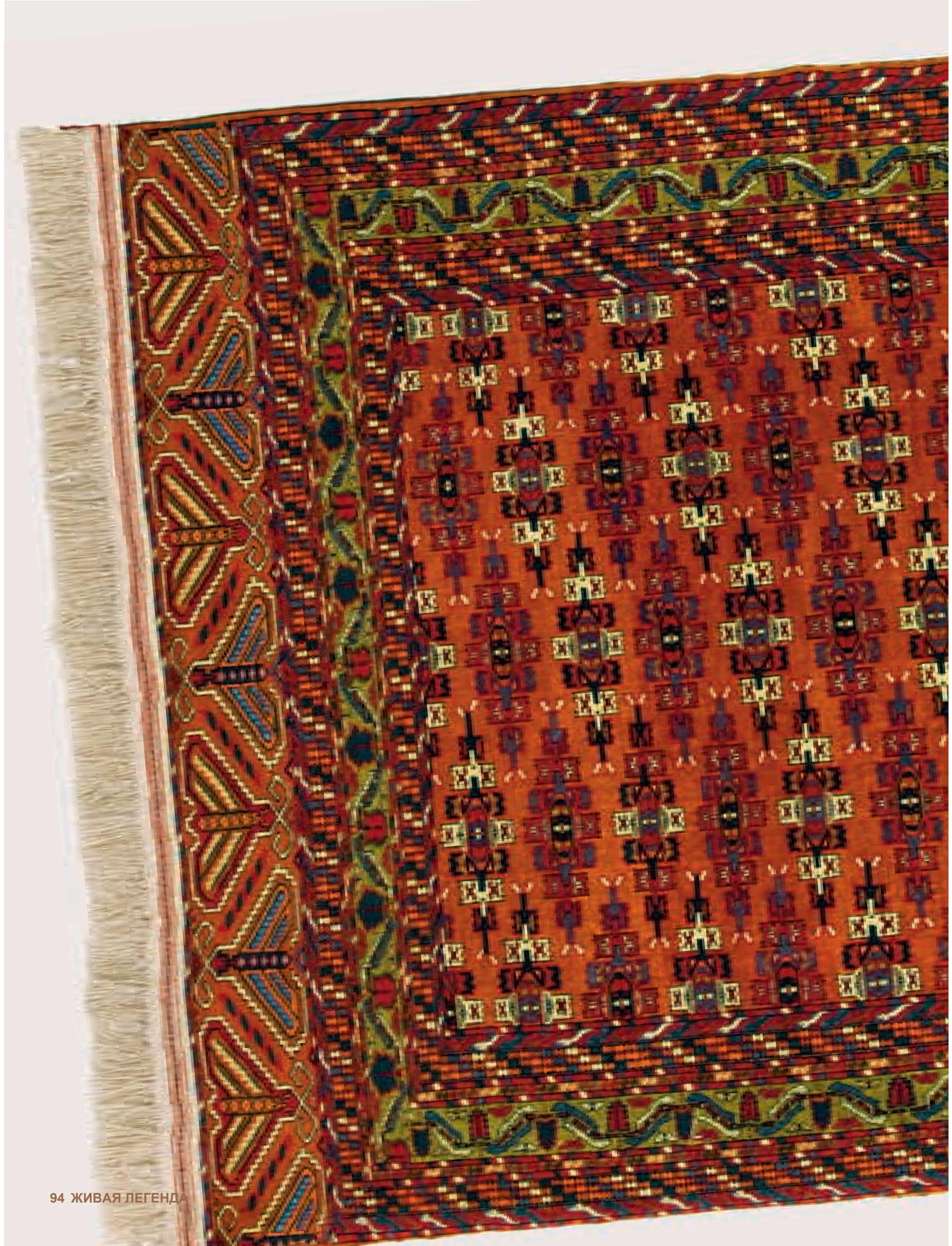

Детально проработанное центральное поле ковра обрамлялось каймой, которая также насыщалась различными декоративными элементами, населялась образами живой природы. Каждый из них получал своё, особое символическое значение в узорах и орнаментах, украшавших практически все предметы быта туркмен: здания и жилища, одежду и утварь. Именно эти образы наделялись магическим смыслом, приобретали значение оберега...

Искусство и ремесло – два крыла творческого воображения. И чем сильнее были эти крылья, тем выше взмывала вдохновенная мысль ковровщиц, подаривших нам непревзойденные шедевры. Чтобы передать в красках, в тончайшей игре узоров бесконечное разнообразие и неуловимую изменчивость природы, требуется величайшее мастерство.

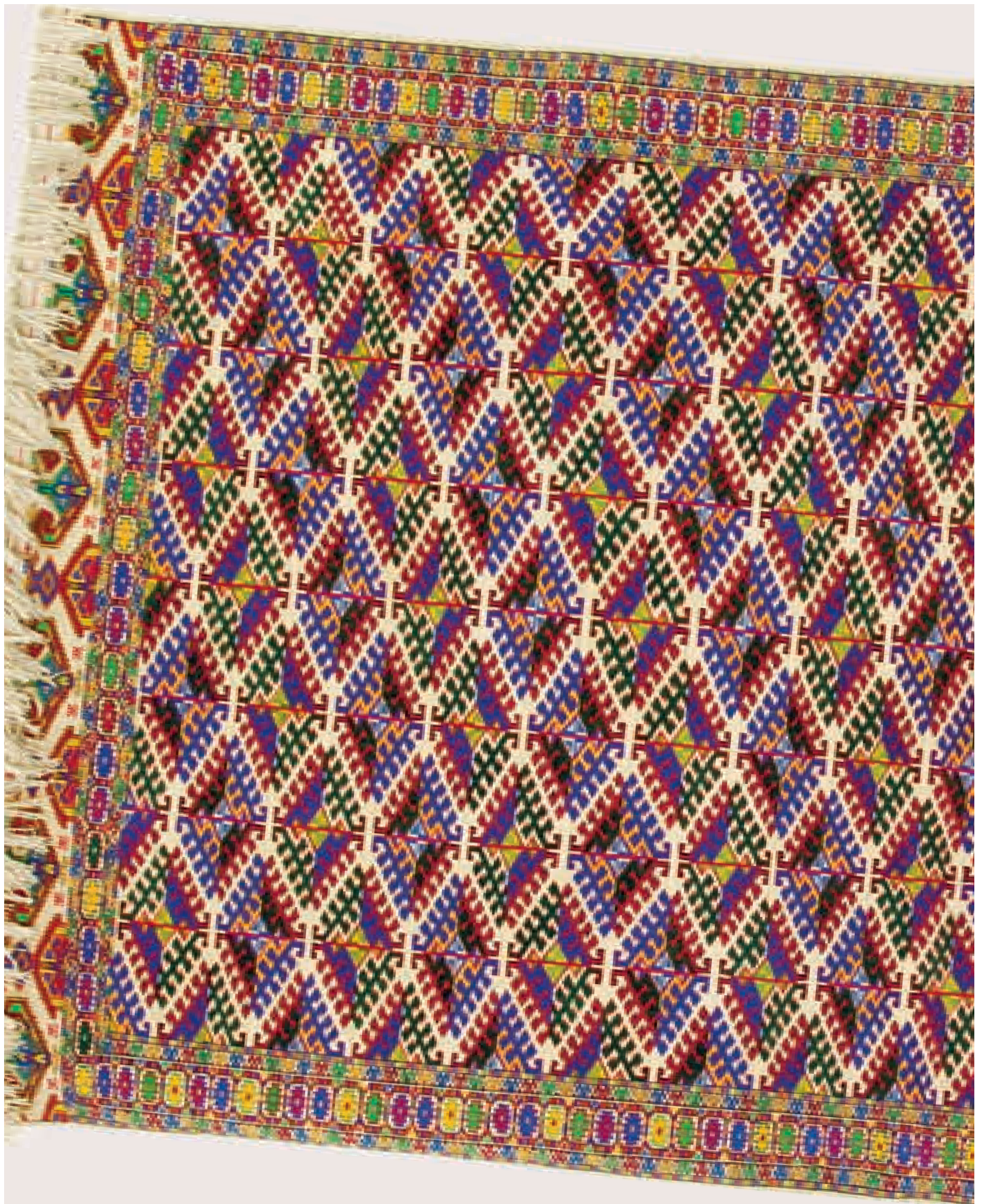

Орнамент – всегда феномен национальной культуры. Технические приемы орнаментации, цветовая гамма, даже названия узоров – суть концентрированное выражение истории народа: его происхождения, этнических процессов в разные эпохи, древних и современных контактов с соседями. Но решающее влияние на образные и графические особенности оказывают всё же географические и климатические условия.

Именно природа нашего края сформировала специфические черты туркменского орнамента, которые отличают его от орнаментов даже близких нам в культурном и этническом отношении народов.

Поэтому наш национальный ковровый орнамент уникален, как уникальна в своей красоте туркменская природа.

Сложность, многогранность изобразительного языка туркменского ковра – результат много-тысячелетней истории ремесла. Но, хотя уровень элементной его формализации весьма высок, основное эмоциональное переживание обычно прочитывается без затруднений, ибо всегда связано с окружающей природой, с непосредственным воздействием той или иной пейзажной особенности.

Давно замечена связь национального характера и ландшафта, который был и остается опосредующим звеном в формировании духовных качеств народа, его опыта и ментальности, исторической судьбы.

Родная земля и есть главный носитель и хранитель национального духовного опыта, отсюда и то постоянное, напряженное внимание к природе в нашей творческой традиции.

Можно предположить, что искусство это складывалось в годы или десятилетия относительной стабильности, когда борьба за выживание велась не столько воинами, сколько пахарями, когда смуты не омрачали безнадежно заботы о хлебе насущном и воде... Так или иначе, но он родился – туркменский ковёр. А родившись, раскинулся, образно говоря, под ногами самой истории.

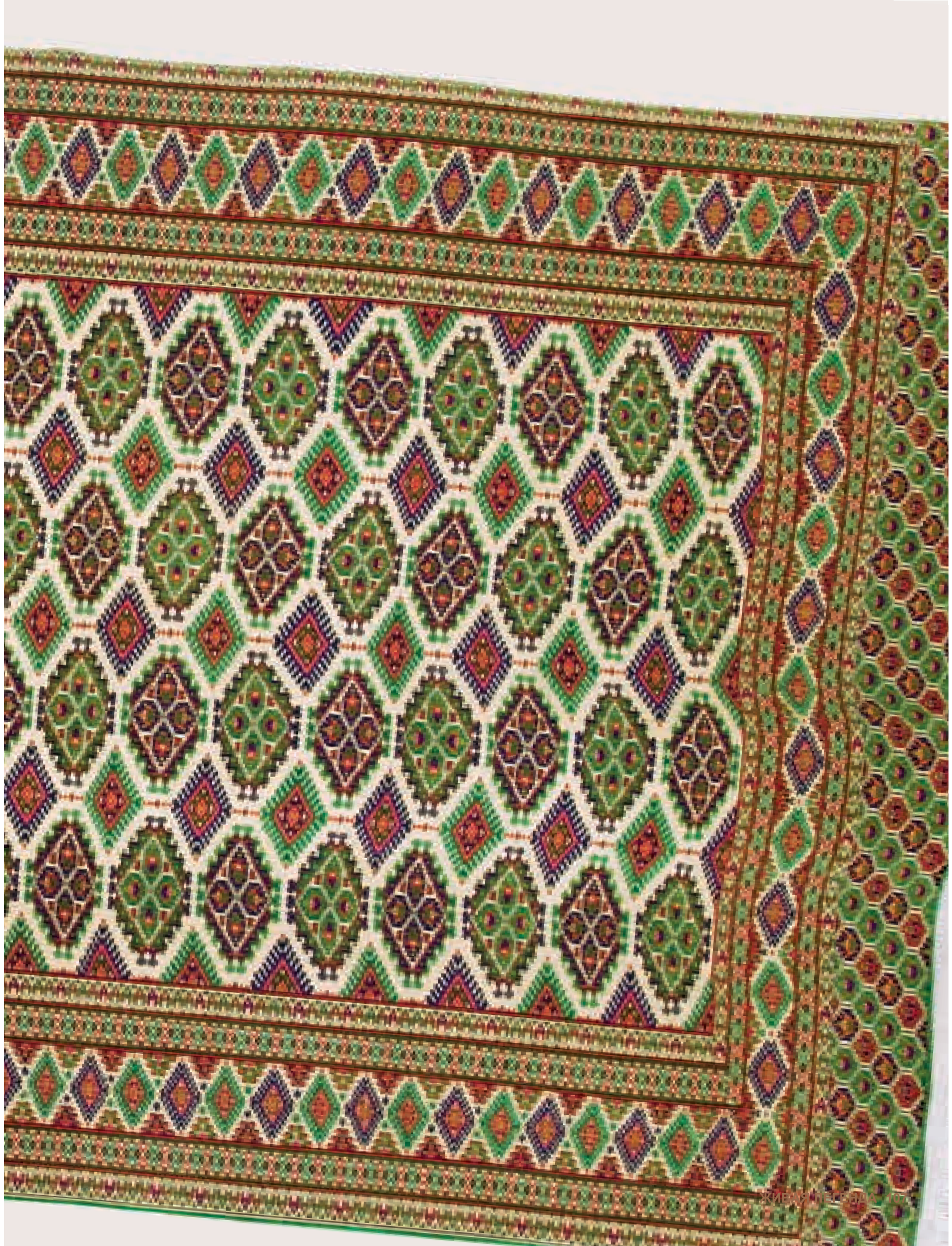
Поэтому пусть учёные спорят о возрасте туркменского ковроделия, нам же ясно одно: раз возникнув, ремесло это уже никогда не угасало, только крепло и развивалось. Необоримая жизненная сила, вложенная Всемогущим в волшебное семечко, просто не могла не найти выхода в мир, ибо на то была Его воля!

Щедрый дар Всевышнего туркменский народ с благоговением принял и с благодарностью сберёг как мудрую заповедь, как священную истину. И истина эта – в труде: преображающем, созидающем, жизнеутверждающем.

...Триумфален путь туркменского ковра в тысячелетиях – эпохи покорно расступались перед ним, освобождая дорогу в новые, новейшие времена... И он продолжает свое шествие по миру, неся с собой благую весть о древнем, талантливом и трудолюбивом народе, «ткущем» счастливую судьбу нынешнего и будущих поколений.

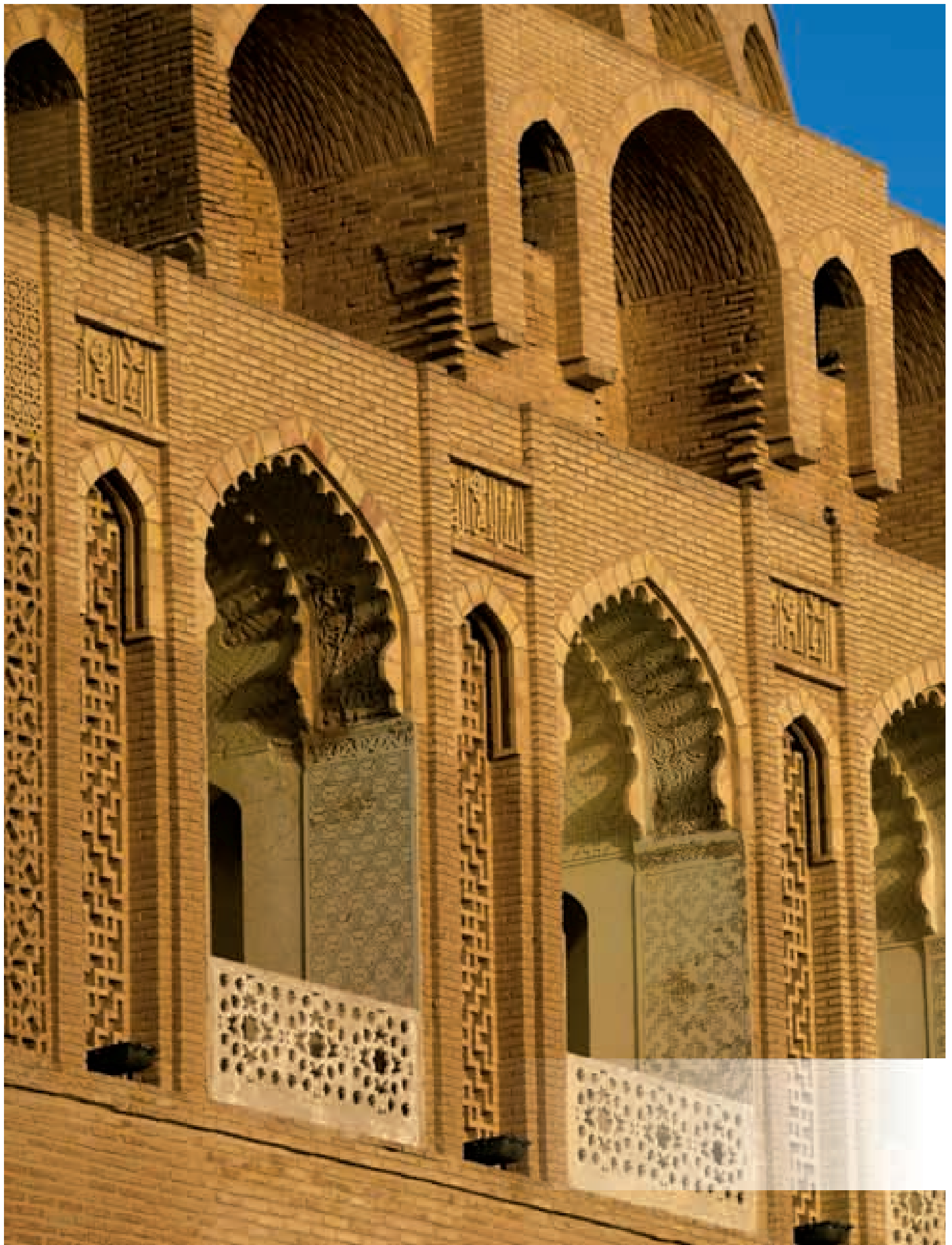

ПОСЛАНИЕ ВЕКОВ

Ковёр, пожалуй, самый известный в мире «бренд» туркменской культуры. Мы безошибочно узнаем его традиционный орнамент, мелькнул ли он в кадрах кинофильмов, был ли запечатлён на живописном полотне великих мастеров прошлого. Его «след» можно найти и в литературных произведениях авторов из разных стран, не говоря уже о записках путешественников, побывавших в этих краях в те или иные века, исторических хрониках, свидетельствующих о проникновении туркменского ковра далеко за пределы региона, и знаменитых музеях, а также многочисленных частных коллекциях по всему свету. Всё это – своеобразные метки, рассыпанные по странам и континентам словно жемчужинки одного ожерелья, изысканная красота и совершенство которых не ускользнули от внимания художников, писателей, ценителей искусства...

В течение веков туркменские ковры называли «красотой, сотканной из тайн». И это вполне объяснимо, если учесть, что у народа, имеющего историю в пять тысяч лет, самым древним ремеслом было ковроткачество.

Но до сих пор учёные «ломают копья» в спорах о происхождении ковров и их возрасте. Вероятно, первые «ковры» делали из трав, прутьев, древесной коры, и уже позже научились вручную скатывать шерсть в нить. Считается, что войлочные жилища нужны были кочевникам и возникли именно в их среде. Так ли это?

Туркмены, к примеру, отделяли понятие «кибитка» (палатка на телеге), от юрты, как стационарного жилища. Юрты присущи туркменскому быту не потому, что туркмены кочевали, но потому, что в жарком климате это наиболее экологичный и легко конструируемый вид жилища. И лучше ковра для него и придумать ничего было нельзя: лёгкий, компактно сворачиваемый – он очень удобен при перевозке и «многофункционален» в быту:

мог защитить от зноя и пыли, холода и пронизывающего ветра, дождя и песка, позволял быстро разгородить помещение на несколько «комнат».

Ещё один спорный вопрос: что древнее – ковры или керамика? Одни историки считают, что геометризованный орнамент ковров стал источником орнамента на керамике каменного и медного веков (найденной, например, в городище Алтындапе). Другие – наоборот. А третьи предполагают, что орнаменты на керамике были своего рода архивом, на базе которого сохранялись, восстанавливались и пополнялись орнаменты ковров. В любом случае, очевидно, что орнаменты туркменских ковров и узоры древней керамики тесно связаны.

...Когда пионеры туркменской археологии – экспедиция во главе с Рафаэлем Пампелли (США) – в 1904 году приступили к раскопкам ныне известных всему миру и всё ещё хранящих множество загадок холмов Анау, первой их удачей стали фрагменты расписной керамики, обнаруженные в этих поселениях эпохи энеолита. Учёные были изумлены поразительным сходством росписи с орнаментами современных туркменских ковров – та же гармония, полихромность, изящество, утонченность и законченность строгого геометрического узора, ритмичность многократного и, без сомнения, вполне устоявшегося уже к тому времени построения формы.

С той экспедиции началось и, похоже, никогда не закончится научное исследование непознаваемого в сущности феномена туркменского ковроделия, дата возникновения которого теряется в веках.

Вначале это были зооморфные рисунки, широко распространенные во всей Центральной Азии, – барсы, горные козлы, уточки, плывущие по реке, и т.п. Но постепенно происходит унификация керамических орнаментов: реалистические изображения животных и птиц

схематизируются, превращаются в некий символ, знак. Орнаменты предельно геометризуются, их композиционную основу теперь составляют ромбы, треугольники, зигзаги, кресты. По мнению большинства учёных, крест – это знак солнца, его животворящего начала.

Несомненно, орнаменты мастеров Юго-Восточных Каракумов имели не только декоративное, но и смысловое значение. В них «зашифрованы» сложные идеологические представления древнеземледельческих племен, связанные с космологией, с увядающей осенью и возрождающейся весной, палящим солнцем и удушающим дыханием Каракумов, словом, со всем мирозданием.

Любопытно, что ковровый орнамент эпохи энеолита распространился не только на керамическую посуду. Археологам посчастливилось на поселении Анау-I раскопать святилище, стены которого богато украшены полихромными росписями – красными треугольниками, заключёнными в чёрные рамки, нанесенными на серый фон и скомбинированными в шахматном порядке.

Ещё более интересный материал найден на другом поселении медно-каменного века – Яссы-депе возле современного города Каахка. Здесь тоже есть святилище, в котором сохранились следы настенной росписи в несколько слоев – ромбы чёрной и красной росписи, чередующиеся в ковровом ритме и обрамлённые по краям инкрустацией из алебаstra. Чем не настенные ковры?! Эти полихромные росписи – древнейшие фрески на территории Туркменистана, и датируются они началом IV тысячелетия до нашей эры.

Мозаичные вставки крестовидной формы, совпадающие с центральным гёлем туркменского ковра в виде ступенчатого ромба, обнаружены профессором В.И.Сарианиди в царской гробнице дозораострийской эпохи. Таким образом, не только в керамике, но и в древнейшем архи-

тектурном декоре отмечено сходство с туркменскими коврами.

Не менее поразительна находка исследователей памятника Йылгынлыдепе (7 тысячелетие до нашей эры). Здесь на полу одной из ритуальных комнат был обнаружен красный символ, по форме буквально совпадающий с магическим знаком «дагдан» – одним из важных элементов туркменской ковровой орнаменталистики. Сходное изображение найдено и на памятнике Улугдепе, возраст которого определен в четыре-пять тысяч лет.

Ряд исследователей считает, что в коврах полукочевников могли копироваться и знаки рунического письма.

Словом, загадка происхождения ковра порождает множество версий и гипотез. Ясно одно: это действительно ПОСЛАНИЕ ВЕКОВ, удивительным образом дошедшее до нас сквозь толщу времени и прочитать которое нам только еще предстоит.

Доказательством того, что в Туркменистане в IV -III тысячелетиях до нашей эры были развиты ткачество и ковроделие, служат и находки грузиков для ткацкого станка.

Особое значение имеют результаты многолетних раскопок в Юго-Западном Туркменистане – там, в долине Сумбара, на поселениях II тысячелетия до нашей эры обнаружены бронзовые ковровые ножи. Эти находки, по словам археолога И.Н.Хлопина, «позволяют не только опустить в глубь тысячелетий возникновение коврового орнамента, но и проследить столь же глубоко корни туркменского народа на его исконной территории».

Именно поэтому искусство ковроделия туркмен является не только бесценным памятником народного ремесла, его материальной сокровищницей и символом высокого духа, но и неисчерпаемым источником в изучении самой истории туркменского народа.

Самые старые туркменские ковры до недавнего времени датировались концом XVIII в. Однако теперь методом радиоуглеродного анализа выявлено немало изделий конца XV-XVI веков. Это неоспоримое свидетельство того, что некоторые наши ковры «живут» более четырёх столетий! Ну а полотна постарше можно увидеть на картинах художников средневековья (что указывает на огромную популярность шедевров туркменского искусства во все обозримые времена).

Существует, впрочем, и подлинное – «живое» послание веков: так называемый «пазырыкский ковёр», дошедший до нас благодаря счастливому стечению обстоятельств. Плотное шерстяное ворсовое полотно с изображением оленей, грифов и коней было найдено во

время раскопок царского могильного кургана в Горном Алтае в 1949 году. А тому, что оно так великолепно сохранилось, мы обязаны вечной мерзлоте – в захоронение проникали вода и воздух, в результате ковёр оледенел и потому избежал гниения.

Эта находка, датируемая V веком до нашей эры, свидетельствует, в частности, о поистине бесценном для учёных факте: за тысячелетия классическая техника ручного плетения ковров не претерпела никаких изменений.

Хранящийся ныне в Санкт-петербургском Эрмитаже пазырыкский ковёр произвел сенсацию в научном мире. Археологи, историки, искусствоведы поныне ломают копья в дискуссиях относительно национальной принадлежности ковра: одни считают его древнеперсидским, другие – тюркским. А начало полемики положил по праву первооткрывателя руководитель тех раскопок известный археолог С.Руденко. Он предположил, что ковёр случайно попал на Алтай из Ахеменидского Ирана. При этом сам же Руденко указывал, что геометрические формы декора не характерны для искусства Персии и Передней Азии.

В развитие данного соображения следует отметить полную идентичность цветовой гаммы, плотности и технического исполнения пазырыкского ковра со многими видами ковров туркменских. Он имеет такой же бордюр по периметру, такое же основное поле, крестообразный орнамент на красном фоне в центральной части... Так что вопрос о происхождении этого артефакта имеет, по всей видимости, один ответ.

Как же попал древнетуркменский ковёр на Алтай?

Дело в том, что еще во II тысячелетии до нашей эры предки туркмен (туранские – дахо-парфянские – племена) продвинулись с территории современного Туркменистана на восток – в сторону Алтая и Монголии. Они-то и принесли с собой в Центральную Азию искусство ковроделия. Существует ещё один неопровержимый аргумент, подтверждающий эту версию – вместе с нашими пращурами появились в тех местах прославленные туркменские скакуны, те самые ахалтекинцы, которых восхищённый до глубины души китайский император назвал «небесными конями».

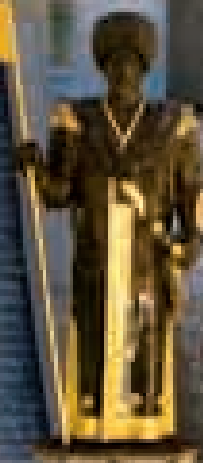

Ряд историков идет в доказательствах ещё дальше. По их мнению, пазырыкский ковёр совпадает с туркменскими не только по композиции (расположению узоров и сочетанию цветов), но и символикой: двадцать четыре центральных орнамента указывают на двадцать четыре племени туркмен-огузов.

Огуз хан, живший в III тысячелетии до нашей эры, считается родоначальником туркменской нации. «Огузнама» – «Поэма об Огузе» – выдающееся произведение древнетуркменского фольклора, общий для всех тюркских народов памятник литературы, созданный древними авторами на основе генеалогических легенд. Историко-литературные источники на китайском, греческом, арабском, персидском языках, археологические находки, научные исследования подтверждают, что сюжетная линия Огузнама возникла на заре человечества и распространилась затем на огромных географических пространствах.

В трудах средневековых авторов описано, как Огуз хан за несколько десятков лет покорил весь Туркестан, куда входили Северный Иран, Средняя Азия и Казахстан вплоть до Восточного Китая. Потом – Китайскую империю, город Чжурчжун, Тангутское царство и многие другие земли. Считается, что именно Огуз составил не сохранившийся, к сожалению, древний туркменский алфавит – элипбий. Однако некоторые историки полагают, что он все же дошел до нас в виде отдельных графических символов и знаков ковра.

Изучение древней реликвии выявило и другие общие черты. Так, чепраки с кисточками, накинутае на спины изображенных на пазырыкском ковре лошадей, есть и на туркмено-сельджукских миниатюрах. А в квадратных делениях пазырыкского ковра можно увидеть основу традиционного восьмигранника и «гёлей», которые поныне используют наши мастерицы.

Такова одна из множества линий распространения в древности туркменских ковров. Другие связаны с родными пределами. В III веке до нашей эры туркмены основали Парфянскую империю, ставшую крупнейшим государством Древнего Востока. Парфянские ковры широко экспортировались в Европу и высоко ценились римскими императорами. Интересно, что на современных йомудских коврах и сейчас можно увидеть «якорь» – царственный знак династии парфянских царей Арсакидов.

Отметим попутно как заслуживающий внимания факт и то, что, наряду со строго геометризированным орнаментом, на старых полотнах широко использовались стилизованные изображения баранов, верблюдов, лошадей, птиц и т.д. Например, на редчайшем образце IX-XII веков, сотканном для царей Газневидов, помимо узоров вытканы вереницы верблюдов и пара слонов. Вероятно, сюжет связан с индийскими походами этой туркменской династии.

Вот так ковёр пронёс сквозь века славную историю народа и сам стал историей, расстелившись из прошлого в настоящее и будущее как мост, соединяющий времена. Эстетически и функционально он и в самом деле близок к архитектуре. Порой ковёр буквально повторяет элементы зодчества: арки и порталы, колонны и купола, окна и висячие лампы... Маленькие молитвенные коврики – намазлык – в своём рисунке обязательно имеют архитектурную деталь – Михраб – алтарь в мечети.

В XI-XII веках на политической арене Востока появилось могучее туркмено-огузское государство, возглавляемое династией Великих Сельджукидов. К самым значительным архитектурным сооружениям той эпохи следует отнести шедевр средневекового зодчества мавзолей султана Санджара в Мерве, все еще хранящему неразгаданные тайны. Весь его облик свидетельствует о творческой мощи, о полном расцвете державы сельджукидов. Он и сегодня восхищает удивительной гармонией, выверенностью пропорций. Такая же фундаментальность, стройность, математическая завершенность композиции отличает туркменские ковры, где каждый штрих словно кирпичик – вытащишь один такой и пошатнется, а то и рухнет вся идеально продуманная конструкция.

Первые письменные свидетельства, относящиеся непосредственно к туркменским коврам, датируются XIII веком. Знаменитый итальянский путешественник Марко Поло, побывавший в Малой Азии, восторженно писал о них, как о «самых тонких и красивых на свете».

Искусство ковроделия было завезено туркменами и на Ближний Восток, откуда поистине драгоценные изделия наших мастериц разлетались подобно коврам-самолетам

по всей тогдашней Ойкумене. Далеко не все знают, что изображения туркменских ковров украшают интерьеры картин великих мастеров итальянского возрождения: Липпо Мемми «Мадонна» (1350 г.); Никколо ди Буонакорсо «Обручение Марии» (1380 г.); Лоренца ди Креди; фреска Пистойского собора (1475 г.). Как не гордиться этим!

Искусствоведы разглядели туркменские орнаменты и в картинах венецианских, немецких, фламандских худож-

Липпо Мемми «Мадонна», 1350

Лоренца ди Креди, фреска собора в Пистойе

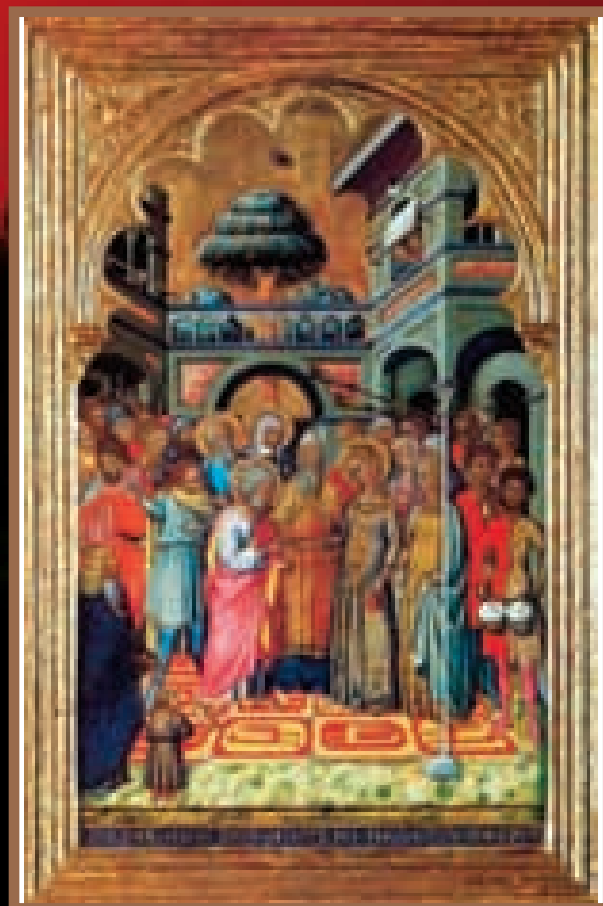

ников... В частности, в знаменитом полотне Гольбейна «Георг Гиз» изображен текинский «гёль», известный ныне в европейском искусстве как узор «гольбейн».

Ковры, найденные в Форстате (Египет) К. Дж. Ламмом, оказались великолепными образцами туркмено-османского искусства XIV -XV веков, причем их узоры обнаруживают сходство с човдурским «гёлем». В настоящее время они выставлены в Национальном музее Стокгольма, а также музеях Каира и Афин.

Никколо ди Буонакорсо «Обручение Марии», 1380 г

Узоры наших национальных шедевров представлены также на персидских миниатюрах эпохи Тимуридов. Туркменские изделия и в самой Персии, которая славилась своими коврами, считались наилучшими. Разными путями туркменские ковры завоевывали мир, и не подозревавший о существовании крошечных сел и этнических групп, хотя их названия прочно вошли в научную лексику: «теке», «бешир», «салор»...

Гольбейн «Георг Гиз»

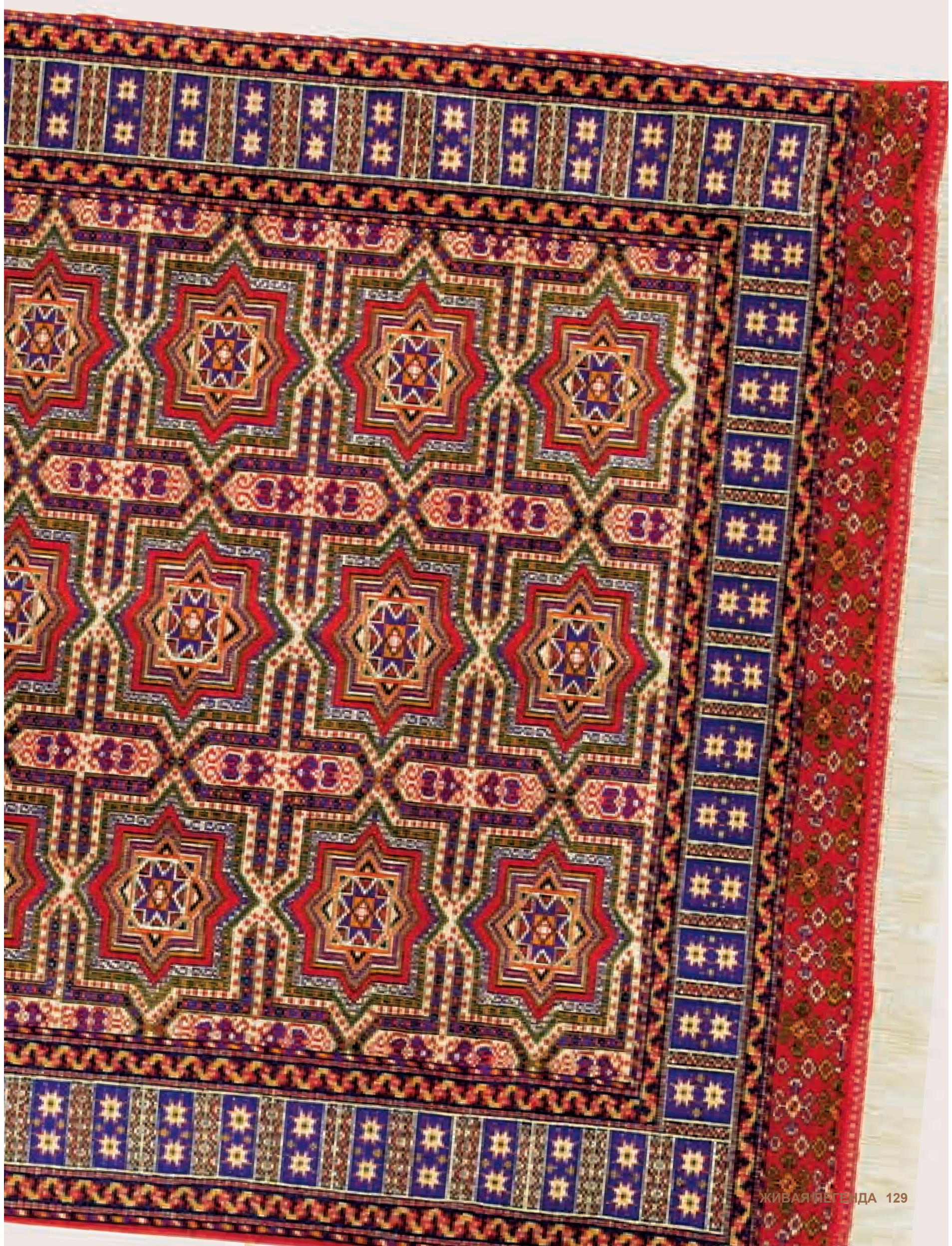

Джулио Росатти «Продавец ковров»

Выполняя множество бытовых функций, ковёр, конечно, что-то неизмеримо большее, чем просто совокупность практических назначений. Это не только один из важнейших элементов национального уклада жизни, не только вершина декоративно-прикладного искусства – с ковром связаны и этические нормы народа, и его эстетические воззрения, и чувство родного очага, и любовь к Родине...

Архитектура, несомненно повлиявшая на ковёр, и сама многое взяла от него. Порой декор зданий настолько точно и красочно передает орнаментальную стилистику, что учёные безошибочно определяют тип и группу «процитированного» ковра.

Разбросанные по всей земле туркменской памятники давно ушедших веков часто называют безмолвными свидетелями истории.

Но так ли уж они безмолвны?

В них все еще звучит эхо былых времен, и если перевести взгляд с оплывших руин некогда величественных сооружений на ковёр, мы поймём, что душа у них одна, и душа эта бессмертна.

Туркменский ковёр как послушный ученик великого мастера, пытался скопировать все формы земной жизни, стараясь проникнуть в «суть и связь вещей». И архитектура под стать ему стремилась к гармонии с окружающей природой, становясь монументальной метафорой всепокоряющей красоты мира.

Совершенство архитектурных приёмов сродни высочайшим достижениям туркменского ковроделия. Изысканные формы придавали сооружениям нарядный, праздничный вид. Нередко орнамент красочным ковром покрывал порталы, стены, своды арок... Для узорчатой кладки широко использовался фигурный кирпич. Именно декор объединял здания, произведения народного искусства, предметы быта, одежду, ювелирные украшения в неповторимый стилевой ансамбль.

В облицовке монументальных зданий искусно сочетаются мозаика, глазурь, фигурная кладка, другие декоративные приемы и техники. В ковроделии же для достижения «скульптурного» эффекта комбинируются различные структуры ворсовой ткани (из овечьей, козьей, верблюжьей шерсти, хлопка, шёлка) и рельефная стрижка; на иллюзию объема работает и изысканная игра красок, орнаментов.

И строители-декораторы, и ковровщицы мастерски соединяли конструктивную основу и функциональность с изумительной отделкой, тончайшей орнаментацией. Сам процесс кладки кирпичей можно образно сравнить с плетением ковровых узлов – так – ряд за рядом – растут два рукотворных чуда – дворец и ковер...

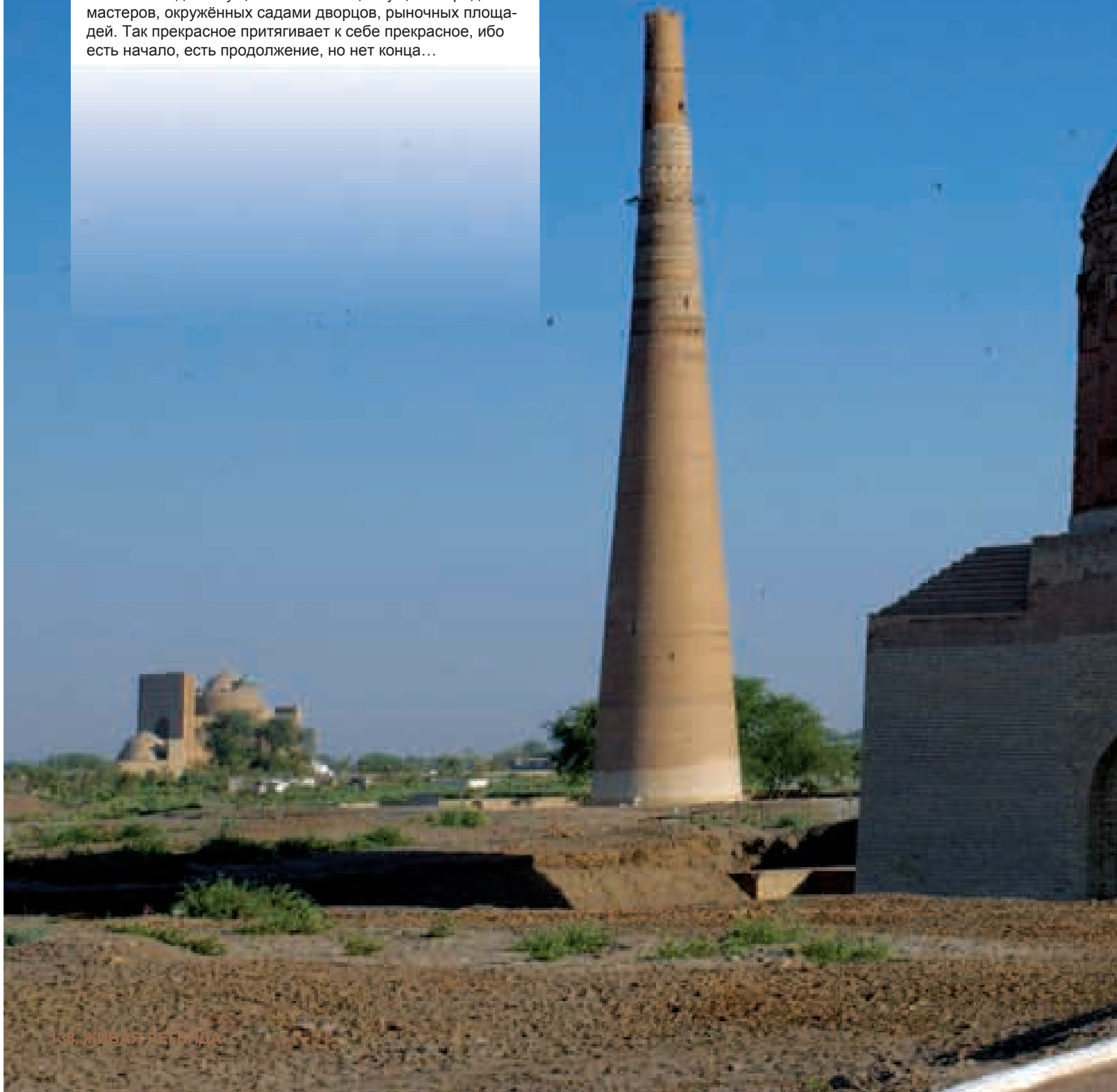

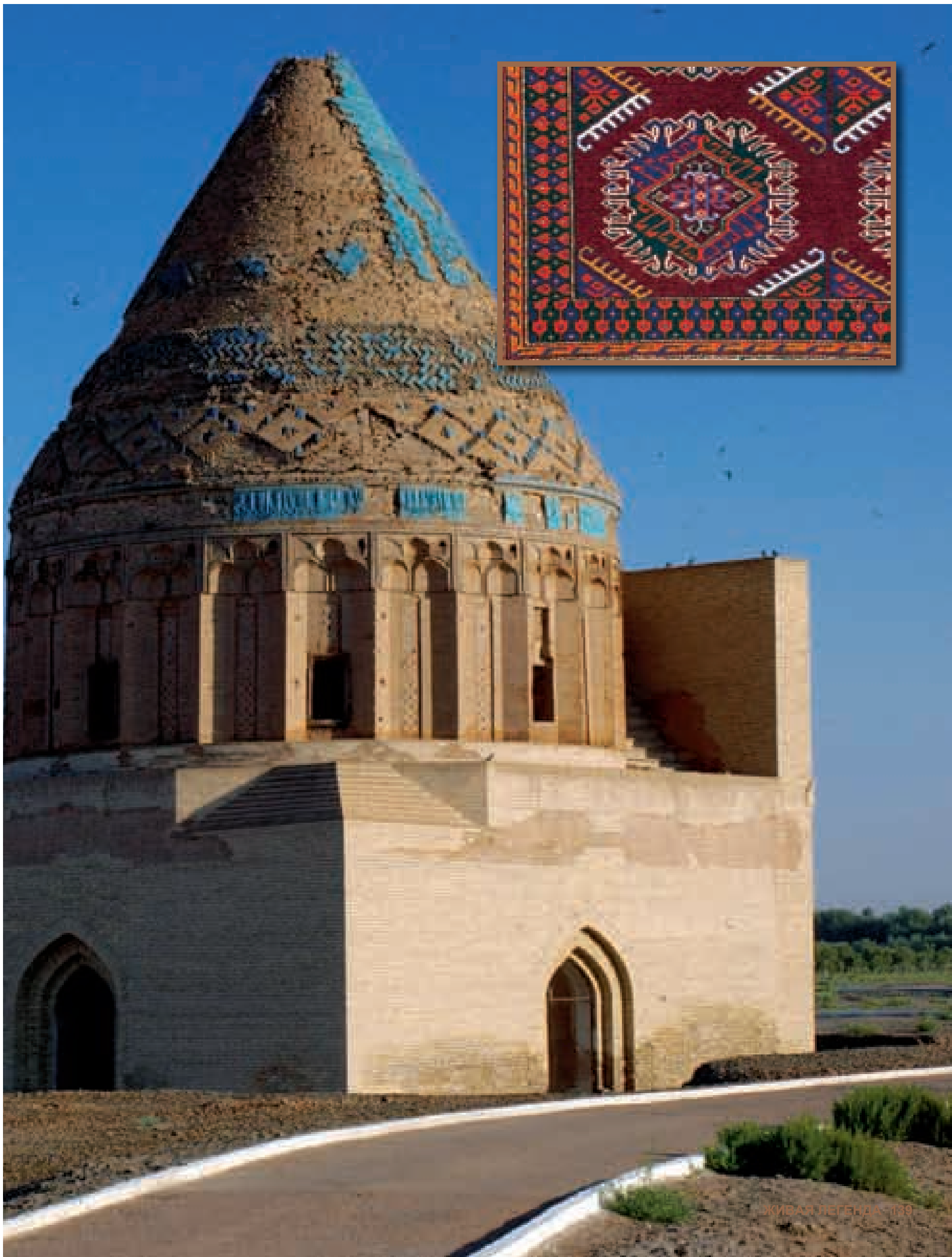

Подобный в своем совершенстве «застывшей музыке» туркменский орнамент особенно созвучен знаменитым архитектурным шедеврам Куняургенча, где жили и творили не только великие учёные, но и непревзойденные гончары, строители, зодчие... Среди их творений – минарет Кутлуг Тимура, считающийся одним из самых высоких в Центральной Азии, мавзолей Тюрабек ханум, великолепный купол которого так радует сердце, и многие другие.

А теперь взгляните на ковёр... Вот он подёргивается лёгкой дымкой веков, сквозь которую проступают очертания некогда могущественного и цветущего города мастеров, окружённых садами дворцов, рыночных площадей. Так прекрасное притягивает к себе прекрасное, ибо есть начало, есть продолжение, но нет конца...

«Дом начинается там, где расстелен ковёр», – говорили наши предки. Даже если вокруг выжженная пустыня или суровые горы и вездесущая пыль висит зыбким облаком над безжизненными песками, даже если тяжёлое, расплавленное солнце, как свинец, выжигает жизнь, даже если вместо стен – лишь тонкая ткань шатра.

В туркменском гёле можно разглядеть и образ юрты. Легко возникающая и исчезающая, летучая как бархан, переносимый ветром, она вовсе не беззащитна, скорее даже похожа на маленькую крепость, защищённую со всех сторон магическими оберегами ковра.

Первые шаги ребёнок делал на сотканном к его рождению детском коврике, а девушка – невеста везла с собой на верблюде целое ковровое приданое. Дом жениха встречал невесту тоже коврами. Перед ней откидывался ковровый полог с богатым орнаментом – энси, загораживающий вход в юрту, и она, переступив гермеч – коврик на пороге, оказывалась на большом, устилающем пол халы. Вдоль стен кибитки стояли ковровые «сундуки», мешки и мешочки для всевозможной домашней утвари. Изю дня в день туркмен просил Аллаха о лучшей доле, протирая коленями коврик для молитвы – намазлык, а когда заканчивались его земные дни, усопшего накрывали ковром-аятлыком...

Так ковёр сопровождал туркмена на протяжении всей его жизни – от рождения до последних минут пребывания на земле.

Десятки видов ковровых изделий использовались в быту. Главный ковёр в доме тот же паспорт – в нем закодирована история племени, рода, семьи.

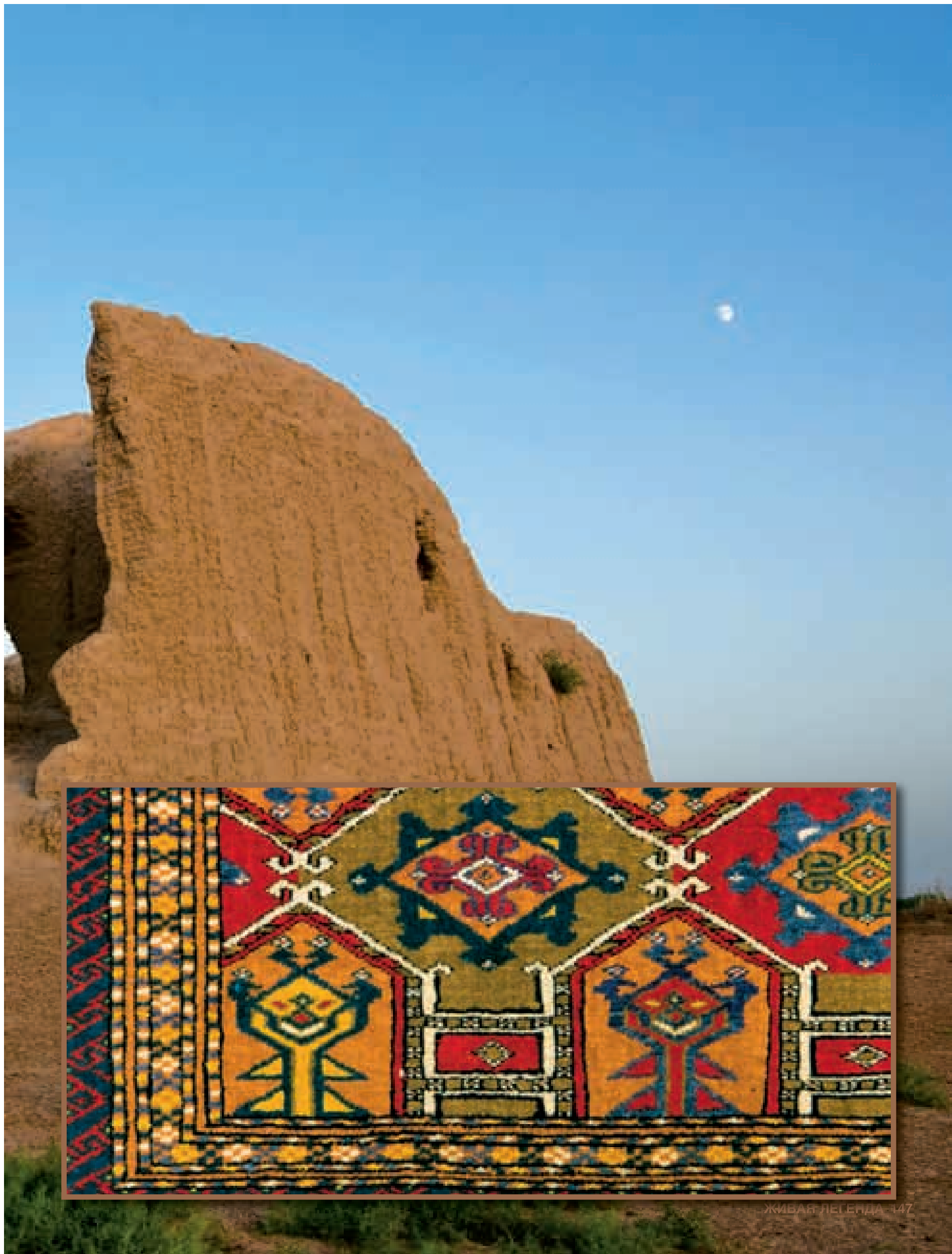

Бесконечная цепь чередований изысканных образов, геометрического орнамента выражала идею непрерывного движения, негасимости очага, бессмертия народа. Как сказал наш великий соотечественник Омар Хайям: «Весь мир – поток метафор и символов узор».

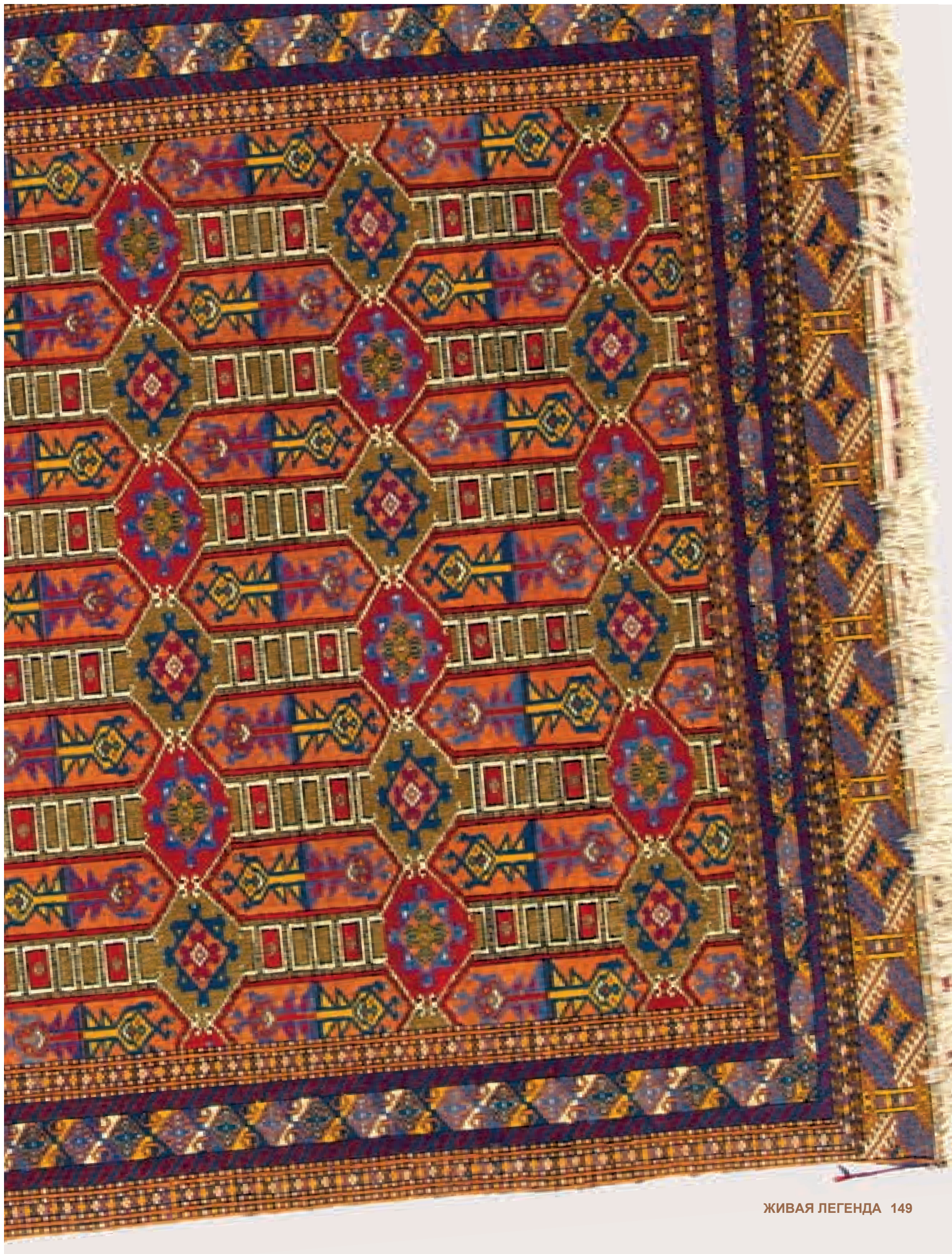
Время всемогуще. Проходят столетия, сменяются цивилизации, рушатся несокрушимые империи. Но подлинная красота вечна, она парит над временем, как туркменский ковёр-самолёт, прославивший родину нетленным своим совершенством.

Считается, что хороший ковёр – как хорошее вино: чем старше, тем изысканнее. Не случайно о туркменских коврах говорят: «прочнее камня – нежнее розы». Только после долгого пользования сквозь расщепленные концы ворсинок, их бархатистую мерцающую поверхность проступает глубина красок. Вот такую мерцающую игру и ценят особо коллекционеры, собирающие ковры с многолетней историей и богатой «родословной».

Следует, пожалуй, добавить, что народной традиции отнюдь не противоречат и сюжетные полотна. Один из лучших образцов такого рода – ковёр с изображением росписи портала знаменитой Анауской мечети XV века, разрушенной землетрясением 1948 года. Она получила мировую известность благодаря уникальному мозаичному панно с изображением драконов. Ее величественные руины высятся неподалеку от легендарных курганов Анау, раскопки которых пролили свет на истоки туркменского ковроделия, всей пятитысячелетней культуры нашего народа. Согласитесь, знаменательное соседство!

Двух извивающихся драконов, обращенных друг к другу в геральдической композиции и составляющих

главную особенность внешнего убранства мечети, ковровщицы виртуозно передали в рельефном исполнении. Используя несколько разновидностей ножиц, варьируя высоту ворса, добившись эффектных цветовых переливов, они придали фантастическим фигурам динамику живых существ.

Драконы на портале мечети не имеют даже отдаленных аналогов в Центральной Азии. Достоверного объяснения это решение зодчих пока не получило. Однако среди местных жителей из поколения в поколение передается удивительное предание.

Когда-то на холме, где сейчас стоит мечеть, росло дерево, на котором висел колокол. Любой человек, будь то путник или страждущий, мог звонить в него, и люди все-

гда оказывали ему помощь, выручали из беды. Однажды жителей окрестных селений разбудил тревожный звон. Вместе со всеми пришла на холм и царица Джамал. В колокол звонил огромный дракон, и в глазах его была не злоба, а мольба. Он просил спасти другого дракона – тот проглотил козла, а козёл застрял у него в глотке рогами. По велению царицы люди забрались в огромную пасть, распилили рога, избавив бедолагу от страданий.

На другой день звон колокола раздался вновь, но теперь торжествующий, радостный. Сбежавшийся народ с изумлением увидел огромную грудку золота и драгоценных

камней, которую драконы в знак благодарности сложили у ног красавицы Джамал. По её-то приказу на все эти сокровища и была возведена мечеть, увековечившая образы сказочных существ.

«Домом красоты», как и столетия назад, именуют лежащую ныне в руинах мечеть местные жители. «Дом красоты!» – восклицаем мы, глядя на драгоценный ковровый шедевр гениальных дочерей туркменского народа, хранительниц прекрасного, превративших бытовое ремесло в высочайшее искусство.

РУКОТВОРНОЕ ЧУДО

За тысячелетия своего исторического пути ремесло ковроделия, возникшее из вдохновенного источника национального духа туркмен, из глубин души прекрасных женщин нашего мужественного народа, достигло уровня искусства, причем искусства, поразившего весь мир.

И сегодня оно поражает не просто великолепной красотой ковров (в мире немало создано предметов престижной роскоши), но, прежде всего, удивительным, органичным, слитным соединением в едином целом эстетической и практической функций – возвышенного и утилитарного, изысканного и бытового, божественного и земного.

Ведь они были не только (и столько) нарядным украшением, но и повседневной необходимостью, служа и «обоями» стен, и «паркетом» пола, «дверьми» и «порогом», «мебелью» и «чемоданами».

Ими любовались, восхищались, они были ценнейшей семейной реликвией, передаваемой из поколения в поколение, И в то же время – на них сидели, ели, спали, ими покрывали лошадей и верблюдов.

Буквально для всего существовали свои специальные ковровые чехлы и «шкатулки» – для соли или столовых приборов, музыкальных инструментов или гребней, прочих «аксессуаров».

Буквально все, что окружало человека, в жилище, в пути, на охоте, должно было радовать взгляд как хозяина, так и всех остальных.

И для этого не жалко было ни времени, ни усилий – в каждой семье были свои мастера и мастерицы.

Существовали целые роды и селения, прославившиеся своим самобытным ремеслом и искусством, выработавшие свои специфические каноны и приемы.

Все центры туркменского ковроткачества имели не только свою исторически сложившуюся орнаменталистику, но и технологические особенности – виды узла, высота ворса, используемые материалы, красители и т.д.

Туркменские ковры – салорские, текинские, ахалтекинские, иомудские, эрсаринские и пендинские или сарыкские и другие – это тот пласт в мировом ковроделии, который совершенно уникален как по своим художественным достоинствам, так и по качеству изготовления: прочности, эластичности, легкости и устойчивости цветов.

Цветение пастбищ пустыни, огни очагов, золото солнца и песков, краски шкур животных и цвет спелого плода граната, который исстари в Центральной Азии был символом плодородия, пришли на туркменский ковёр и слились в песню его узора.

И всё же среди всех ремёсел древнейших предков туркменский ковёр явился как чудо, как феномен планетарного уровня, совершенство которого всегда будет будоражить воображение и бесконечно интриговать пытливую научную мысль учёных всего мира, вдохновлять художников, музыкантов и поэтов.

Главным материалом для изготовления туркменских ковров была и остается шерсть. У туркмен, как и у многих других народов, еще в древности звериная, а позднее и шкура одомашненного барана наделалась способностью исцелять больного, укреплять здоровье, увеличивать силу. Позднее эти свойства были перенесены и на сам ковёр.

В старину наши предки в войлок или ковёр заворачивали больного, чтобы передать ему силу животного. Отголосок веры в магическую силу шерсти до сегодняшнего дня сохранился в обычае класть на дно детской колыбельки войлок или коврик. Детские запястья перевязывают шерстяными нитками, чтобы защитить малыша от болезни и сглаза.

Кстати, в наши дни такой узорчатой шнурок – аладжа – часто носят и взрослые. А ещё повязывают его на руль

современного автомобиля и даже... штурвала морского танкера или гигантского «Боинга», коих немало в аэро-службе Туркменистана.

Для ковра шерсть подбиралась особенно тщательно – ковроделы могли опытным взглядом выбрать из отары овец наиболее подходящих. Они хорошо знали, когда именно начинать стрижку и с каких именно мест (шея и брюхо овцы) состригать шерсть, которая пойдёт для пряжи будущего ковра. Овец перед стрижкой полагалось перегнать через мелкую речушку: шерсть тогда омоется, будет чистой, нежной и пушистой.

Не менее сложным был и сам процесс возделывания шерсти, пряжи – всё это основывалось на фундаменте тысячелетнего опыта, не на выводах диссертаций и монографических исследований, а на знаниях, являющихся плодами пытливых наблюдений многих и многих поколений туркмен.

От природы туркменский ковёр взял не только жизненную силу шерсти, но и изумительные краски окружающего мира. В ковре они обрели новую жизнь, следуя законам соподчинения и дополнения цветовых гамм.

Натуральную краску ковровщицы добывали из местных растений. Основные темно-красные тона получали из марены, при этом в зависимости от способа окраски и предварительной обработки пряжи протравителями достигали разных оттенков от коричнево-красного — цвета сгустка крови, до тёмно-вишнёвого. Жёлтую краску получали из плодов крушины, травы сары-чоп, беж и коричневую — из гранатовых корок, зелёную — из медных опилок,

обработанных кислым молоком или виноградным уксусом. Для крашения шерстяной пряжи годились и кожура репчатого лука, и стебли виноградной лозы, полынь и барбарис, засушенная корка граната и зелёная кожура только-только поспевающего ореха. «Красительным потенциалом» обладали и минералы, и деревья – дуб, чинара, ива...

Индиго и кошениль завозились из Индии и Персии, стоили дорого, поэтому синий и малиновый цвета употреблялись редко и в малых количествах. Белые, коричневые, чёрные и серые нити прялись из неокрашенной овечьей шерсти натуральных оттенков. При этом бралась лучшая шерсть весенней стрижки – более длинная, нежная и блестящая.

Этого небольшого набора природных красителей было достаточно, чтобы обеспечить всю тонкую и доведенную до совершенства цветовую гамму туркменских ковров, которая, кстати, как и орнамент, выдержала испытание временем. Краски, производившиеся сложными домашними способами, сохранили для нас старинные ковры во всей их яркости и сочности цветов, подобно бессмертным произведениям великих мастеров-живописцев прошлого.

Для пряжи, как уже отмечалось, отбиралась самая лучшая – весенняя шерсть равнинных овец. При этом учитывалась ее прочность, мягкость, эластичность, длина, блеск и извитость. На прядение нитей шли только длинные и тонкие волокна. Ведь ценность ковра всегда определялась по его плотности. Лучшие ковры, сотканые из тончайших нитей, насчитывают до нескольких тысяч узелков в квадратном дециметре.

На изнаночной стороне ковра можно разглядеть микроскопические – с песчинку – узелки. Если их, завязанных за всю историю туркменского ковроделия, собрать в одном месте, то, наверное, получились бы величайшая пустыня таких песчинок-узелков... Куда там нашим Каракумам!

Туркменские мастерицы первыми в истории ковроделия научились соединять в полотне шерстяные, шелковые и хлопковые нити. Историки XIX века отмечали, что «шелк в туркестанских коврах применялся очень редко, за исключением туркменских».

Шелковые нити использовались для обеспечения более высокой плотности узлов, что позволяло создавать орнаменты особо утонченного рисунка.

Казалось бы, так просто: ниточка, к ниточке, узелок к узелку. Откуда ж в коврах «берётся» душа?

Ответа нет. Но есть автор чуда – женщина, ее сердце и руки! От натяжения основы на станке до среза готового изделия – лежит пространство такой концентрации внимания и творческих сил, которую правильнее всего было бы назвать медитативной. Наверное, только в таком состоянии можно, не ошибаясь, не утрачивая вдохновения, решать столь протяженную во времени задачу. Но... Войдите в комнату, где работает ковровщица. Вас поразит немислимая быстрота и безупречная точность движений ее пальцев. Словно арфистка, легко и упруго касается она струн – нитей ковра, извлекая из них завораживающую музыку красок.

Поражает и смелость ярких мазков, которые кладут на свои полотна мастерицы, рассказывая посредством красок природы о цветущих садах алычи и персика, о тихих заводях, укрытых платановыми рощами, о щедрых полях, окаймленных виноградниками и тузовыми деревьями.

Чтобы создать всю эту красочную гамму, надо было знать и время использования каждого плода, каждого дерева – от этого зависело, какими получатся краски – светлыми или темными.

Осень – сезон ореха, барбариса, весна – дуба, ивы, яблони. Шафран, алычу и айву можно было использовать лишь в пору цветения, а некоторые цветы, наоборот, лишь после увядания. Их собирали, сушили и долго хранили, используя по мере надобности.

Когда же надобность наступала, начиналось строжайше регламентированное священнодействие. К примеру, кипятить некоторые ингредиенты можно было лишь в медных казанах. Все имело значение: и химические реакции, связанные с процессом окисления, и способность медных казанов медленно нагреваться и долго остывать. И ведь это знание складывалось по крупицам в течение многих столетий! Воистину, преемственность – залог бессмертия народа.

И вот пряжа шаг за шагом, этап за этапом превращалась из аморфной массы в яркую радугу, которая рассыпалась затем щедрым многоцветьем в орнаментах и узорах, рождая новые и новые ковровые шедевры.

Тут мы повторимся, несколько сместив акценты: весь процесс работы над ковром – от начала до конца – истинное священнодействие. Поэтому, наверное, как к святыне относятся туркмены к ковро. И чем «старше» становился ковер, тем больше ценили его внуки и правнуки.

Неслучайно народ опозитивировал ковроткачество, труд мастериц и даже их инструментарий. Ковровые термины вошли в фольклор: пословицы и поговорки, сказки и загадки. Отгадки не вызывают у детей затруднения – туркмены знают их с колыбели.

В народном сознании умение ткать ковры приравнивается к высоким моральным ценностям. Недаром в туркменских сказках ремесло это ставится выше власти. Вот как глубока народная вера в праведность труда!

Традиционное разделение туркменских ковров на группы связано не столько с этническими, сколько с природными особенностями регионов, где зародились различные творческие школы. Скажем, волнообразные узоры, преобладание сине-голубого, зеленого, лилового, сиреневого, белого, кремового цветов, характерное для йомудских ковров, навеяны морскими пейзажами Каспия.

Текинские и мервские ковры отличает «пристрастие» к красному и оранжевому цветам; беширские – к желтому, зеленому, синему; пендинские (сарыкские) – к тонам верблюжьей шерсти, серому и коричневому цветам.

Но колорит ковров определенной зоны в еще большей степени зависит от тех натуральных красителей, которые добывались в этой местности.

К слову, в арсенале натуральных красителей есть и полученные из лекарственного растительного сырья, свойства которого я подробно описал в монографическом исследовании. Так что целебная сила, приписываемая иным коврам, отнюдь не миф.

Туркменские ковры ручной работы издавна создавались на простейшем горизонтальном станке: две пары кольев вбивались в землю на расстоянии, заданном шириной и длиной будущего ковра. За кольями укреплялись два бруска, между ними натягивалась основа. Сложно представить, но на площади, равной двум человеческим ладоням (1 кв. дм), ковровщица безо всякого инструмента, пальцами завязывала от двух-трех до шести-восьми тысяч узлов! Затем она ножом обрезала нити, оставляя ворс длиной от 4 до 12 мм. За месяц кропотливого труда создавались всего 4–5 кв. м коврового полотна.

С годами ковёр, подобно человеку, взрослеет, меняется, смягчаются его цветовые сочетания: глубину приобретают синий и красный цвета, а белый, наоборот, теряет яркость, становясь медовым. Новый ковер можно «состарить» и искусственно, расстелив, как это делают и ныне в некоторых ковродельческих аулах, прямо на улице, под ноги проходим. Таким способом добиваются особого – «натоптанного» – блеска, отличающего «зрелый» по возрасту ковёр. Таким способом проверяется и качество – если ковёр заблестел, служить ему двести, а то и триста лет.

Ковёр, кстати, нельзя было выбрасывать и рвать, ему была уготована «смерть от старости».

Семь цветов радуги – семь нот, а какое множество вариаций, красочных мелодий можно создать! Труд ковровщиц всегда был трудом творческим, а их, порой, вынуждали просто копировать утвержденные фабричным планом узоры. Это губило индивидуальность, сводило ремесло к ремесленничеству, к трафарету в прямом и переносном смысле слова. Любая застывшая форма, бездумное тиражирование убийственны для раскованного, свободного искусства.

Лучшие ковры выставляются в музеях, но лучшим музеем для ковра является наша повседневная жизнь. Повсюду в Туркменистане – в офисе, в театре, в собственной квартире вас ждет обязательная встреча с ковром.

Он по-прежнему украшает наш быт, по-прежнему юные девушки учатся у мам и бабушек тайнам коврового ремесла. Да будет так во веки веков!

Народное искусство по сути своей импровизационно, и в этом его прелесть. Импровизационно исполнение бахши, неповторимы произведения ювелира-зергера, не бывает двух одинаковых, сотканых вручную ковров. Вольно или невольно, каждая мастерица внесет что-то новое в орнамент, цветовую гамму, композицию, узоры.

Стороннему наблюдателю рождение ковра может показаться делом нехитрым. Но ведь халычи зачастую выводит на ковре узор по памяти, без рисунка. Она моментально находит любую нить – желтую или голубую – и точно привязывает в нужном месте. Ее легкие руки словно порхают, вот неуловимое движение – блеск ножа – и еще одна нить отсечена от узелка – одного из многих-многих тысяч (заметим, к слову, что плотность отдельных уникальных образцов превышает миллион узлов на квадратный метр). Но количество узелков – не самоцель. Важнее, какую внутреннюю историю проживает человек, пока делает ковер. О чем думает, мечтает, к кому обращает свое вдохновение.

Мастерицы говорят, что садиться за станок нужно только с хорошим настроем, иначе просто не выдержать столь кропотливого, столь напряженного дела, требующего помимо концентрации и терпения, участия души. Её-то мы и чувствуем, когда смотрим на ковёр.

Туркменский ворсовый ковер — это сгусток, а лучше сказать драгоценный сплав труда, упорства и вдохновения. «Подобно пчелке, соблюдающей геометрическую точность сот, туркменская ковровщица без всякого эскиза будущего ковра, почти интуитивно строит абсолютно точные в своем распределении на общем поле или в пределах бордюров разнообразные правильные фигуры, но наряду с традиционным набором определенных орнаментальных тем вносит неистощимую фантазию не только в их сочетания, но и в выработку новых узоробразующих комбинаций», — так описывает знаменитая ученый-археолог Г.А.Пугаченкова работу наших женщин.

П одлинная народность ковра и в том, что он объединял людей, воспитывал в них коллективизм, взаимовыручку, добрососедство. Если у кого-то, скажем, свадьба «на носу», а одной никак было не справиться, не успеть с ковром к сроку, то объявлялся своеобразный аврал. Сзывались соседки, которые безвозмездно подключались к работе. Об отказе не могло быть и речи, наоборот, неприглашенные могли долго обидеться.

Традиционное пожелание ковровщицам в работе: «Пусть не смолкает мелодия ваших даракон!»». А вот другие слова, родившиеся в глубокой древности: «Гозун айдын!» – «С радостью вас!» – так по традиции и сегодня приветствуют ковровщиц, только-только завязавших последний узелок, завершивших свой кропотливый труд. «Тангры ялкасын!» – «Да благословят вас Небеса!», отвечают мастерицы.

И начинается ритуальное действо: торжественно, в присутствии почётных гостей и друзей готовый ковер срезается со станка. Это праздник – искренний, весёлый, истинно народный: с поздравлениями, подарками, песнями, танцами...

В старину готовый ковер расстилался на улице или на базаре, по нему должны были пройти толпы людей. Чем больше, тем лучше. Так ковер испытывался на прочность. После этого его чистили и мыли. И это тоже был объединяющий людей обрядовый праздник, праздник, связанный с началом и завершением работы.

И сегодня ковровщицы вкладывают в каждый новый шедевр душу и самоотверженную любовь к делу. У многих детство и юность прошли за ковровой рамой. Одни учились ремеслу под присмотром матерей, другие – под руководством наставниц ковровых фабрик. Но как бы не начинался их путь к мастерству – дома или в цехе, выбор сделан. И это высокий выбор, и это нелегкий выбор, требующий полной самоотдачи и безоговорочной преданности.

Туркменские ковры сродни вдохновенной музыке. Они полны таинства и магии совершенства. В их красоте – чудо домашнего очага, хранимого туркменской женщиной – продолжательницей традиций духовности.

КОВЕР – ДУША ТУРКМЕН

Иво времена, когда не было еще письменности, люди умели фиксировать свои мысли, заветы, наставления, страхи... Иначе как бы они стали людьми. Самое интригующее, самое загадочное в истории то, что у нее нет «дна» – и древнейшие племена опирались на необозримо далекое прошлое, на опыт предков. Поэтому пустые хлопоты искать ответ на вопрос: кто первым догадался в графическое изображение, в рисунок вложить заданный смысл. И не просто вложить, а сделать его очевидным, понятным каждому. То есть для того, чтобы исключить неверное истолкование знаков, потребовалась своеобразная «азбука», которую можно было передавать из поколения в поколение.

По своему происхождению орнамент, возникший из повторения однотипных элементов, был, скорее всего, способом заклинания высших сил. Постепенно эти элементы (обозначения огня, земли, воды, воздуха, звезд, Луны, Солнца) трансформировались в более сложные понятия, даже в комплексы понятий, войдя в детально разработанную систему «магических знаков».

Эта система, ее язык стали, по существу, «сборником» зашифрованных символов, отражавших мир сущего. Появилось сословие хранителей системы, с течением времени придавшее ей сакрально-эзотерический смысл. Повидимому, именно тогда эти знаки-символы, по мере отчуждения в своей эзотерической части от большинства, начали приобретать орнаментальную выразительность узора, самостоятельную эстетическую ценность. Они нагружались новыми смыслами, в том числе и магическими. При этом первая система покрылась пеплом веков, а вторая – орнаментальная – живет и сегодня, завершая и вновь начиная бесконечный свой бег по Кругу Бытия: в керамике, куполах мечетей, по периметру ков-

рового пространства... Если же отвлечься мысленно от материальных носителей узоров, то можно ясно услышать голос Космоса – таковы масштабы обобщения, скрытые в простом, казалось бы, геометрическом ритме.

Согласитесь, ковер, наделенный бесконечно доброй мощью матери-Земли, наилучшим образом подходит для такого рода обобщений. Причём ковер не всякий, а именно туркменский, ибо только он говорит на языке Космоса, на языке, внятном не столько разуму, сколько сердцу и душе, которые и есть космос.

Надо добавить, что в процессе своего становления туркменское ковроделие не только отшлифовало, но и переосмыслило символическое содержание им же созданной (или сохраненной?) базы орнаменталистики. Переосмыслило в сторону исторического опыта народа, став носителем своего рода национальной эмблематики.

Иными словами, национальный дух, сплетаясь с законами мироздания, сокровенной тайной божественной Вселенной и ее безупречной красотой, отразился, выразил себя в коврах, в древних значениях гёлей. И значения эти неотделимы от народной судьбы. Как я говорил уже, каждый туркменский центр ковроткачества создал свой исторически обусловленный облик коврового полотна. Поэтому местные ковры делились на шесть групп: мервский и пендинский; ахалский, то есть собственно текинский; салырский, гокленский, иомудский, огурджалинский. Последнюю группу (огурджалинскую) можно было бы отнести к иомудской, но отличия имеются и весьма существенные.

Из-за сходного звучания слов «гёль» и «гюль» европейцы одно время ошибочно трактовали гёль как стилизованный цветок розы (например, имея в виду гёль

салырского ковра, говорили «салырская роза»). Но это, как вы уже поняли, не так.

Что же обозначают гёли?

И в примитивных первобытных верованиях, и в действующих мировых религиях прослеживаются образы мировой горы, древа жизни и центральной земной оси. Это и есть семантическая основа туркменского гёля, с которой началась его долгая история и образная трансформация.

С течением веков, сохранив в себе сакральные значения, вобрав сменявшие друг друга представления различных поколений, их опыт, гель превратился в родовой герб, геральдический знак племени – очень сложный, многосоставный. Форма гёля, его внутреннее орнаментальное заполнение, его место на полотне неповторимы у каждого региона, а порой и селения.

Можно предположить, что в гёлях отражены родовые тотемы, замаскированные позднейшей стилизацией, зачастую передававшей облик целого лишь по его части. Например, на барана указывали закрученные рога (орнаментальный знак — гочак, сейнек, чемче), на птицу — след лапки (газаяк текинского геля) и т. п. Значение таких символов, разумеется, было известно всем и легко «читалось» на протяжении столетий. Этих, но не всех — многие детали узоров туркменских ковров, их племенных гелей не разгаданы по сей день.

Возможно, геометризованный характер коврового орнамента в какой-то мере определили технические особенности ковроткачества: горизонтальная система рядов вязки и вертикальная — нитей основы. Возможно, этому способствовала ритмичность труда ковровщицы, а возможно нечто более высокого порядка, скажем общий алгоритм законов пространства, его структуры. Тут геометрия обладает таким неоспоримым достоинством, как наглядность.

Узоры, элементы гёлей обычно располагаются по диагонали, а внешний край гёля очерчивается двумя линиями, создающими четкую рельефность. Между большими гёлями располагаются фигуры помельче, так называемый второстепенный узор. Величина, положение, ориентация, форма, количество узоров и орнаментов — все это составляет «информационную» емкость ковра.

По гелям можно безошибочно определить групповую принадлежность ковра: беширский он, човдурский или, скажем, эрсаринский. Правда, этот способ атрибуции пригоден, в основном, для старых ковров; в последние годы идет активный обмен гёлями между разными группами. Кроме того, изделия с характерным туркменским рисунком стали ткать в больших количествах во многих странах Азии и Европы. Это еще одно свидетельство высокого мирового спроса на классические туркменские ковры.

Однако истинный знаток не даст ввести себя в заблуждение, сразу отметив огрехи в качестве, технике исполнения, четкости рисунка. Ведь наш ковер не спутать ни с каким другим. Тот же знаток укажет вам на выверенную плотность полотна, на безупречную строгость орнамента и колорита, на удивительное равновесие всей живописной композиции, а также на то неуловимо прекрасное, что можно только почувствовать. Ведь главное достоинство туркменского ковра, суть его очарования — это душа в нем заключенная, живая, таинственная, притягательная и прекрасная, рождающая дивную мелодию «беззвучной музыки», магию немеркнущих благородных красок и отшлифованного веками изящного орнамента, чародейство, сотканное кропотливым трудом, отточенным мастерством и вдохновением...

В нашей стране ковёр является одним из государственных символов: ковровый орнамент присутствует на Государственном флаге и гербе Туркменистана, ковёр официально объявлен национальным достоянием, туркменский народ ежегодно отмечает национальный День Ковра.

Такое внимание современной государственной геральдики к национальному ковру обусловлено всей исторической практикой народа: его верностью духовным заветам предков, самобытным традициям, идеалам добра и добрососедства. А ментальность, мировоззрение, творческий потенциал туркмен наиболее ярко выражены в ковре. Ковровые гёли были выбраны как элементы той первоосновы, что формировала, формирует и будет формировать творческое, историческое мышление туркмен по обе стороны времени. По обе стороны времени расстелился туркменский ковёр как послание потомкам, как письмо в будущее человечества!

Такая настоящая потребность в «разговоре» с грядущим продиктована заботой о жизнеспособности последующих поколений народа. Эта символика – суть энергетическая «капсула» благопожеланий, мудрости и высокой духовной культуры наших предков, закладываемая в фундамент завтрашнего дня.

На Государственном флаге и в Гербе Туркменистана запечатлены самые древние и совершенные орнаменты. Все гёли построены по принципу золотого сечения, в пропорции 21 к 34. Используются, в основном, четыре цвета: желтый, белый, красный и зеленый. Заключённая в них символика выражает прежде всего трудолюбие, мастерство как предпосылку счастливой судьбы, изобилия и благополучия. Неслучаен и основной цвет национального стяга – зелёный, олицетворяющий молодость и вечное обновление природы, энергию солнца и живительные соки земли, а также миролюбие туркмен, их толерантность и открытость миру, всему новому, позитивному.

Кроме того одноцветье Государственного флага указывает на монолитное единство нации. Как и пять гелей, представляющих все веляты страны, воплощающих сплочённость народа, его культурно-этническую целостность и, одновременно, идею неделимости государства.

В плане внешних отношений, страна, избравшая символом государственности зелёный флаг с национальным орнаментом, заявляет о политике миротворчества и созидания, служения Отечеству и родному народу, о доверительном сотрудничестве с другими странами во имя общего блага и прогресса. На приоритет общечеловеческих ценностей в нашей международной политике указывает и помещённая на Государственном флаге Туркменистана оливковая ветвь, являющаяся с античных времен эмблемой мира. Рядом с традиционными ковровыми гёлями туркмен она обретает и более глубокий смысл, выражая непредвзятость, доверие, уважение к другим национальным культурам и ценностям, восприимчивость и готовность к обмену опытом, достижениями, новациями.

Несколько слов об удивительной самобытности, незаемности воззрений туркмен на мир и свое место в нем. Они считают общими все высшие достижения человеческой культуры, но ничего никогда не копируют, ничему не подражают. Зачем подражать тому, что принадлежит тебе... Все новое они постигают, переплавляя в тигле творческого воображения, облекая в плоть национального. Другого объяснения их способности проходить сквозь тысячелетия без ущерба для самоидентификации не найти. И вот пример: ни бурные, разрушительные события эпох, ни самые мощные влияния других народов, ни естественные процессы взаимопроникновения культур не пошатнули стройную и строгую стилистику туркменского ковра. Именно неповторимость, неповторяемость этого искусства-ремесла сделала Туркменистан уникальным центром коврового производства. Впрочем, слово «производство» здесь не вполне уместно, ведь речь идет о ручных коврах. Никаких шаблонов и серийности – только эксклюзивные произведения. И каждое из них – совершенство!

Однажды рожденное на свет, оно отделяется от своего создателя, начинает жить собственной жизнью, овладевая чувствами людей, воспитывая их вкус, одаряя радостью. Творчество – величайшая тайна человеческого духа и величайший дар Всевышнего. Утрата выдающихся образцов искусства, забвение традиций народного творчества – трагедия для всей мировой культуры. И хорошо еще, если трагедия. Ведь следующее поколение может стать поколением манкуртов, которым не дано будет осознать потерю, необратимость утраты.

Вот почему декоративно-прикладные промыслы Туркменистана, древние традиции ковроделия, кошмоваления, национальной вышивки и ювелирного искусства – весь «золотой фонд» национальной культуры окружен особой, неусыпной заботой государства. Ковер и ковровые изделия, также как и национальные украшения, всегда были и остаются для туркмен предметами «высокой моды». Поистине, туркменское ковродельческое искусство бессмертно, как бессмертен создавший его народ.

Надеюсь, мне удалось показать, почему, пройдя длительный путь эволюции (от древних магических знаков до родовой эмблемы), став одним из символов государственности, гёль туркменского ковра ассоциируется в народном сознании с образом страны, точнее, с философским, мировоззренческим фундаментом, на котором строится современное Туркменское государство, его внутренняя и внешняя политика.

В этом контексте гёль – как некий художественно-идейный образ, – отражает духовную самобытность туркменского народа, культурно-историческое своеобразие Туркменистана – страны с великим и богатейшим наследием.

Хорошо известно, что духовно-национальная сущность не сводится лишь к этническим предпосылкам. Скорее, она проявляет себя в глубоком осознании достоинства человеческой личности, её высокого предназначения в творческом созидании ради блага Родины, страны, всей планеты. И ковровый гёль выразил все это в наиболее ёмкой и яркой форме, то есть показал глубинные основания того личностно-духовного единства людей, которое естественным образом трансформируется в понятие «Мы». «Мы», не растворяющее, не поглощающее «Я», но неразрывно соединяющее множество мыслящих индивидуальностей прочными узами духовного родства, подобно тому, как объединены в нерасторжимое целое многоцветные узоры и орнаменты на ковровом поле. Сотни гёлей образуют общую неповторимую картину ковра, миллионы личностей с их помыслами, творческими устремлениями и талантами образуют историческую нацию, самобытный народ, великое государство.

Так размышления «у ковра» подвели нас к главному ответу-выводу на вопрос: что же такое национальный дух?

Это побудительная энергия народа, высвобождающая его творческие, созидательные, преобразующие силы, проникающая во все сферы общественной и государственной жизнедеятельности, охватывающая культуру, науку, экономику, быт, делающая процесс развития собственного духовно-нравственного потенциала бесконечным.

Во что мы верим, как мыслим и чувствуем, как работаем, какой смысл придаем жизни и своему делу, творчеству, будущему, миру – во всем этом и проявляется национальный дух.

Вот сколько понятий и категорий «вместилось» в один маленький ковровый гёль! Нет, традиционный туркменский орнамент – не абстракция. Традиционный туркменский орнамент – концентрированное выражение ценностных и жизненных установок туркмен. Чтобы увидеть это, надо просто открыть глаза.

По сути, не существует просто «гёля», как не бывает просто цветка или дерева – у каждого из них свое название. Это как человеческое имя. Имя – первое, что сообщается при знакомстве с человеком. Наше же знакомство с туркменскими гёлями мы начнем с текинских орнаментов.

Текинские ковры, плотность которых составляет от 220 до 400 тысяч узлов на 1 квадратный метр, – наиболее распространенные, наиболее знаменитые из всего многообразия туркменских ковров. В исторических хрониках XVIII – XIX веков они названы «самыми ходовыми коврами на базарах». Таким же широким спросом на базарах пользовались текинские паласы, чувалы, торбы, хурджуны и намазлыки.

Теке-гель – главный орнаментальный элемент и признак именно текинских ковров. В целом этот гель передает образы алых с черно-белой сердцевинкой маков и тюльпанов, щедро цветущих весной в Копетдагских предгорьях, изобилующих оазисами. В узоре текинских гелей некоторые исследователи как раз и видят условное изображение оазиса с пришедшими на водопой стадами животных.

Другие считают, что в основе его узора лежит годовой цикл земли. Поэтому, мол, гель символически разделен на четыре времени года, изображенные контрастно.

Словом, интерпретировать этот орнамент можно по-разному. Имеет право на существование и версия, согласно которой медальон в центре геля обозначает всевидящее Божье Око. Тем более, что туркмены народ искренне верующий.

Ктекинской группе относится орнамент «гуш» (птица) или «гушлы-гёль». Это крупные восьмисторонние медальоны с уступчатым контуром, слегка вытянутые в горизонтальном направлении. В них вписаны восьмиугольные фигуры, по сторонам которых идут своеобразные треугольнички на ножке, напоминающие птичий след. Внутри медальона, имеющего разноокрашенные по диагонали части, лежит также вытянутый горизонтально маленький ромб, а в нем фигуры уже совсем мелкие. Стороны внутреннего ромба тоже часто окружают «следы птиц». Впрочем, при вариативных цветовых решениях, подключив воображение, в них можно увидеть поднимающиеся на холме высокие травы.

Современные ковры нередко выполняются в нетрадиционной гамме, например, в пастельных, фисташковых тонах и т.д. Но и тогда, если речь о текинских коврах, оттенки выбираются из диапазона теплых, золотистых.

Центральное поле текинского ковра со строгими рядками гёлей, обрамляется обычно многорядной, особо орнаментированной каймой и всегда одноцветной бахромой. Часто на кайме используется орнамент шельпе — небольшие восьмиугольные фигуры, окруженные со всех сторон подвесками, похожими иногда на жучков. Встречаются в узоре каймы и явно зооморфные фигуры: птицы, бараны, джейраны, собаки и верблюды.

Иногда многократное ритмическое повторение головок птиц или рогов вводит в заблуждение относительно их исходного прототипа, рождая ассоциации из растительного мира. Случается, что одна и та же фигура орнамента в разных районах — скотоводческих или земледельческих — имеет разные названия с соответствующим «отраслевым» этимологическим наполнением.

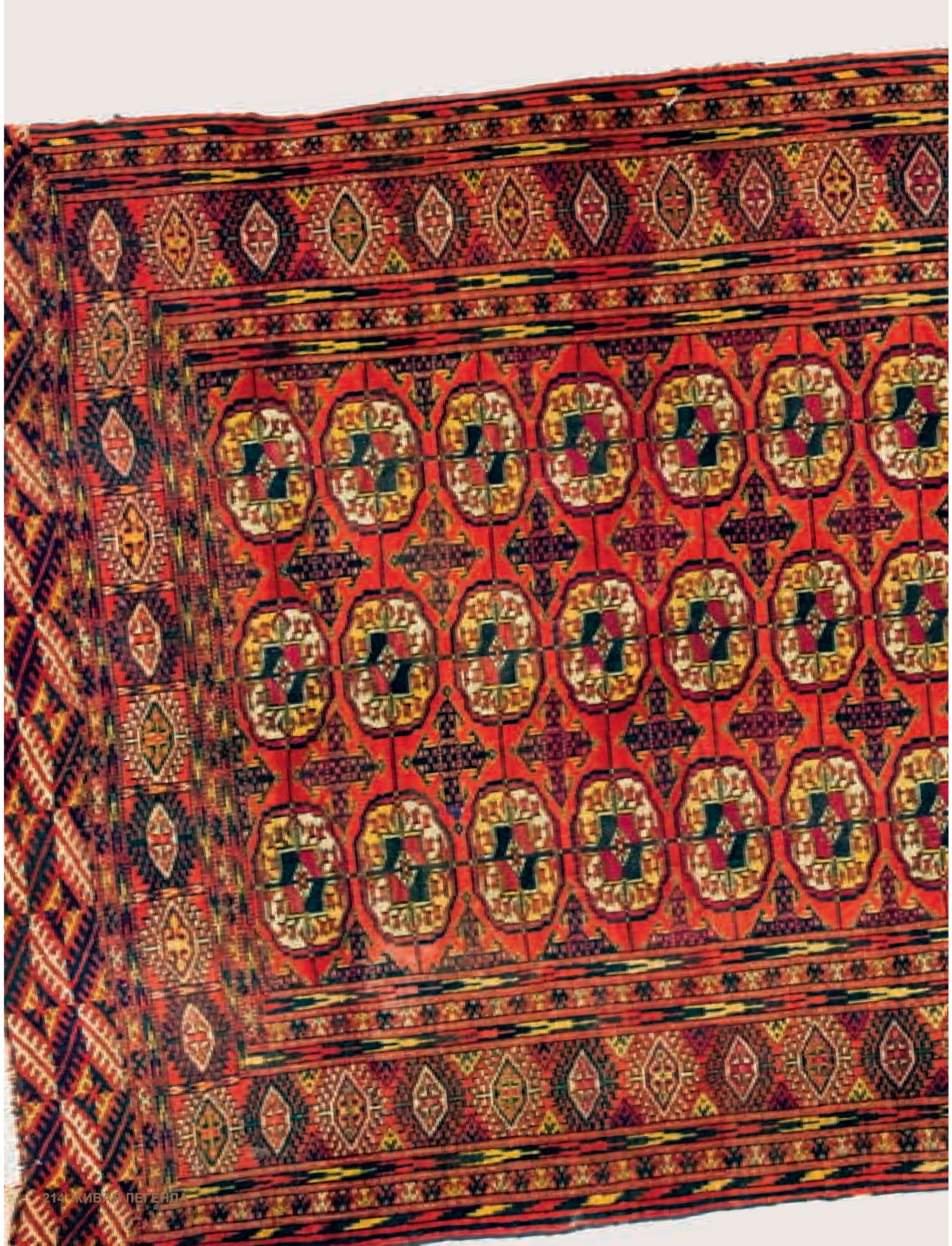

Особое богатство и воздушность орнаментальному убранству туркменских ковров придает великое множество промежуточных узоров, назначение которых весьма разнообразно. Крестообразные ак башлы чемче гель задают четкую «систему координат» крупным орнаментам, не давая им ни «рассыпаться», ни «слипнуться»; ажурный узор гурбага сообщает всей композиции легкость; а выразительный чакмак гель или эффектный дырнак гель играют партии «вторых скрипок» в красочной симфонии ковра. Вплетаясь в общую картину, яркие блики этих узоров перекликаются друг с другом, с главными орнаментами, образуя переменчивую гамму, наполняя весь строй композиции динамичной игрой света и тени, холодного и теплого. Так рассыпает золотые снопы яркая осень перед приходом «однотонной» зимы, так встречаются день на рассвете и закате там, где соединяются в вечном союзе Небо и Земля.

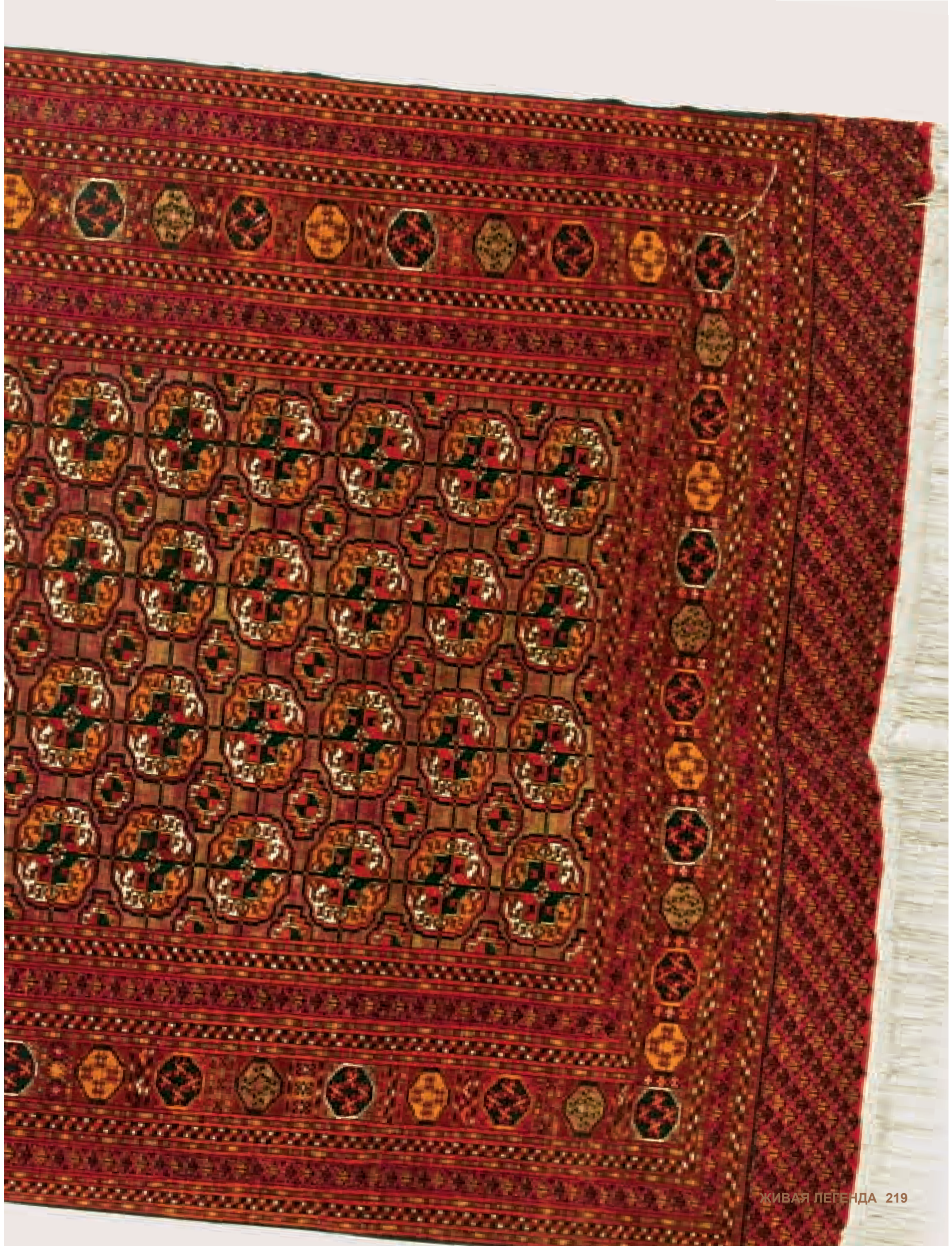

Колорит текинских ковров строится на сочетании темно-красных, бордовых или алых цветов с белым и вкраплениями ярких желтых, зеленых и синих оттенков. Своими немеркнущими красками знаменитые текинские ковры обязаны фисташке. Дело в том, что на растении живут тли, от «уколов» которых на листьях появляются наросты – галлы или «бузгунча». Из них-то и получают сочные малиновые, синие и чёрные красители для шёлка и шерсти.

Фисташка живет долго – иногда более 400 лет. И хотя фисташковые деревья составляют, как правило, редколесье, зато они не мешают друг другу собирать мельчайшие крупы влаги – их корни уходят под землю на глубину до 6 метров.

Как видим, и своей выносливостью, и своими плодами фисташка вполне заслужила право стать прототипом коврового символа «Дурмуш Дарагт» («Древо Жизни»). Интерпретации этого мотива наряду со схематическими прорисовками различных «кустиков», «цветочков» встречаются на многих коврах и ковровых изделиях туркмен, видевших в растительных формах неисчерпаемый простор для художественного воображения.

TÜRKMENISTANYŇ NEBITGAZ
TOPLUMYNYŇ RUBYÝET KÖŞGI

С толь же интересны по содержанию и балканские или йомудские гёли. В туркменском Приморье сформировалась удивительная художественная школа, обусловленная географическими и ландшафтными особенностями края.

Одним из смыслообразующих элементов йомудских гёлей является древний символ человека, поднявшего руки вверх. Заклинает ли он бушующее море, воздаёт ли ему хвалу, закидывает ли широкий невод?

В середине гёля «гочак» – орнамент, символизирующий мужество и силу. Действительно, море воспитывало сильных духом, крепких и мужественных людей, постоянно испытывало их на стойкость и выдержку. И в то же время настраивало на романтический лад, внушало высокую поэзию, будило творческие силы.

Сам волновой, набегающий ритм балканских гёлей указывает на их происхождение, олицетворяя движение и возврат к исходной точке, к истокам, от которых вновь и вновь начинается разбег бесконечных волн.

Очень выразителен и своеобразен уступчатый гёль йомудских ковров – гобса-гёль. По очертаниям он напоминает рыбацкую лодочку, каких в давние времена немало качалось на волнах Каспия. При желании на этих «лодочках» можно разглядеть гребцов, или тех самых человечков с поднятыми руками, закидывающих снасти в море.

Другие же видят в зазубренных контурах этого ромбовидного гёля условное изображение рыбьей чешуи или самих рыб, которые по ночам в тихую погоду поднимаются к поверхности воды, отражая сотнями сверкающих бликов серебряный свет луны.

В йомудских коврах, для которых характерны тщательно прорисованный орнамент и богатая палитрой, больше, чем в других, используется белый цвет, а также зеленые, лиловые и синие оттенки. При этом медальоны-гёли чаще всего располагаются по вертикальной оси плоскости ковра, что придает узорам особый, очень живой ритмический строй. Из элементов центральной

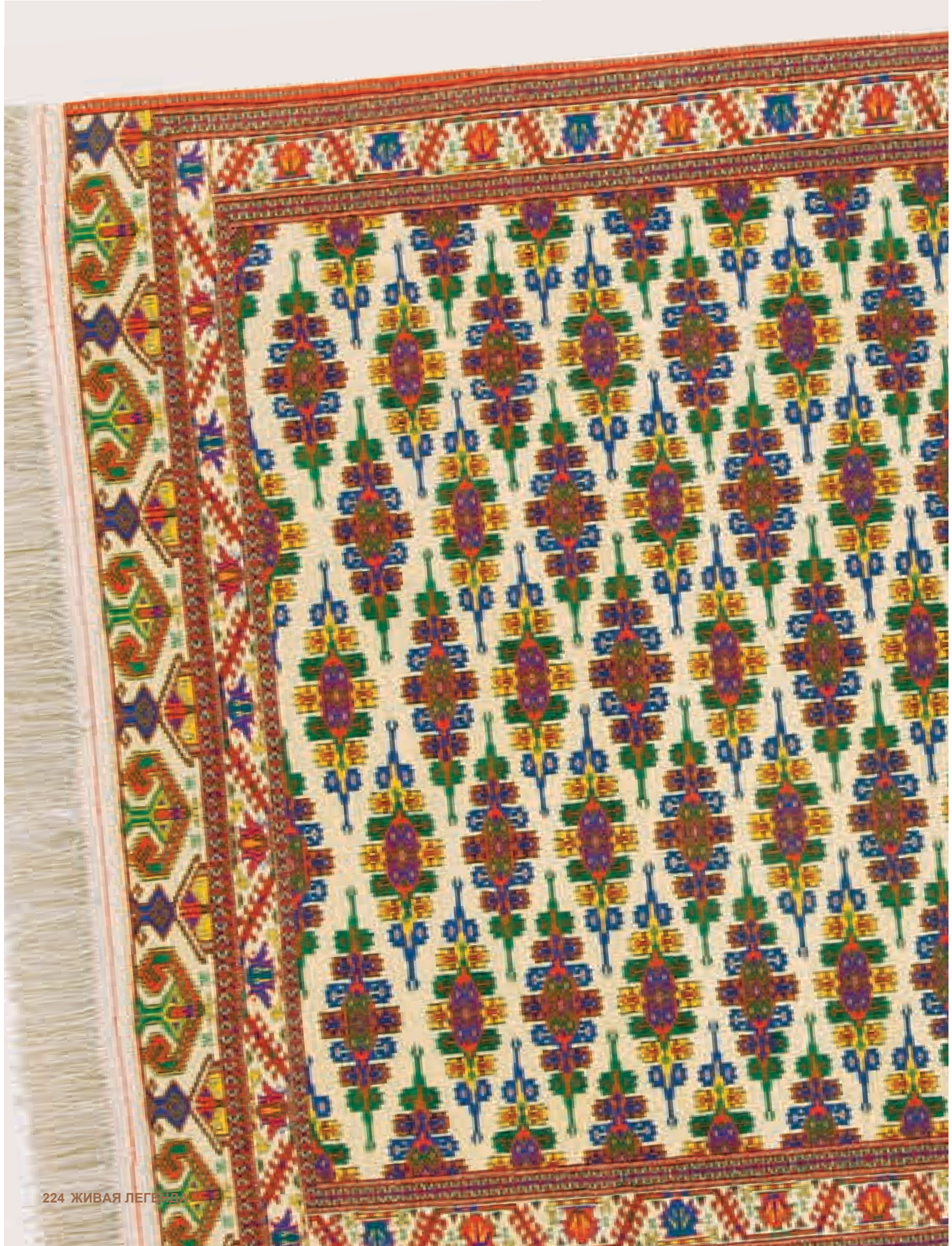
области поля здесь преобладают дыркак-гёль (коготь птицы) и якоревидные символы.

Иногда в ковровые медальоны йомудов вписываются стилизованные изображения животных — верблюдов, собак, птиц, в которых легко узнаются их реальные прототипы.

Зооморфный по происхождению орнамент разительно отличает туркменские ковры от всего остального коврового семейства. Причем не только корнями, не только геометрической организованностью, но и эстетико-философской сверхзадачей. Разве гармоничное сочетание зооморфного ряда с растительными узорами не навеивает представления об идиллических картинах дженнет — рая? Разве человек не заслужил счастья на земле? Разве есть большая радость, чем радость служения людям?

И еще: я – туркмен, глядя на туркменский ковёр, всегда вижу перед собой склоненную голову туркменской ковровщицы. Если уж говорить о символах, то есть ли символ более яркий, более выразительный!

Но вернемся к нашему разбору. «Кристаллическое» построение сложного орнамента гобсегель напоминает изящную огранку алмазов. Эти ковры и впрямь сравнимы с драгоценными камнями. Обрамляющая центральное поле узорчатая кайма – как оправка, придающая законченный вид произведению искусства, подчеркивающая изумительный блеск его граней, утонченную, благородную красоту.

Но если изысканные украшения с драгоценными камнями надевают по особым случаям, всячески берегут их, то туркменский ковер ручной работы – шедевр «повседневно-бытовой», достоинства которого определяются именно добротностью выделки, износостойкостью. При этом, как я уже говорил, здесь нет места шаблонам и клише, каждый ковер – уникален.

Ковёр ручной работы – одна из тех немногих вещей, которую мы покупаем «на всю жизнь». Истинные ценности не подвластны времени. По истечении десятилетий, а то и веков, настоящие ковры станут только лучше. Их краски расцветут, приобретут чарующее «обаяние старины», что всегда завораживает в произведениях искусства.

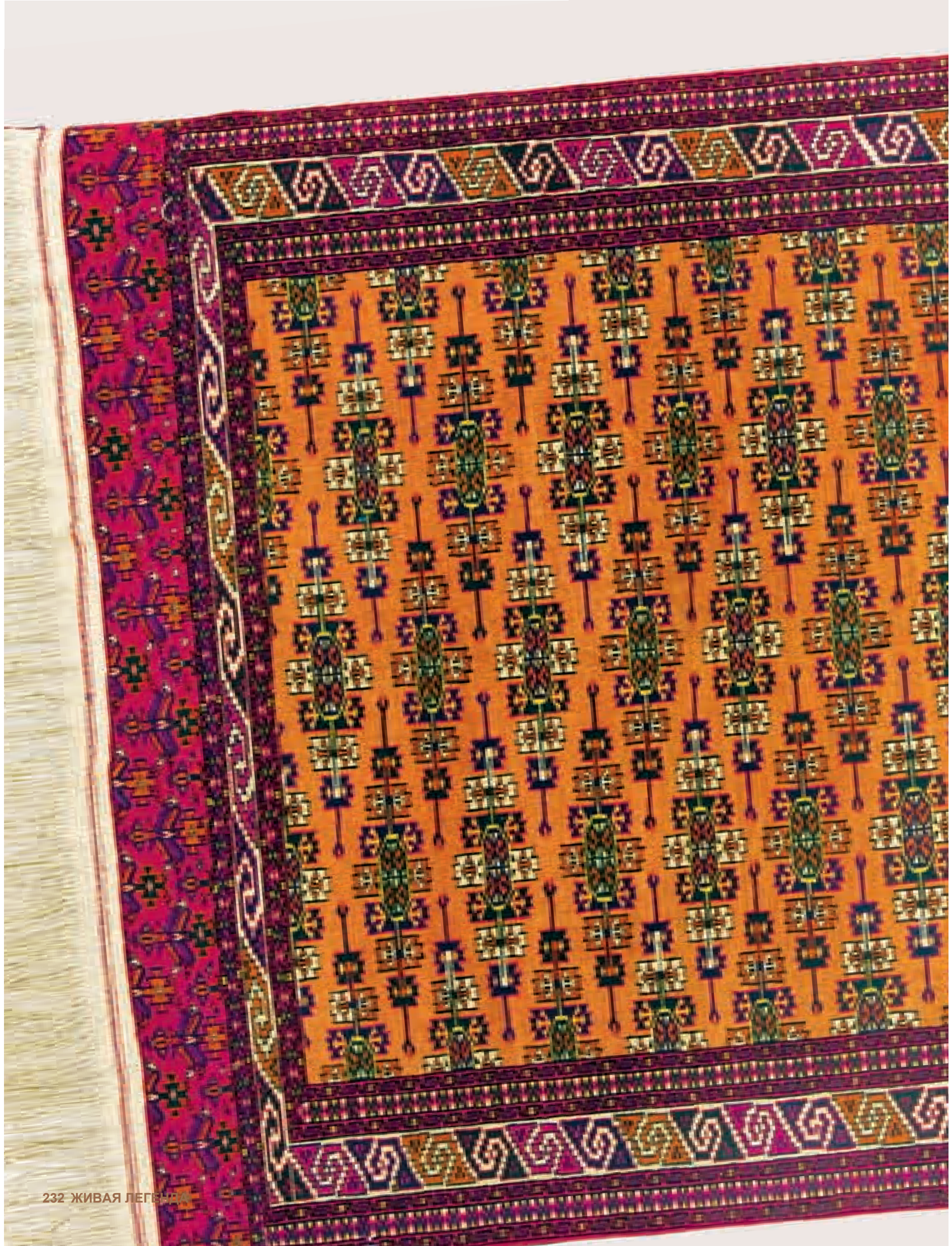

Иомудские ковры отличаются не просто глубиной цвета, но и смелыми сочетаниями насыщенных оттенков, придающих полотну особое мерцание, которое только усиливаются со временем. Иомудские ковровщицы иногда вплетали в пряжу для утка нити из белого хлопка и розового, малинового, пурпурного, небесно-голубого шелка, добиваясь очень эффектной расцветки. Богатое декоративное звучание тканым картинам придает декоративная рамка в виде багета, в которую также включены морские мотивы. Словно бегущие по кромке берега волнообразные линии передают ритм прибоя: то плавный по вертикали, то «штормовой» по горизонтали.

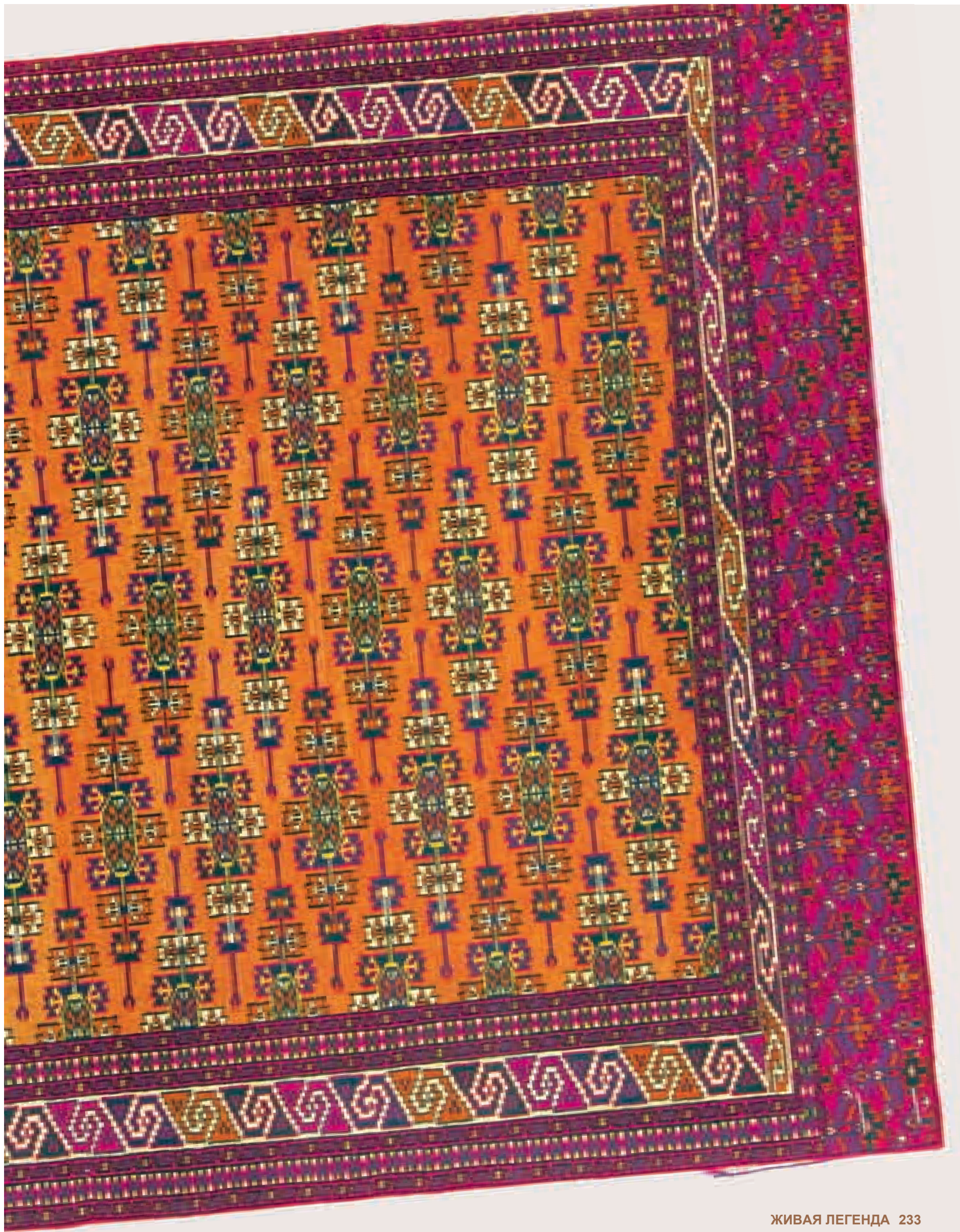
Кайма на иомудских коврах бывает самая разнообразная (до семи разновидностей) с бахромой как одноцветной, так и пестрой. Интересно, что на старинных йомудских коврах и ковровых изделиях иногда изображались целые сцены из быта приморцев. Отголоски этих сюжетов, приобретавших от поколения к поколению все большую условность, видимо, дошли до нас в виде «нечитаемых» ныне загадочных деталей. Да и древние заклинания давно перестали быть заклинаниями, превратившись в многокрасочные поэмы, полные мистического очарования..

Мары – Мерв – Маргиана... Удивительный край, история которого притягивает внимание учёных-востоковедов, археологов и искусствоведов со всего мира. На этой древней земле рождались не только великие цивилизации и могущественные государства, известные научные школы Востока, но и уникальные художественные традиции. Частным, но весьма ярким примером тому служит салырская орнаментика.

Салырский гель с его пильчатым краем проник в слегка измененной форме на ковровые изделия всех туркменских регионов. Оказал он влияние и на текинские узоры. Поэтому с атрибуцией геля порой возникают некоторые сложности. Но не у специалистов, разумеется. Он четко выделен даже за пределами страны, если судить по запискам путешественников и очеркам искусствоведов-историков. А у профессиональных ковровщиц вообще нет сомнений относительно «исторической привязки» салырского геля, многие из них называют его даже «мары-гель».

Орнаментация салырского ковра, основанная на линейно-контурном принципе, отличается от плоскостного композиционного построения композиций других племен. К примеру, если характерным отличием текинских ковров служит сетка из тонких темных линий, разделяющих центральное поле ковра на прямоугольники, в которых заключены медальоны, то на мервских коврах гёли всегда лежат в неразделенном свободном поле.

Знаменитый салыр-гэль считается наиболее древним, он очень гармоничен по своей структуре, тонко разработан во всех деталях. Он представляет собой звездообразный медальон эллиптической формы с мягко закругляющимися восемью уступами. По внутреннему и внешнему периметру он окружен небольшими треугольными пирамидками, увенчанными крайне обобщенным изображением головы барана. Если всмотреться, в каждом цельном элементе обозначится масса других мелких знаковых деталей – жуки-скарабей, следы лошадей и верблюдов, и многое, многое другое, что окружало членов древнего племени, служило их оберегом или талисманом.

Некоторые ученые видят в этом гэле условное, орнаментированное изображение загона для скота или усадьбы с водоемом, обсаженным деревьями. Возможно! Но главное достоинство общепризнанного шедевра ковровой орнаментации – его необыкновенная красота.

Нередко в ткань салырского ковра вплетались шелковые нити, придававшие ему особенный блеск и праздничность. Такие ковры были в несколько раз дороже чисто шерстяных.

Великолепные старинные ковры и ковровые изделия, выполненные с фрагментарным использованием шелковой пряжи, украшают коллекции музеев России, европейских стран, Соединенных Штатов Америки.

Уже в XVIII-XIX веках созданная туркменами техника ручного плетения ковров с использованием комбинированной пряжи из верблюжьей и овечьей шерсти, шелковых и хлопчатобумажных нитей, обрела классическую законченность.

Нежный шелк дарил ковру мягкий глянец, глубину и яркость цвета. Цветные шелковые нити применялись для мелких орнаментальных деталей, каймовых узоров, окантовки центральных гелей. И это придавало им особую роскошь.

Великолепный образец туркменского ковроткачества XVIII века – салырский ковер – хранится в Санкт-Петербургском Эрмитаже.

В узорах этого ковра использован шелк девяти цветов: интенсивного красного, фиолетово-красного, оранжевого, темно-коричневого, розового, темно-голубого, небесно-синего, белого и розового. Шелковые узоры, кстати, встречаются и в старинных ковровых изделиях сарыков, човдугов, йомудов, текинцев, эрсаринцев, воспринявших прием салыров как удачную творческую находку.

Прекрасные ковры, усыпанные «салырскими розами», ткнут туркменские мастерицы и сегодня. Декоративный «арсенал» таких ковров поражает поистине сказочной роскошью: алмазное мерцание шелка в ювелирно совершенных узорах, переливчатая орнаментальная игра не отпускают от себя, заставляя забыть о времени...

Восхитительный салыр-гёль стал своего рода узорчатым «геном» туркменского ковра. Выстраиваемый, как правило, по схеме, соотносящейся с магическим числом 3 – «триада», образ абсолютного совершенства и, в то же время, динамического процесса, он продолжает свое движение по извечному кругу жизни.

А теперь предлагаю на воображаемом ковре-самолете перенестись с востока страны на ее север – на землю «дальних огузов». Здесь когда-то располагались неприступные города-крепости, великолепная столица древнего туркменского государства – Ургенч (ныне Кунеургенч).

Дашогузский край славен своими мастерами, своими исконными художественными ремеслами, самобытным зодчеством. Дашогузские ковровые мотивы вызывают в памяти орнаментальные мозаичные панно великолепных памятников средневековой архитектуры края, вызывающей восхищение совершенством строительных конструкций, редкостными формами куполов, высотой минаретов, потрясающей красотой декоративного убранства мавзолеев. Все это как в капле воды отразилось в ковровых орнаментах.

Среди наиболее распространенных в местном ковроделии орнаментов особого внимания заслуживает чакмак гель (огниво). Он имеет форму сильно вытянутого креста,

внутри которого также крестообразно располагаются элементы узора.

Можно только догадываться из каких глубин времени пришел к нам этот символ...

Долгий процесс освоения огня преломился в народном мифотворчестве самым причудливым образом, эволюционировав от страха перед стихией до представления о священном, ритуальном огне, а затем и домашнем очаге. Хранительницами же очага были женщины. И огонь, опекаемый ими, служил только добру, объединяя вокруг себя членов семьи, рода, племени...

Так проявлялась в древности сплавляющая роль огня. Высшей формой этой символики является традиция зажжения олимпийского огня, которая и поныне выражает стремление народов доброй воли к миру.

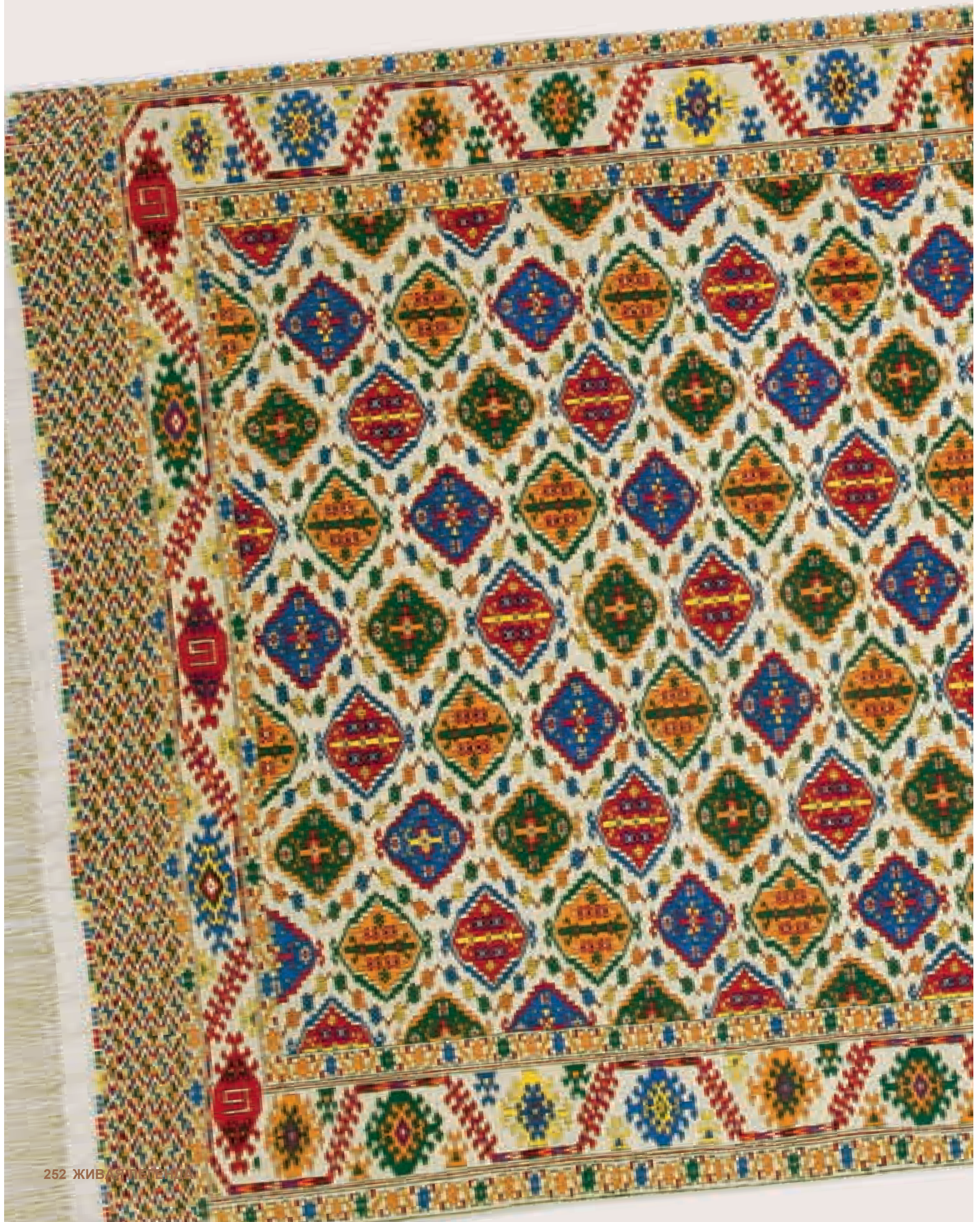
В човдурских коврах сохранялись древние черты огузо-туркменской культуры, что, видимо, когда-то обусловило специфические отличия их орнаментального языка. Если, к примеру, большинство гёлей туркменских ковров вытянуты по горизонтали, то човдурский имеет, наоборот, вертикальную ориентацию, обозначенную рожками-завитками на верхнем и нижнем углах ромба.

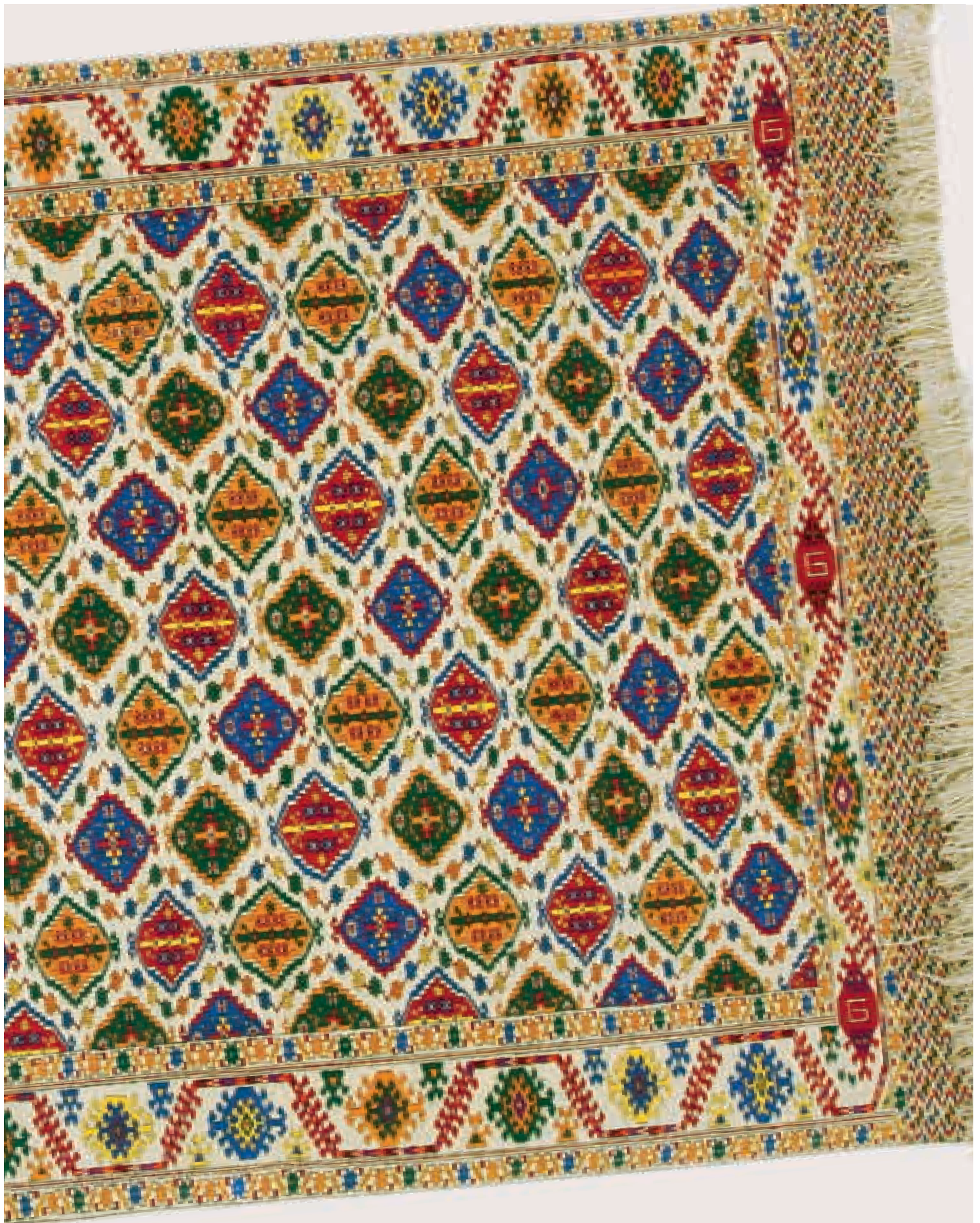
Ромб – древнейший (со времен неолита) универсальный символ плодородия и чадородия, неразрывно связанный с представлениями о Матери-Прародительнице, которая мыслилась и как Мать-Природа, и как Великая Женщина-Мать, хранительница семейного очага.

Символика ромба как графического воплощения идеи плодородия трактуется учёными на основании его формы – равнобедренных треугольников. Навершие одного из них обращено вверх, что, как считают некоторые специалисты, является небесным символом, символом Мужского Начала. Навершие другого обращено вниз – это земной символ, символ Женского Начала. Союз противоположностей, мужского и женского, небесного и земного, объединяет два мира, создает семью.

В народной интерпретации этот гель представляется как символические дома невесты и жениха. Потому, наверное, и выглядят так «по-свадебному» нарядно човдурские ковры: звонкое ликование красок словно вторит многоголосью туркменского тоя – веселого и празднично яркого.

Симфоническую звучность човдурским коврам придает, помимо насыщенной цветовой гаммы, характерный рисунок в виде извивающихся полос, цветочными гирляндами окружающих медальоны центральных гёлей и рождающих лирически-возвышенный поэтический образ. Вспомогательные линии создают своеобразный волновой ритм, как бы закручивая каждый ряд орнаментов по спиралям, вращающимся вокруг своей оси. Да и сами орнаменты от этого становятся похожи на крутящиеся волчки, с какими любят забавляться маленькие дети, незаметно для себя постигая в игре законы природы.

Какие же законы постигали туркменские ковровщицы прошлых веков, впервые в древнем мире попытавшиеся придать объем своим символическим рисункам? Всё, что изображали тогда люди на скалах, глиняных табличках, а

позднее на керамике и коврах, было двумерно, статично. И требовалось поистине божественное наитие, чтобы приблизиться к пониманию принципов движения, движения как такового! Во всяком случае, построение подобных ковровых конструкций невозможно без развитого пространственного мышления, без представления, пусть не вербального, о разумном, а значит гармоничном, мироустройстве.

В современной суетной жизни, в повседневных заботах нам нередко отказывает воображение. А требуется-то всего-ничего: остановиться и заглянуть в себя, поразмыслить о разумном, а значит божественно гармоничном, мироустройстве. У пращуров наших оставалось на это время.

Взгляните на этот шедевр – он поможет вам многое понять.

Човдурский ковёр очень информативен – ни один штрих не появится просто так, «для красоты». Каждый знак – метка, каждый цвет – маркер.

А дело в том, что строгие геометрические формы, абстрактные узоры, предельно схематизированные орнаменты-символы, «вбитые» словно чеканкой в плоскость ковра, вызывают к жизни целый мир сменяющих друг друга ассоциаций, аналогий, образов реальной действительности. И эта игра в «узнавание» может быть бесконечной, потому что узнавание постепенно переходит в познание, созерцание – в размышление, музыка для глаз – в пищу для ума.

Стоит только задержать взгляд на ковровом орнаменте, как сами собой всплывут вопросы: в чем смысл узора гурбага, что делает на бордюре эта гигантская бабочка? И сами собой поплывут ответы, живые картины, меняясь и трансформируясь на глазах в новые образы...

К слову, именно човдурскими коврами Екатерина II украсила столовую Большого Петергофского дворца. Она же ввела моду на так называемые диванные комнаты, обязательным предметом меблировки которых были наши бесподобные по красоте ковровые полотна.

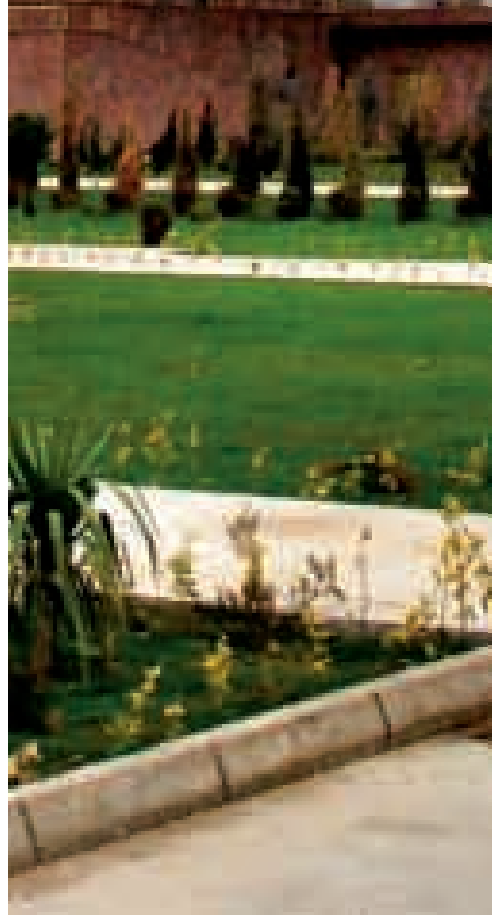

А теперь отправимся к берегам Амударьи, где в средние века расселились эрсаринцы, занявшись здесь земледелием, скотоводством, рыболовством и ремеслами. «Эр» буквально означало мужчину – храбреца и мастера, «сары» – желтый, светлый. Возможно, в соответствии с этим этнонимом у туркмен-эрсары желтого в коврах больше, чем в других орнаментальных стилях.

Ряд искусствоведов считает, что в эрсаринском гёле соединился древний жреческий знак с геральдическим изображением всадников и флажков. Однако с течением времени его воинственный характер смягчился и силуэты всадников стали трактоваться как фигурки джейранов, олицетворяющих грацию, красоту, живую природу.

И сегодня этот гель-медальон называем «кейик гель».

Желто-золотистый и красно-терракотовый цвет его рисунка с крупными светлыми деталями на индиговой подложке контрастно противопоставлен основному фону – прием, используемый только в эрсаринском ковре. Для всех остальных туркменских ковров характерно гармоническое созвучие фона и орнамента. Выраженной самобытностью отличаются и эрсаринские узоры также. Особенно впечатляют такие орнаменты, как бьяш-ай, гюлли-гёль, бешир-гёль, темирджик-гёль, хотя прекрасны и все остальные.

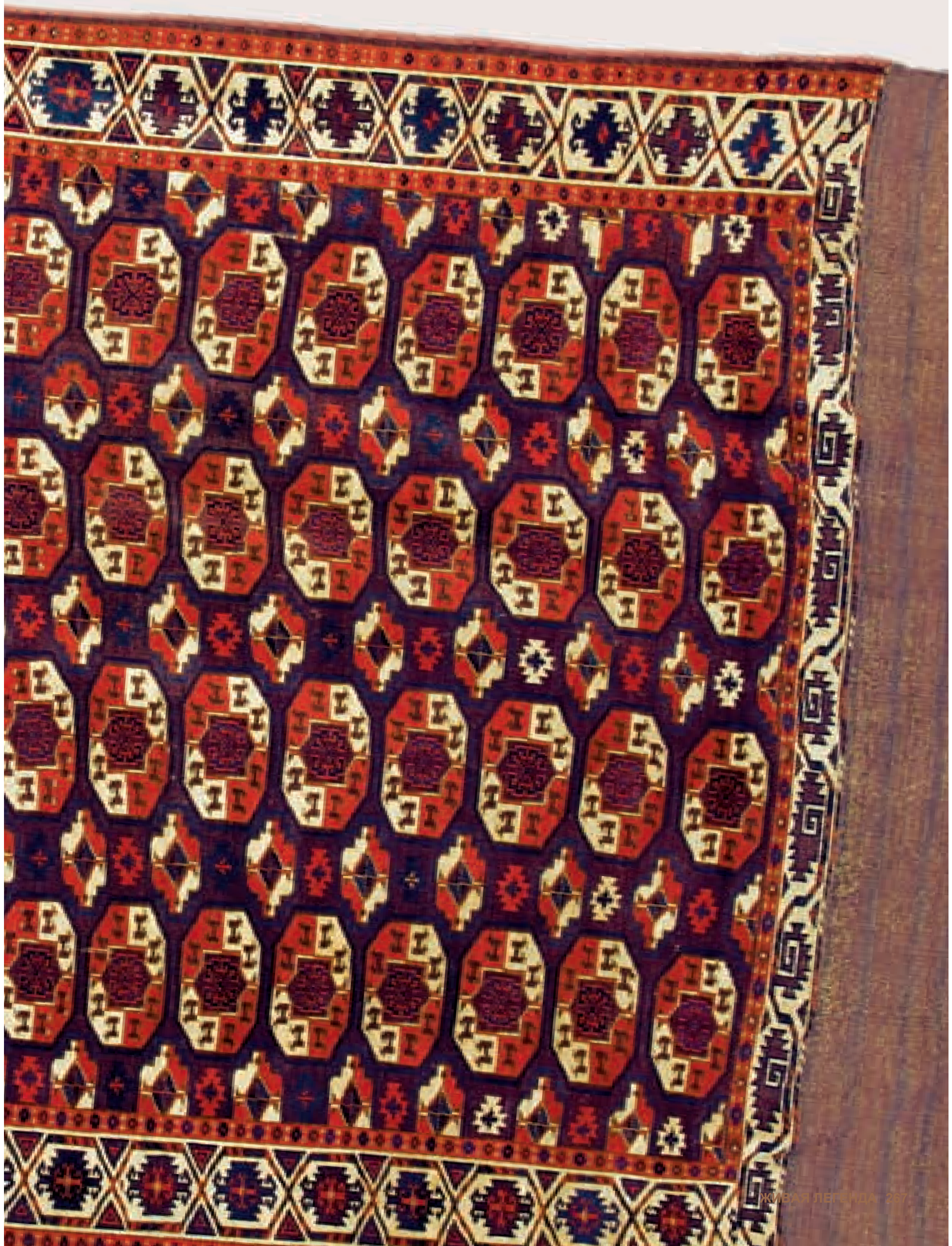

Наибольшим же своеобразием отличаются «беширские» ковры, получившие свое название от селения Бешир на средней Амударье, являвшегося в прошлом крупным ковродельческим центром.

Композиция, особенности рисунка, характер стилизации природных форм, распространенность в орнаменте растительных сюжетов и, главное, цветовая гамма резко выделяют беширские ковры среди всех остальных. Фон их бывает глубоко синим или очень светлым, даже белым, но никогда – красным.

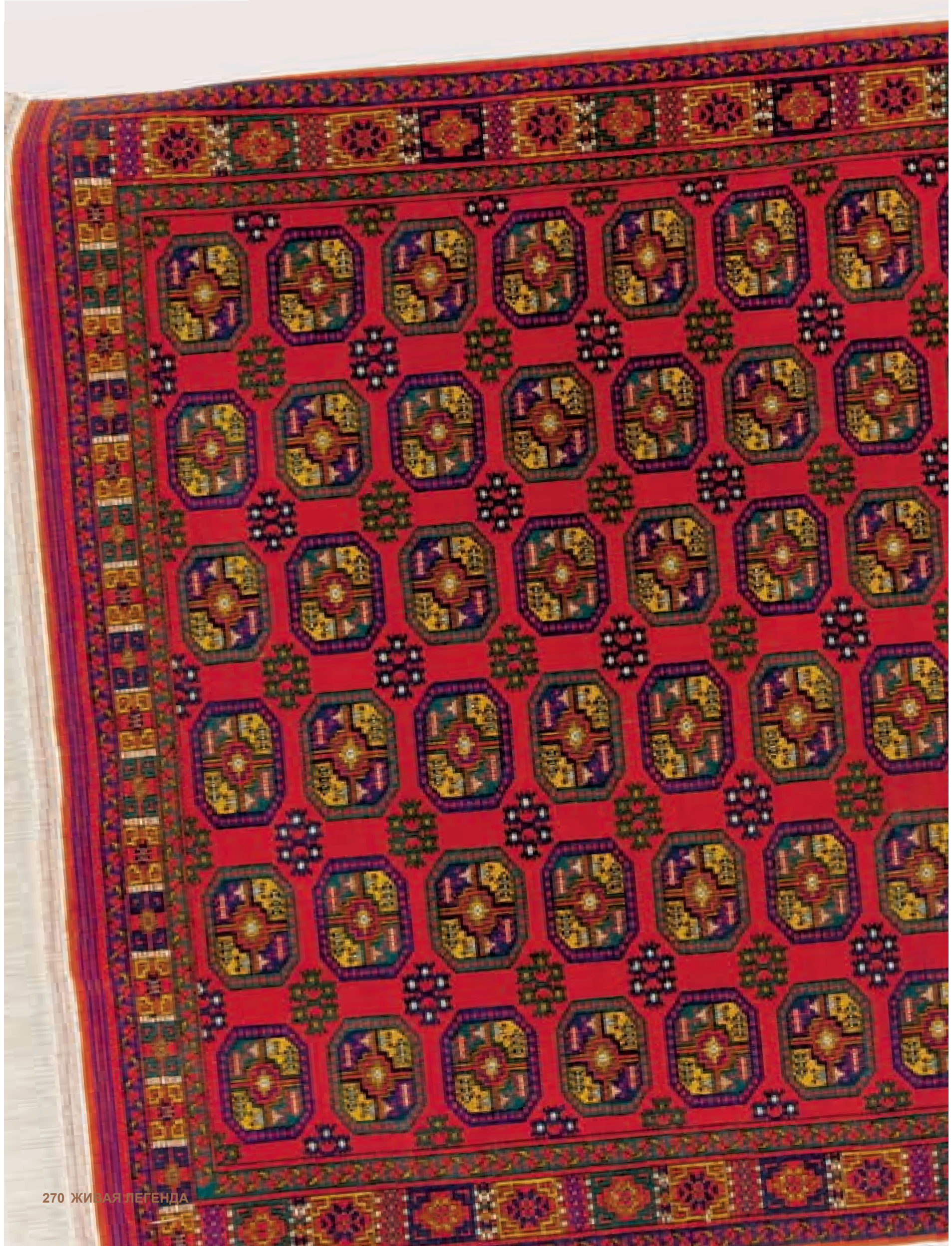

Некоторые исследователи задаются вопросом, почему в ковровых орнаментах почти не присутствуют в чистом виде тотемы или тамги, почитавшиеся туркменами в различные исторические периоды? Но не является ли это еще одним свидетельством того, что туркменское ковроделие было тесно увязано с укладом жизни каждого поколения, с его бытом, участием в конкретных социально-исторических процессах. Если наше предположение верно, то следует признать естественным обновление и развитие орнаментального языка, многие символы которого переосмысливались, отражая ход времени, смену реалий. То есть, ковер «рассказывал новую сказку», но «законы жанра» при этом оставались неизблемыми.

Хочу задержаться на аналогии с фольклором, ибо она многое объясняет. «Содержание» эрсаринских (и других) ковров столь же многообразно, как сюжеты народных дестанов, легенд и сказок, создававшихся на протяжении веков. За героическими сказаниями следовали романтические истории, сменялись персонажи – вместо храбрых пальванов появлялись мастеровитые люди или поэты, бахши, побеждавшие зло уже не мечом, но смекалкой, покоряя врага не смертоносным оружием, а своим искусством. Но все это происходило в рамках единых канонов, единых принципов построения. А теперь вернемся к основе эрсаринского ковра – извечной форме его восьмистороннего медальона. Орнамент, сохраняя значение оберега от внешних недобрых сил, становился все более обращенным к внутреннему миру человека, к тонким струнам его души и воображения. В том-то и дело, что туркменский ковер, когда бы он не был изготовлен, мгновенно узнаешь даже «боковым зрением». Он совершенен сам по себе – без «читки». Иначе нам не пришлось бы говорить о феномене туркменского ковроделия. Пусть это прозвучит парадоксом, но в определенном смысле туркменский появился раньше, чем его соткали...

Именно поэтому я склонен утверждать: не принадлежность к тому или иному этническому подразделению или эпохе, не технические характеристики, не количество узлов, определяют ценность туркменского ковра.

Его истинная ценность – в его непостижимой, предвечной магии и безгранично доброй энергетике.

А то, что он действительно обладает магической силой, доказывать не надо. Просто взгляните хотя бы на этот «пылающий» ковер.

Вы увидите в нем не только орнамент (хотя «секиз гочаклы кейик гель» необыкновенно богат).

Вы увидите в нем остановленное мгновение счастья и радости.

Вы увидите в нем лучшие пожелания и наставления, которыми напутствует мать своего сына.

Вы почувствуете в нем обещание защиты и помощи, удачи и любви.

И все это обязательно сбудется.

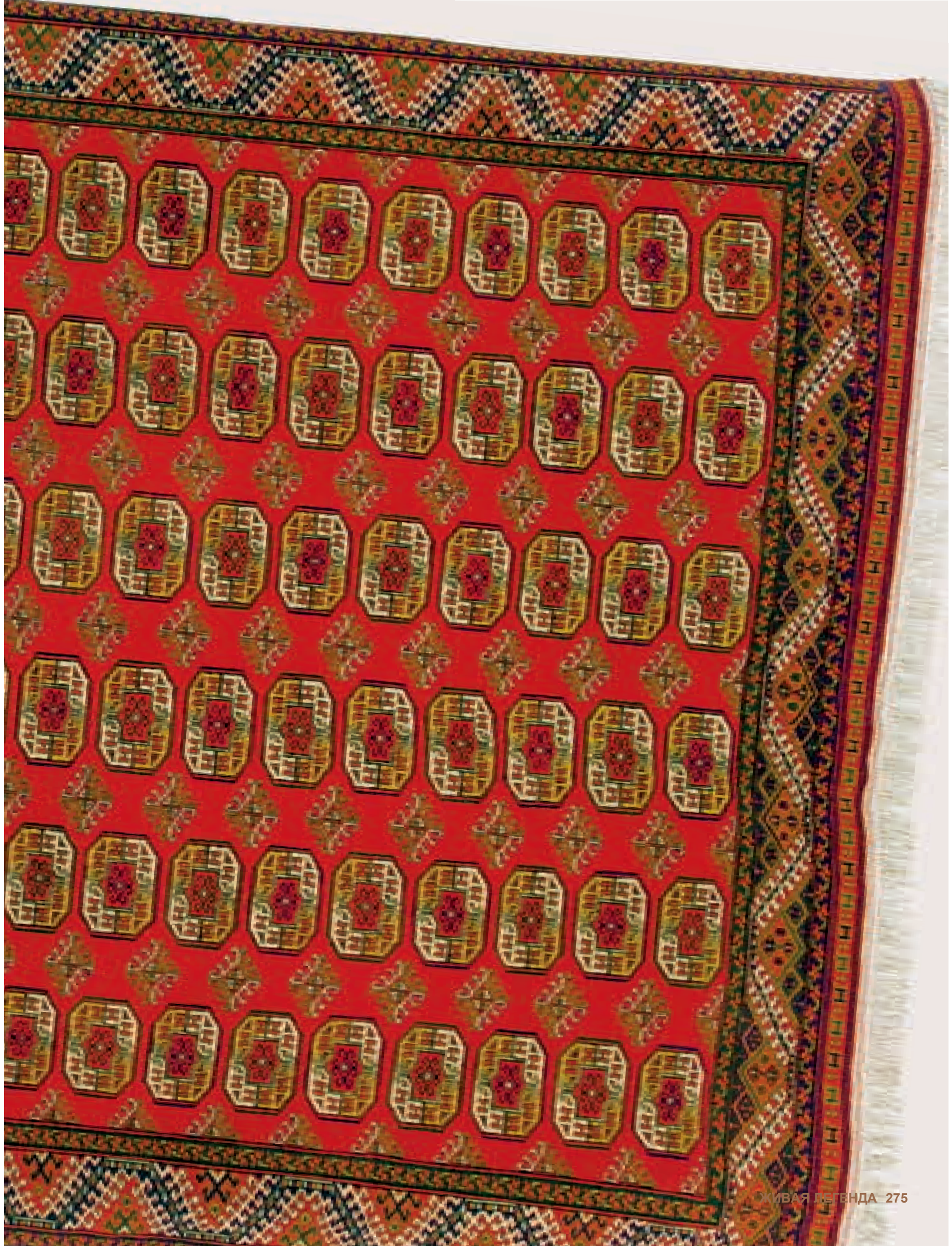
Потому что ковёр – заклинание!

Это рукотворное чудо принесет в ваш дом особую лучистую энергетiku, притягивающую добро и добром одающую.

Можно затратить на выделку ковра огромное количество времени и труда, но это не сделает его произведением искусства. Необходим талант и что-то еще, способное вступить в резонанс с мелодической основой, с душой ковра, который метафизически предшествует своему созданию. Ведь традиционные туркменские ковры сродни классической музыке, неподвластной преходящей моде.

Великие мастера живописи стремились взять краски у самой природы, следовать ее законам, перенимая у нее формы и даже равнодушие природы к тому, кто ее не понимает, кто не резонирует с ней в едином поле мироздания. Ибо, по словам великого философа и математика, все возможное, но неслучившееся, ложно, наш же мир случился и это лучший из миров. В природе все случилось и поэтому все правильно, все инвариантно. Эта истина заложена в нашей генетической памяти и действует через нас: и зрячих, и «слепых». Как и туркменский ковер с его традиционным узором, натуральными красителями и выверенным столетиями сочетанием цветов.

В высоком искусстве понятие прогресса если и существует, то, как мне кажется, скорее в плане интерпретаций уже созданного. Согласитесь, «Гамлет», поставленный в начале XVII века, имеет мало общего с «Гамлетом», поставленным в начале века XXI, хотя текст один... Не нужно «изобретать велосипед», заново открывать законы, которые безупречно «работали» сотни и даже тысячи лет. Сейчас, как и многие века назад, лучшие ковры ткут вручную, шерсть красят натуральными красителями и скрупулезно воспроизводят старинный ор-

намент. А вот наш удел смотреть на результат сквозь призму нового душевного опыта, новых эмоциональных переживаний, новых оттенков чувств.

И тут самое время улыбнуться: ошибка, если она случилась, уже не ошибка? «Ошибки» или «вольности» в каноническом рисунке встречаются даже в самых дорогих коврах. А может, они именно поэтому самые дорогие? А может, такие «погрешности» становятся достоинствами ковра, свидетельствуя о его рукотворности? Для меня, например, такой неожиданный акцент, такой слом ритма всегда полон обаяния. Рискну предположить, что у коллекционеров подобные экземпляры в особой чести.

К слову, на западе коллекционирование туркменских ковров весьма и весьма престижное занятие. Достаточно сказать, что ковровые аукционы в странах Европы и Америки проводятся чаще и пользуются даже большей популярностью, чем торги антикварной мебелью или предметами живописи. На таких аукционах, особенно если на них выставлены старинные ковры или даже их фрагменты, заключаются сделки на многие миллионы долларов.

Великая благодарность и коллекционерам, и музеям, в том числе самому богатому из них – нашему – национальному. Можно не беспокоиться о судьбе «опекаемых» ими шедевров. Однако не для музеев, а для нас с вами тысячелетия тянется живая нить преемственности уникального народного искусства. Главное, чем мы вправе гордиться сегодня, это талантливые ковровщицы, а также тем, что не прерывается связь времен и поколений, что слава нашего национального ковра продолжается. И я уверен: так будет до тех пор, пока люди не перестанут поклоняться Прекрасному.

Современные мастера и художники ковра кропотливо изучают старинные орнаменты, возвращая их из музейных витрин в практику современного художественного ковроделия. Но эта работа на десятилетия, ибо орнаментальный лексикон туркменского ковра неисчерпаем.

Из поколения в поколение ткали ковровщицы мчащихся всадников, священные деревья и птиц, жертвенники и знаки огня, воды, солнца, и все это с веками претерпевало изменения. Но как чистый и неиссякаемый ручей, ковер доносил до нас добрый и мудрый посыл, живительную влагу из глубин седой древности, отражая в своих прозрачных ключевых водах и свет текущего времени.

Орнамент – своеобразный «ген» туркмен. Туркменские гёли хранят в себе уникальную «родословную», языком символов, линий, цвета, ритма повествуя о нашем древнем народе: его творческой мощи, характере, судьбе...

Вне этой функции ковер, мне кажется, напоминал бы мечеть без молитвенной ниши – михраба.

Одни орнаменты внушают благоговение и трепет, приглашая к какому-то священному ритуалу, другие словно вовлекают в простодушный, бесхитростный, но зажигательный народный танец, третьи – изысканные, точеные, царственные «взирают» на вас с высоты далеких звезд...

Таков, к примеру, необычайно оригинальный, загадочный орнамент «шахы гель». Его затейливые, плавно изогнутые формы, повторяясь, обращены к небу, создавая ритм неспешной торжественной процессии. Интересно, что здесь различимы и фигурки животных, видимо, также входивших в свиту некой таинственной персоны.

Совершенно определенный настрой создают и узоры, передающие облик ювелирных национальных украшений, которые тоже по сокровенной сути своей служили оберегами и использовали язык символов. Вот почему в целом такой ковер напоминает свадебное убранство юной красавицы, наряд которой усыпан серебряными и позолоченными украшениями с самоцветами, подвесками и нашивными бляхами чапраз – «рыбья чешуя», миниатюрными звенящими колокольцами.

Если вспомнить о том, что полный набор женских туркменских украшений воссоздает предметы древнего воинского облачения, служившего защитой от оружия врага полторы, а то и две тысячи лет назад, то как не сказать о прекрасных амазонках, отважных девушках-всадницах, легенды о которых нашли отражение и в туркменских коврах. Выходит, именно их, а не мужской, боевой наряд донесли до нас сквозь бурные века истории народная любовь и уважение к смелости и красоте. Ныне это сложный канонизированный комплекс – уникальный ансамбль изысканных национальных ювелирных украшений. Их символическое назначение, как и у ковров – хранить в каждой семье материализованное представление о красоте, радости труда и победы, о героической истории народа.

Излюбленный туркменами полудрагоценный камень сердолик особенно близок традиционной цветовой гамме ковров, колористической специфике туркменского прикладного искусства вообще. Столь устойчивая популярность камня на протяжении многих веков объясняется не только его таинственной красотой, но и особенными свойствами, замеченными нашими предками в незапамятные времена.

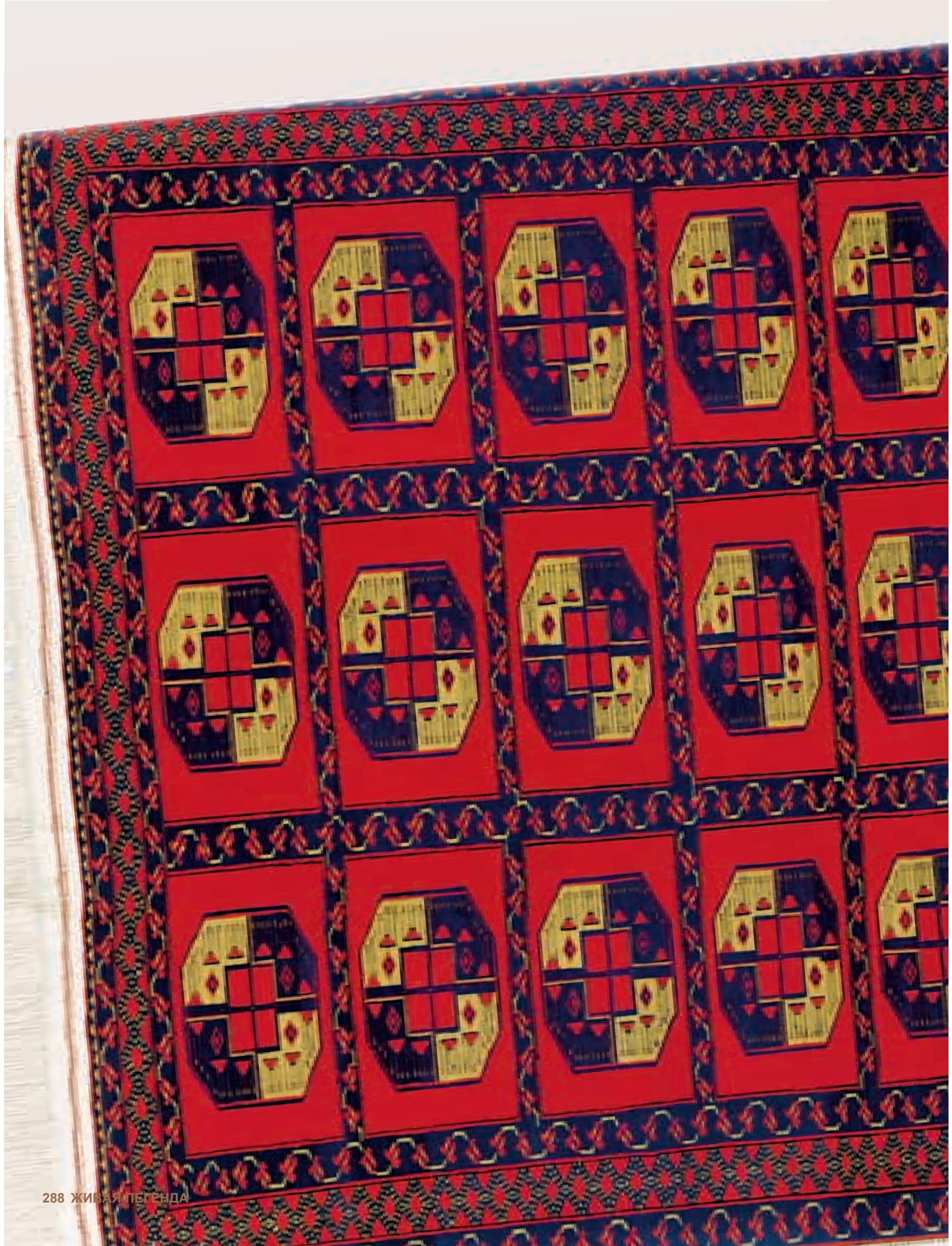
И это ли не виртуозное искусство – перенести пылающий в самоцвете природный огонь в ковровую пряжу, придать его глубину и жар на полотне?!

В старину верили, что сердолик, как и красный цвет, – прочит долгую жизнь и любовь, семейное счастье и удачу, изгоняет тоску и хранит от невзгод. Такова же энергетика красного ковра.

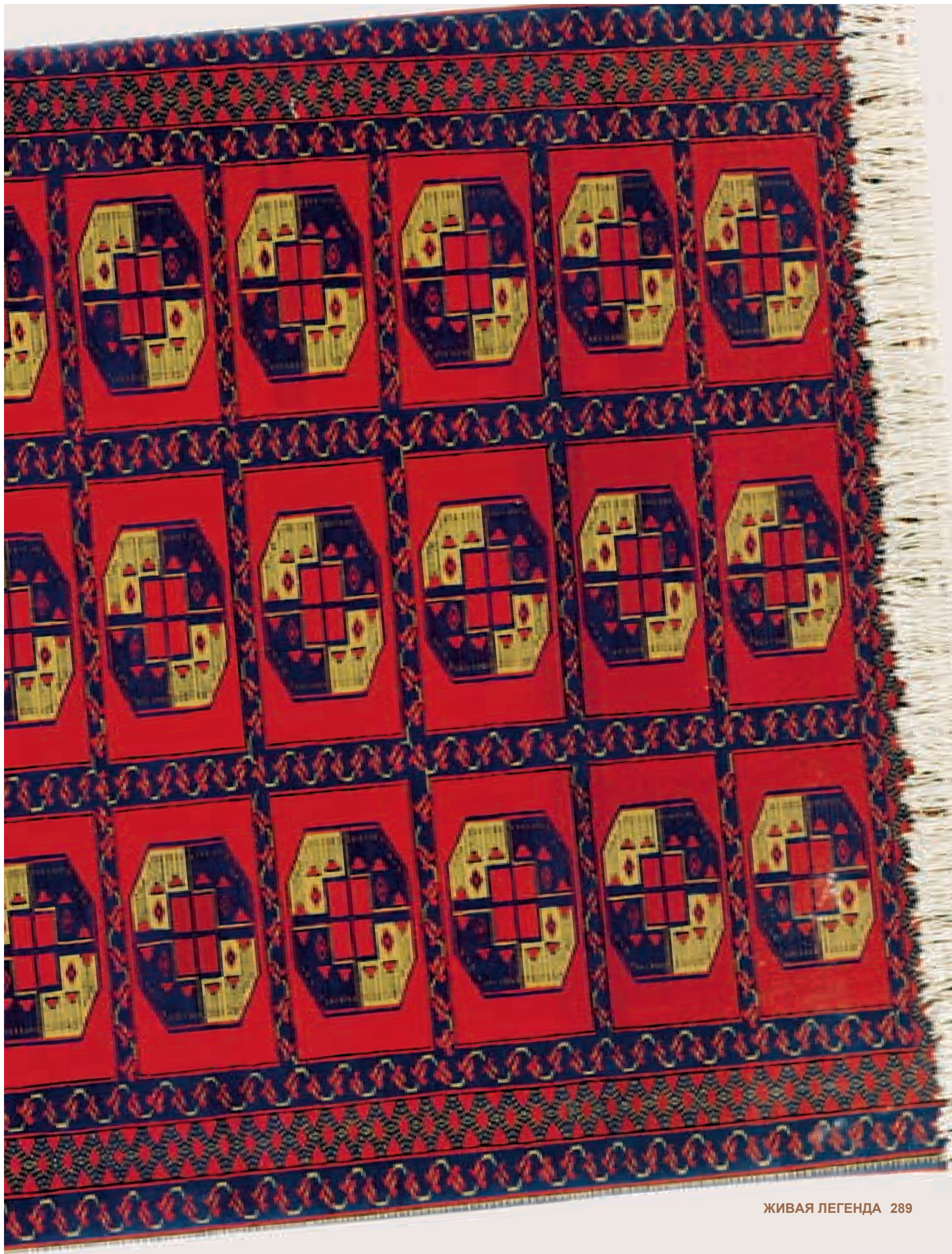
Часто в ковровом орнаменте можно без труда распознать такие ювелирные детали, как подвески – шельпе, чекелик и тенечир, контрастную инкрустацию цветными вставками, и даже украшения целиком: даданы – «жуки», круглая солнцеподобная гульяка или гоза, представляющем собой схематизированные фигуры двух быков, соединенных торсами.

Несколько выше я попытался объяснить отсутствие выраженных тотемных знаков в дошедшей до наших дней ковровой орнаментике. Но на ранних сельджукских коврах, еще довольно простых и грубоватых по рисунку, изображались определенная птица или зверь – отличительные племенные знаки многих тюркских племен.

Изображения, которые можно интерпретировать как отголоски древних культов, встречаются и XIX веке, например, у иомудов. Возглавлял пантеон таких животных бык – он считался хранителем воды и символизировал благополучие, достаток и урожай. Неслучайно, видимо, на таких коврах в дополнение к орнаменту окуз-гэль в боковых рядах помещается «водный» узор «ак сув елкенли гями».

Так что бык на украшениях и в ковровых орнаментах несет очевидную «заклинательную» нагрузку.

На ковровом полотне он вызывает ощущение «звериной» силы, укрощенной строгой, жесткой геометрией орнамента, будто позаимствовавшего для своей гаммы природный окрас бычьих шкур. Напряженная динамика узора сообщает изображению зрелищность боя быков. Только здесь, в отличие от испанской корриды, «сражение» идет с темными силами, враждебности которых противопоставлена могучая стать священных быков.

Как и музыка, ковровый узор может быть энергичным, «маршевым» или величавым, торжественным, полифоническим, но может быть и мелодией одинокой пастушьей флейты – туйдука, поющей на закате в поле. Или сказкой, рассказанной на ночь при свете лампадки о таинственных пещерах с несметными сокровищами и о драконах-аждарха, их охраняющих...

Иногда в роли центрального орнамента представлен не один (доминирующий) гель, а два. Например, сочетание орнаментов ваззык гель и дыртак гель создает впечатление активного диалога, дуэта музыкальных инструментов – дутара и гиджака, рассказывающих каждый на свой лад одну и ту же историю.

Часто на туркменских коврах встречается ажурный промежуточный узор «шелпели голче», имитирующий серебряный дождь девичьих и женских национальных украшений.

Еще одна черта, роднящая наши ковры и украшения: они, как правило, выглядят торжественно и празднично. А это и в повседневности ко многому обязывают. Хотя бы к прямой горделивой осанке, которой так славятся туркменские женщины!

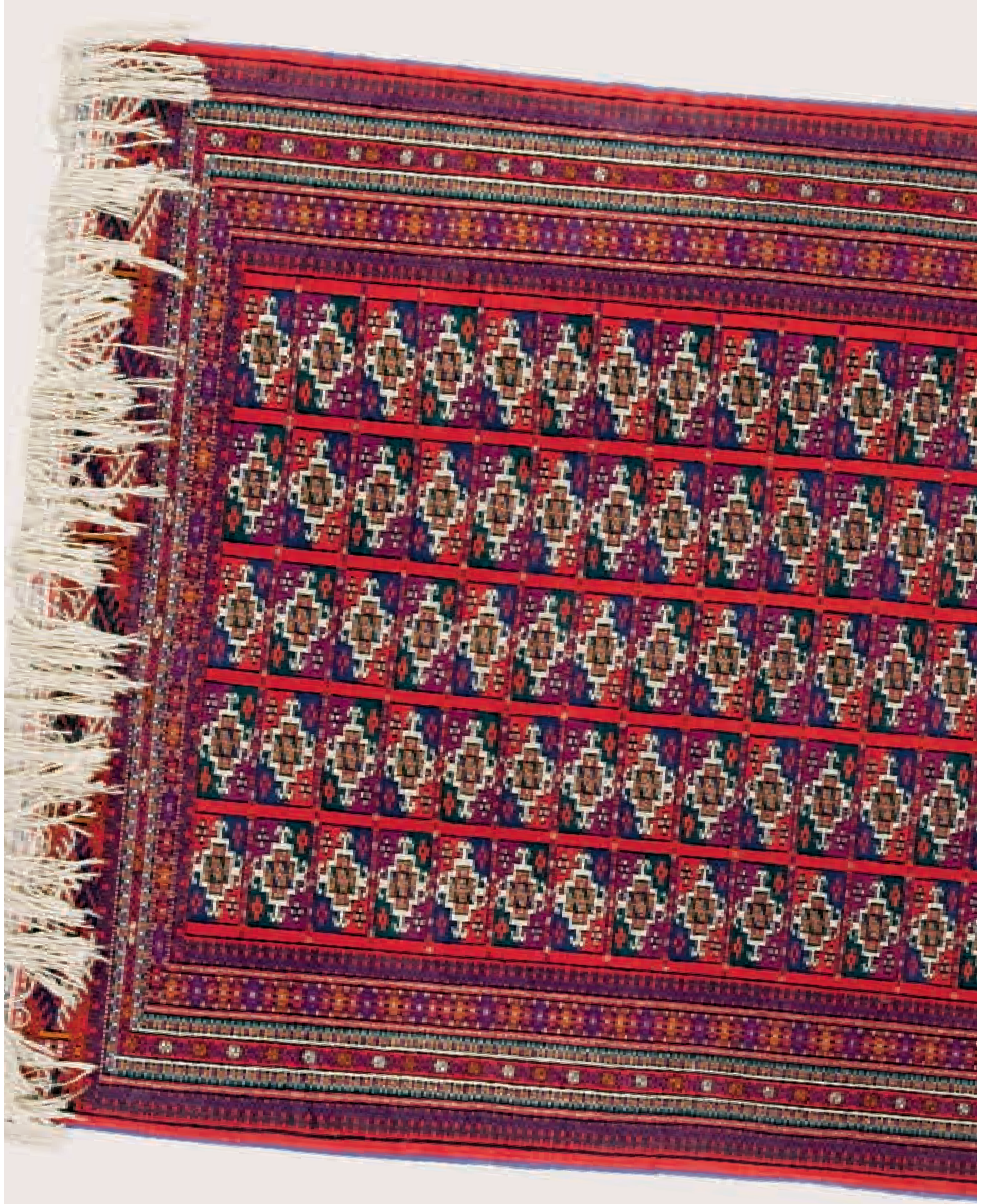
Словом, информационная емкость туркменских ковровых изделий поистине бездонна. Читатель наверняка заметил, что, отмечая это, я всякий раз как бы сдерживаю себя, выводя на первый план эстетическую функцию ковра. Но «чтение» орнамента, повинуюсь, затягивающее, даже азартное занятие. Почему, к примеру, поначалу простые по рисунку кресты, прочно встроившись со временем в ромбовидные орнаменты, «обросли» деталями, «рожками» как в гёле айна гочак? Сам же ромб, обозначавший пашню, поле, возделанную землю, стал выражать пожелание достатка хорошему хозяину, лада в семье, храбрых сыновей.

Таким образом условный язык орнамента все больше подчинялся утверждению высших духовных ценностей, оптимистическому отношению к жизни во всем ее богатстве и разнообразии. Магические, тотемные, космогонические представления не просто ушли на второй план, но были усложнены и переосмыслены в такие этические обязательства, как почитание рода, традиций и т.п.

С этой точки зрения орнамент – ценнейший исторический материал, сохранивший древнейшую первооснову этногенеза нашего народа. Впрочем, об этом мы уже говорили.

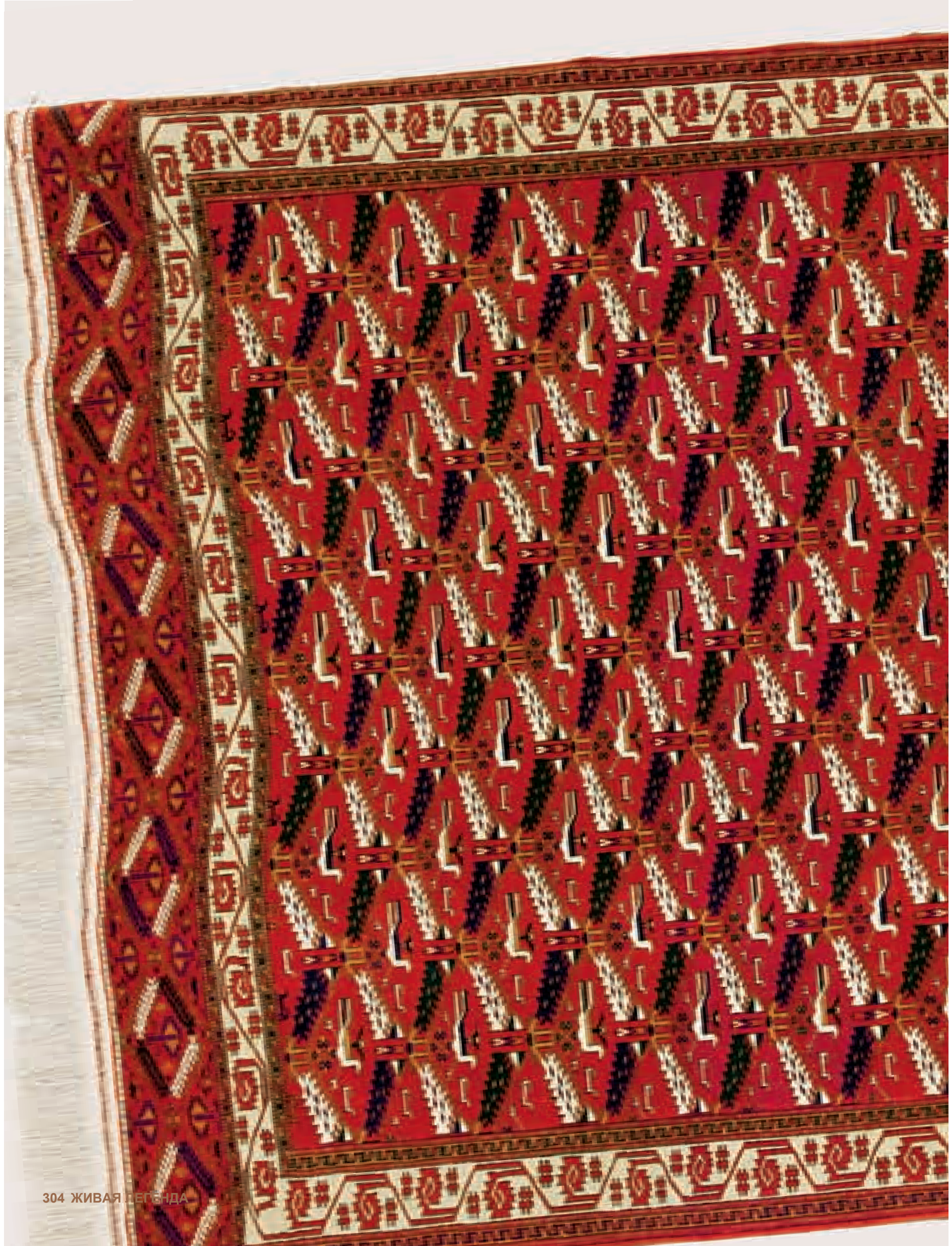
В XVIII-XIX веках в художественных ковровых изделиях туркмен особенно ярко проявились пластика, острота красочного видения, эмоциональная насыщенность орнамента, способность мастериц к поиску новых гармонических сочетаний красоты природы с формами гёлей.

Орнаменты насыщаются многочисленными символическими обозначениями животных: «дуе диш» (зубы верблюда), «гуджик изы» (след щенка), «сычан изы» (след мыши), «тазы гуйругы» (хвост гончей собаки) и многими другими.

Например, «гочак» – крутые завитки бараньих рогов – сулили богатство. Один из любимых символов туркмен – «гуш» – силуэт птицы в небе, олицетворяющий свободу духа.

Посмотрите: сколько парящей лёгкости в узоре, скомпонованном из летящих или сидящих на ветках птиц! А ведь добиться этой лёгкости, не нарушая законов геометрического узора, сложнейшая и техническая, и художественная задача.

Среди множества ковровых изделий, исправно служивших туркменам в быту, наиболее сложным по композиции и декору является энси – ковровый полог, которым завешивали вход в юрту с внешней стороны. Плотная ковровая штора надежно защищала легкое жилище не только от пыли, зноя, холода, дождя, ветра, но и, в роли оберега, от злых сил.

Это – тяжелое, монументальное панно! В нем ощутимы спокойная размеренность, торжественная величавость. У энси, как особого вида ковров, всегда высокая плотность – до 500 тысяч узлов в квадратном метре.

Существует несколько версий относительно загадочного «пейзажа» этого полотна. Некоторые исследователи считают, что ясная логика форм, динамичное равновесие пропорций, естественный ритм фигур на нем отражают представление предков об упорядоченности мира. Центральное прямоугольное поле делится на четыре противолежащие части – стороны света. Кроме того, верхняя и нижняя часть, отделенные друг от друга поперечной линией, символизируют сферу небесную и твердь земную.

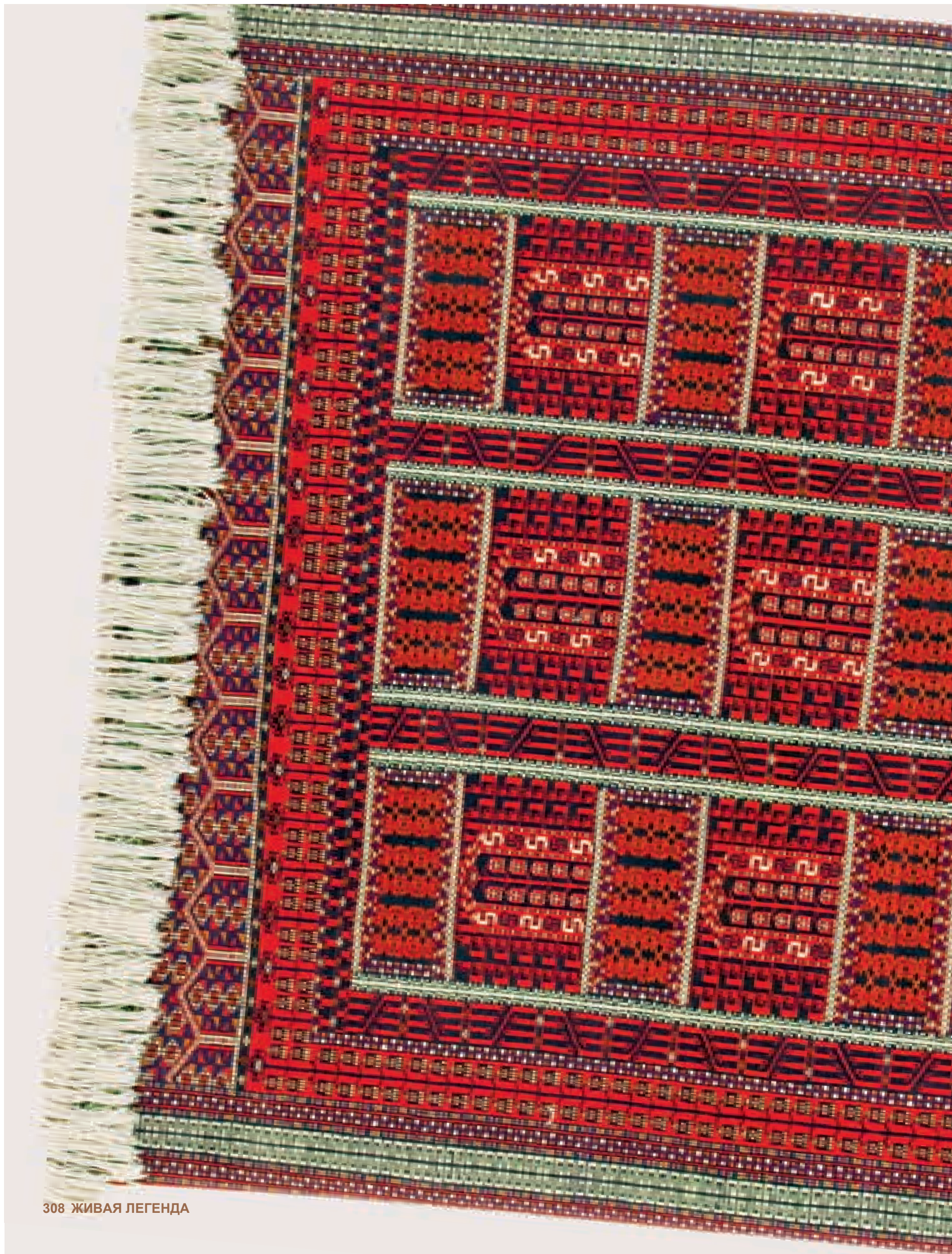
Большинство орнаментов и символов энси, отражающих локальные художественные стили, связаны с представлениями о плодородии. Распространенными являются изобразительные мотивы растительного характера: «гуляйды», «итик гул келлети», «дарагт» (древо жизни), «гунебакар» (подсолнух), «келле». Средняя и внутренняя каймы в старинных пологах нередко украшены узором в виде резных виноградных листьев. А в некоторых образцах струящиеся по краю поля линии обозначают весенние дожди, сулящие земледельцам щедрые урожаи.

Верхняя часть многих энси включает изображение михраба – арочной молитвенной ниши в стене мечети, увенчанной парой изящных рогов «гочак». Очертания арок, иногда двойных, вписанных одна в другую, разнообразны, но чаще стрельчатые, что зрительно облегчает прямоугольную композицию.

Этот символ энси обращен уже к внутреннему миру человека, напоминая о вечной тяге к совершенству, свету Истины, Добра и Справедливости.

Другая версия увязывает символическое содержание ковра с текстом из священного Корана, где описывается расположение садов Рая: «два сада ... и два вдали». Это прочтение подсказывается графическими изображениями деревьев, в изобилии произрастающих на землях Эдема – Дженнет.

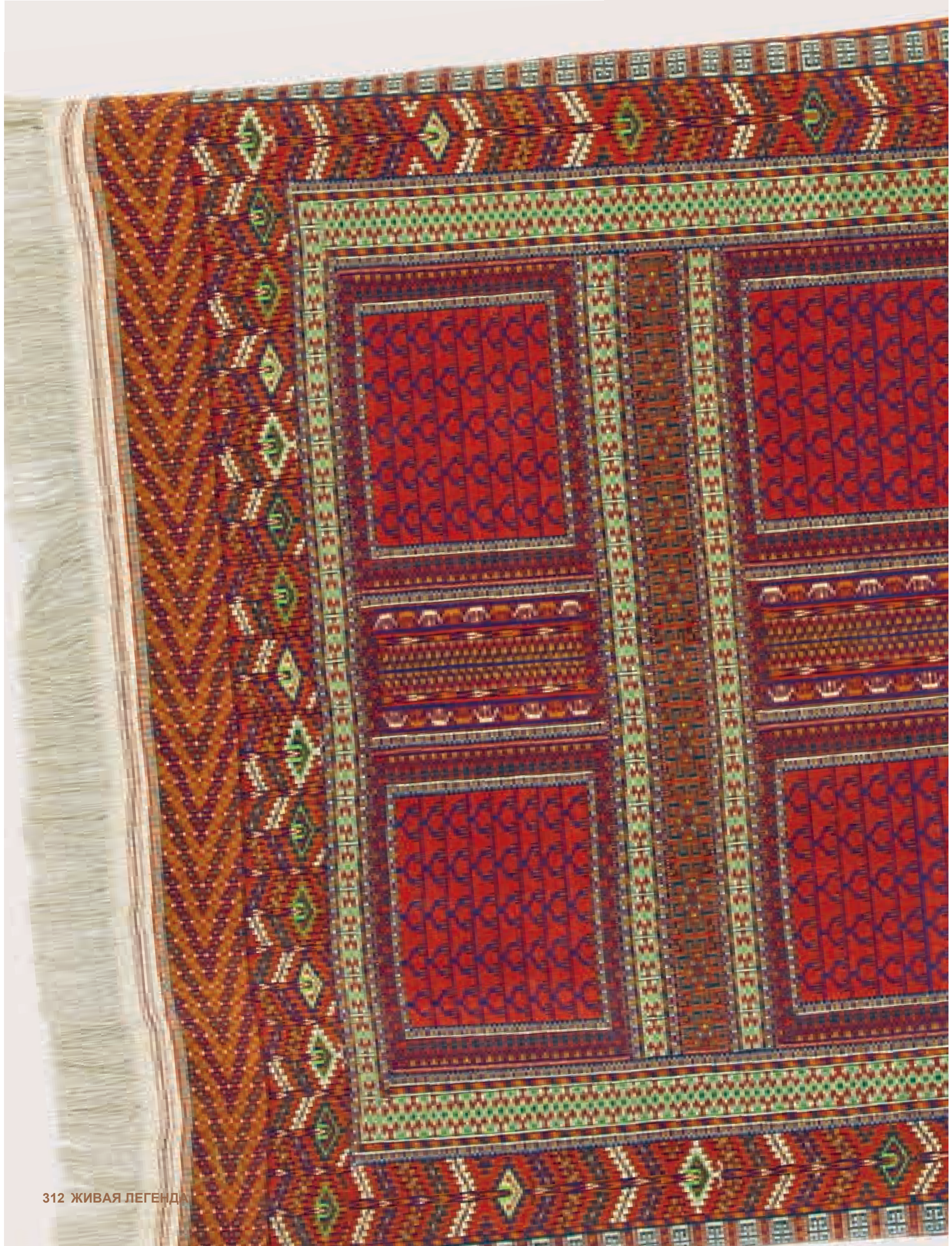
Множественно повторяющийся образ Древа Жизни указывает на бесконечное продолжение рода, вечность бытия. Цветы символизируют нежность, красоту, любовь, доброту, – все то, что согревает и делает прекрасной нашу жизнь.

Часто встречается мотив “гопуза” – духового музыкального инструмента, усиливающего и объединяющего весь мелодический строй сложнейшей композиции ковра. Характерны для верхней панели старинных энси символы свадебного обряда, которые выражают пожелания плодovitости, достатка, семейного лада и долгой жизни.

Главным назначением энси была защита священного семейного очага. Поклониться очагу и обвязывал тяжкий полог: чтобы войти в юрту, его надо было приподнять.

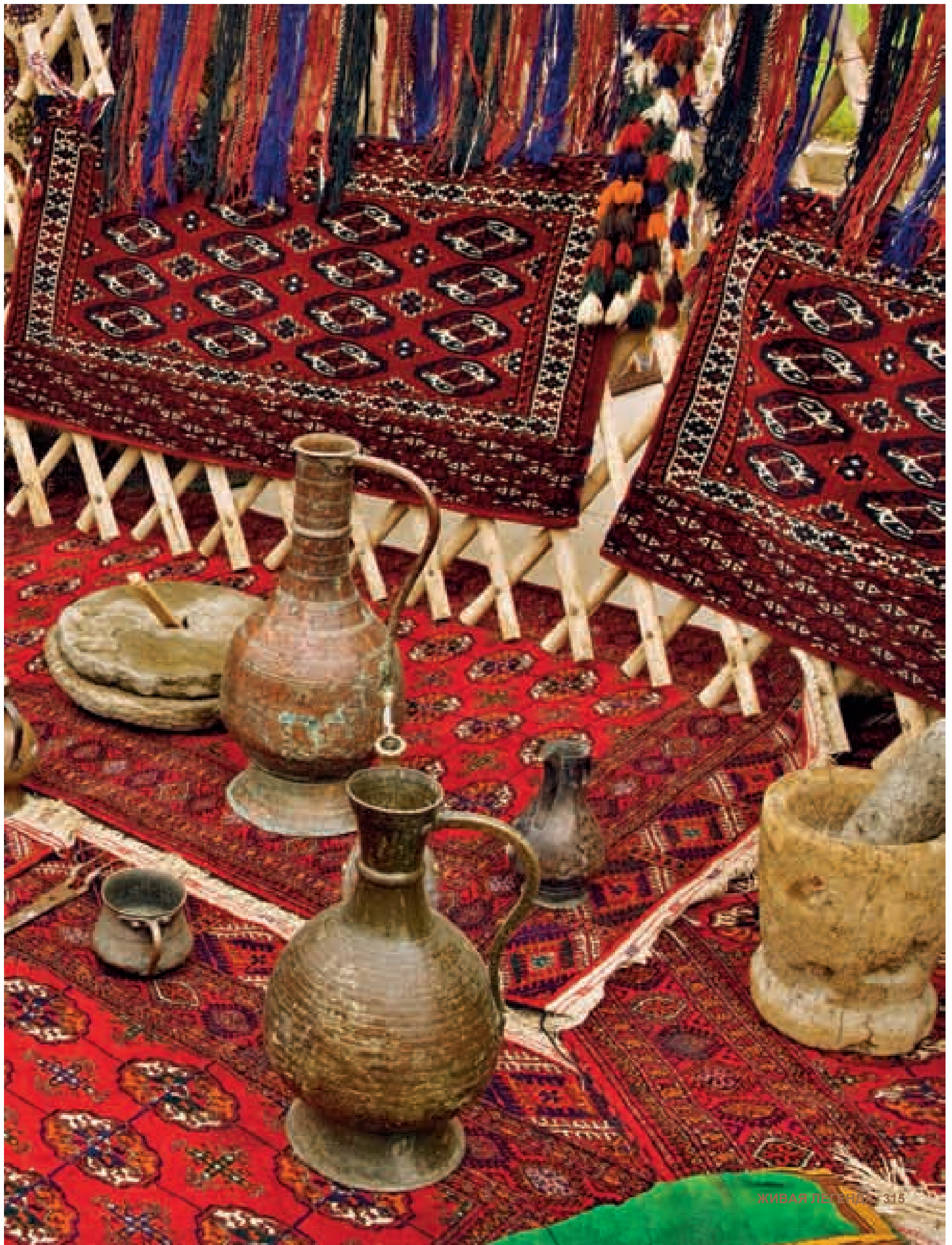
И керамика, и текстиль, изделия из дерева, камня, металла, - буквально все, сделанное человеком, украшалось орнаментальными узорами.

Потребность в красоте линий и форм щедро «выливалась» на предметы обихода. Каждый из них, будь то одежда или посуда, оружие или инструменты, заявлял о себе не только бытовым назначением, но и художественной неповторимостью, почерком мастера, стремившегося придать своим изделиям особую красоту и выразительность.

Эта эмоционально активная функция утилитарного – дарить людям радость – появилась, возможно, как противовес суровости природной среды, но со временем стала самодостаточной в своем жизнеутверждающем значении.

Так кузнецы, гончары, ювелиры, резчики, вышивальщицы создавали цельное, гуманистическое в своей основе искусство, принципы которого распространились затем и на архитектуру, и на книжную миниатюру. И все это объединял ковёр – как символ вечного союза искусства и мастерства, труда и вдохновения.

Сегодня уже никого не надо убеждать в том, что традиционные художественные ремесла – важная часть современной духовной культуры, которая живет и развивается по собственным законам.

Зародившись в недрах тысячелетий, туркменское ручное ковроделие воплотило в себе философию народного творчества, философию, несущую добро и мудрость, ставшую источником идей и образов для всех других видов искусства.

Именно поэтому туркменское ручное ковроделие бессмертно. За века оно выдержало конкуренцию и с фабричным производством, и со всеми современными дизайнерскими изысками, поскольку совершенство нельзя ни улучшить, ни пустить на поток.

Нынешние мастера продолжают традиции этого искусства. Пытливо их изучая, они возрождают художественные приемы, узоры и орнаменты не только XIX – начала XX веков, но и более ранние, те, с которых началась когда-то мировая слава туркменских ковров. Работа с музейными коллекциями, этнографическими источниками обогащает творческое мышление сегодняшних ковровщиц и художников.

Мудрое время все расставляет по местам. Много из того, что когда-то ценилось на вес золота – благовония, пряности или шелка – становилось и становится все более «технологичным», все более доступным, теряя ореол исключительности. Истинная же роскошь проявляет себя вне товарно-денежных отношений, хотя, конечно, и является их объектом. Истинная роскошь всегда духовна и потому переоценке не подлежит и капризам моды не подчиняется. В мире вообще осталось исчезающе мало вещей, отвечающих столь высоким требованиям. И туркменский ковер одна из них, сохраняющая великий статус совершенства на протяжении всей истории цивилизации.

Как и десятки веков назад, живет и радует сегодня нетленная красота древних узоров. «Перекочевывая» из ковра в ковер, они, я бы сказал, не столько меняют свои очертания, цвета и оттенки, сколько играют ими. Так играет своим гибким, послушным телом танцовщица, но динамику, текучесть поз задает волшебство мелодии, музыкального ритма. Так пишут вдохновенные поэмы, слова которых уже есть в языке.

Попробуйте перерисовать несколько орнаментов... То-то! Их непросто воспроизвести даже с помощью линейки и карандаша. А у мастерицы эскизов перед глазами не было, только чистая основа без малейшего намека на прорисовку очертаний. И начинала она узор не с середины, как мы бы поступили, а с краю, с «кончика» гёля. Какое же пространственное воображение надо иметь, как надо владеть этим воображенным пространством, всем орнаментальным лексиконом, чтобы выложить аккуратными четкими строчками в линейном или шахматном порядке «слова» своей неповторимой поэмы! А ведь это умела каждая туркменская ковровщица...

Всовершенстве владели они и техникой рельефного ткачества, позволявшей «приподнимать» нужные узоры, отдельные детали рисунка над плоскостью полотна. Очень эффектный, я бы сказал – зрелищный прием!

И таких – чисто технических – способов усилить художественную выразительность немало изобретено за века мастерицами. Но особенно широкий простор для их фантазии открывала вариативность композиционных решений.

А вот и убедительная иллюстрация сказанному – ковер «губерчекли ак йуп». Как видите, он сплошь состоит из ковровых лент-узоров, какими обычно декорируют юрты снаружи.

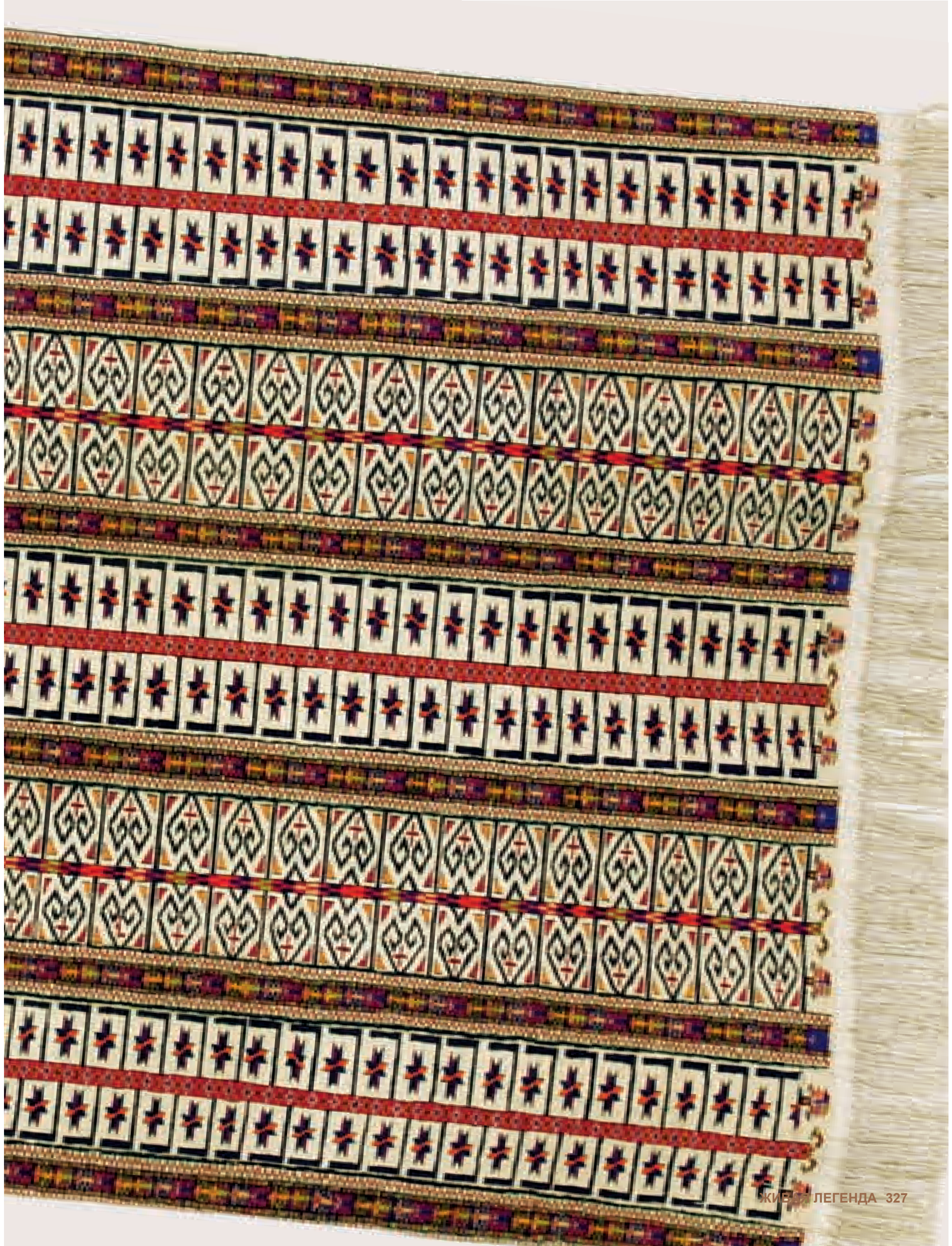

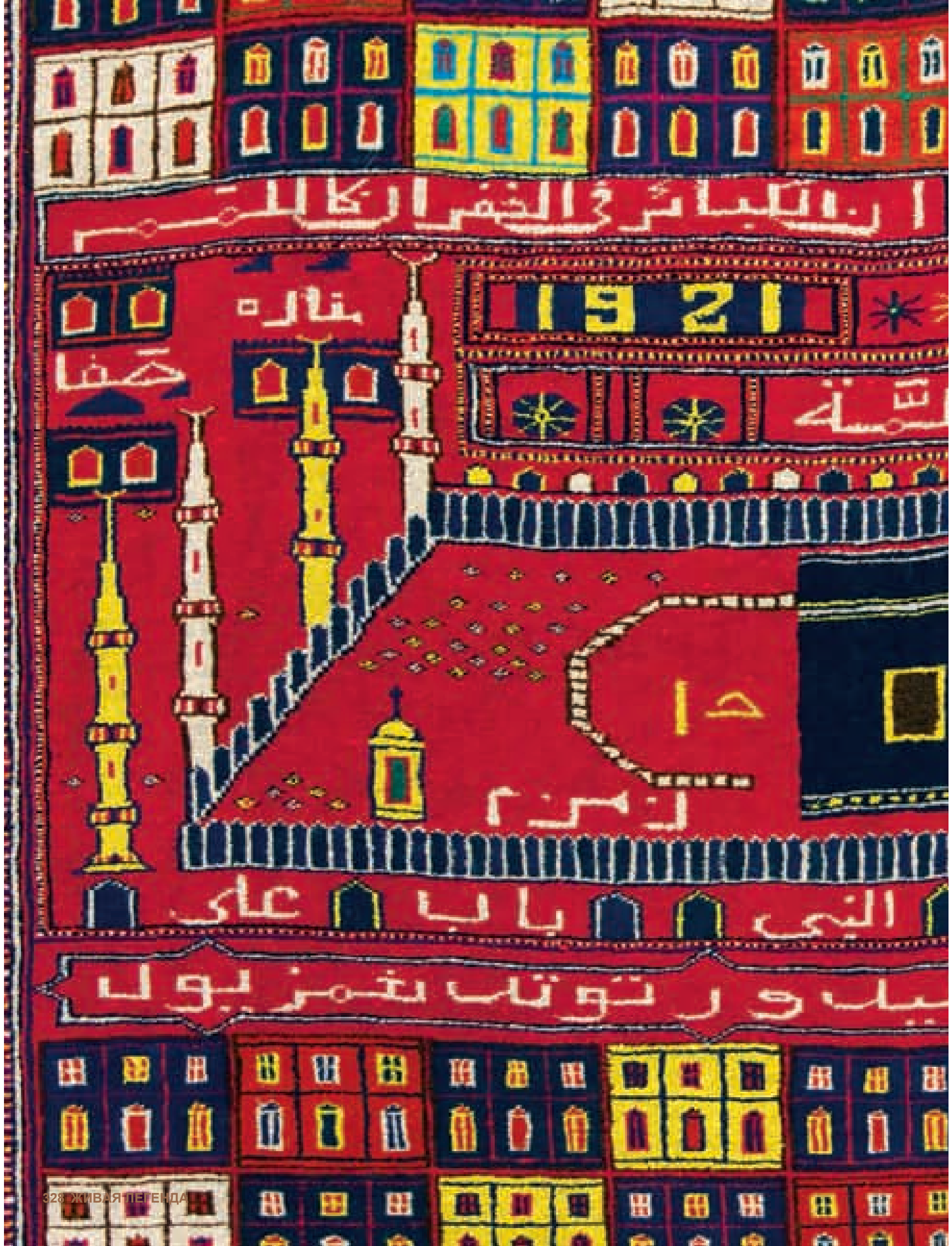
Собранные на одной плоскости, они составили своеобразное мозаичное панно, где нет уже места обязательному для традиционных туркменских полотен бордюру «Алем». Центральное поле этого ковра разделено на пять рядов: на трех – узоры «сагдак» и «тегбент», а на двух других – «яран» и «саллан». Слово струны дутара натянуты эти ряды! Некоторым, правда, по душе другая ассоциация, подсказанная словом «сагдак» – «колчан»: упругая тетива лука и летящие стрелы, пронзающие пространство и время.

Особое место в реестре национальных ковровых изделий занимает молитвенный коврик – намазлык. Для него определен наиболее строгий формат в отношении размера, композиции и декорирования. Это своеобразная «модель» мечети, ведь, расстелив коврик для намаза, мусульманин отгораживает себя от внешнего мира, от мирской суеты.

Как правило, набор изобразительных элементов не оставляет сомнений в назначении коврика, хотя не все они строго сакральны. Некоторые из элементов обязательны, другие варьируются. На одном ковре выделен один – центральный образ; на другом их несколько. Все зависит от фантазии ковровщицы и желания заказчика.

Но главное, по чему безошибочно узнаётся коврик – это изображение михраба, специальной ниши-арки в мечети, указывающей своим острием в сторону Мекки, куда должно быть обращено лицо молящегося.

Еще один важный атрибут – специальные надписи. Обычно это аяты Корана, молитвы, отдельные фразы, имеющие особый смысл. На представленном здесь ковре изображены святыни мусульманского мира – образы Мекки и Медины, чёрный камень Каабы, мечеть и минареты. Все это окружено райскими садами и чётками из живописных узоров-орнаментов на пестрой ленте «аладжа».

Считается, что молитвенный коврик связан со своим хозяином и несет в себе определенную энергетику. Такие коврики очень ценились и передавались по наследству как носители особой благодати. Ведь мусульманин, независимо от местонахождения, совершает молитву пять раз в день. И даже отправляясь в путешествие, обязательно берет с собой молитвенный коврик. Ибо это пространство, которое сакрализуется сразу же после произнесения первых молитвенных слов. Это место, где он общается с Богом.

А вот очень богатый в изобразительном плане ковёр, который так и называется – «Туркменское богатство», но посвящен он не драгоценностям, а дарам родной земли, которые вы, дорогие мои читатели, без труда узнаете в пышном узоре из листьев и плодов земли туркменской.

Здесь белоснежные коробочки хлопка, налитые гроздья светлого и темного винограда среди тонких изящных завитков, гибких стеблей и резной листвы, купающейся в лучах яркого солнца. Крупный четырёхугольный медальон в центре, вокруг которого и закручивается вся это флористическая композиция, создает впечатление расписного купола.

Этот ковёр – великолепный пример оправданного отступления от канонов геометрической орнаментации. И это, позволю себе улыбнуться, «отступление лирическое». Ковёр словно пропитан красками жаркого туркменского лета и щедростью теплой осени.

В нем зримо присутствует преклонение перед трудом земледельцев, растящих добрые урожаи.

В нём гимн расцветающему заботами людей родному краю, гимн отзывчивой на любовь и самоотверженность дайханина земле.

Какое красочное, какое нарядное полотно, точнее, ковровая панорама, охватывающая огромное, ухоженное человеком пространство родной земли! Здесь все так органично и связно, что забываешь отметить новый язык, использованный ковровщицами в их ярком повествовании, новые приемы, смело и безошибочно вплетенные ими в ткань традиционной орнаментики.

Так, рождаются современные шедевры, которые не просто воспроизводят эталонные образцы прошлого, но открывают новые горизонты в развитии национального коврового искусства.

К таким полотнам относится и следующий ковёр, символически названный «Агзыбирлик» – «Единство». Здесь изображены орнаменты пяти велаятов Туркменистана, а также условные обозначения природных богатств страны, её животного и растительного мира. В центре – восьмиугольная звезда с изображением знака бесконечности, по краям – орнамент «сагдак», в боковых рядах – «гюльджагаз», «саглаклы гюль», «узюм япрагы». Бордюры декорированы силуэтами цветов и фигурками джейранов.

Ковёр словно пронизан лучами солнца, расходящимися во все стороны от центрального медальона – очень точно найденный образ единства туркменского народа, объединённого любовью к земле отцов, гордостью за свою страну и созидающего свое счастливое будущее.

Когда в концертных залах, на празднествах и тоях звучат старинные дестаны в исполнении бахши, сердце наполняется счастьем и гордостью. Когда современные мастерицы, работая с древними символами, создают оригинальные произведения, наполненные реалиями сегодняшнего дня, душа, воспаряя, видит мир по обе стороны времени.

Традиция в Туркменистане – нечто гораздо большее, чем просто дань уважения древним устоям. Традиция у туркмен – живая реальность, пронизывающая общество на всех уровнях. Она не сковывает его, но создаёт среду жизни, в которой мудрость опыта освящает новации, духовное наследие согласует прогресс с моральными устоями, история наводит мосты в будущее. Словом, любая добрая перемена тяготеет к тому, чтобы стать традицией. С каждым новым ковровым полотном привычные гёли обнаруживают новое содержание и смысл: ковровщицы экспериментируют с формой и цветовым решением орнамента, с декоративными элементами, сохраняя при этом этнографическую достоверность и уникальность национальных узоров.

... Когда-то пращурьы наши представляли окружающую их природу населенной духами неба, дождя, деревьев, рек. Те помогли людям выжить и многому научили. Уроки эти вошли в плоть и кровь народа. Сегодня, к примеру, покровитель дождя Буркут баба не более чем символ, но символ почтительного и благодарного отношения к природе.

Опыт, накопленный человеком в суровых условиях пустыни, или, как сейчас принято говорить, в зоне аридного климата – уже сам по себе достоин уважения. Сейчас в Каракумы вместе с водой приходит новая жизнь, все дальше врезается в пустыню полоса оазисов, все больше над барханами птиц, слетающихся к искусственным водотокам, в которых нет-нет да и сверкнет на солнце серебристая чешуя рыб.

Жителей края с некогда естественным дефицитом влаги, взывавших к Всевышнему о ниспослании дождя, в наше время нередко можно увидеть с удочкой на берегу рукотворных рек. Вот она – новая сказка туркменской земли! И она не могла не быть рассказана языком ковра, на протяжении веков запечатлевавшего в своих узорах страницы истории народа. Вот живая книга, листая которую можно совершить путешествие от седой старины до наших дней.

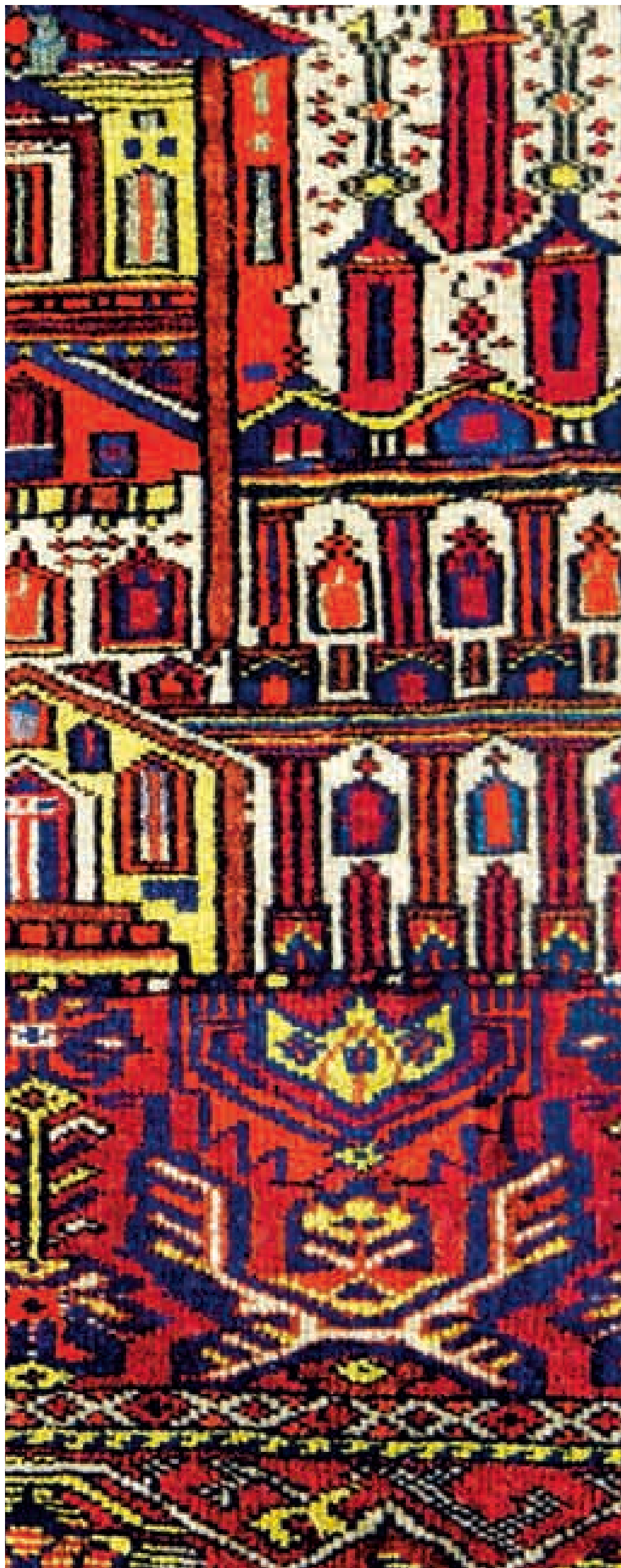

При всей своей ортодоксальной орнаментальности туркменское ковроделие необычайно гибко и переимчиво. Чтобы быть правильно понятым, добавлю: именно гибкость и переимчивость выводят любое искусство на свою, самостоятельную дорогу.

Выше я уже отмечал феномен тесного творческого родства ковроделия и архитектуры. Зодчество, как известно, является искусством огромного общественного звучания, воплощающее в камне не только эстетические взгляды той или иной эпохи, но и её технические возможности.

Но вот что интересно: в роли выразителя новых художественных тенденций ковроделие явно опережало архитектуру. Причина этого очевидна и является не «заслугой» коврового искусства, а его преимуществом – оно мобильнее и не столь отягощено грузом канонических предписаний. В порядке недалекой от истины шутки замечу: дворец, не поднявшийся еще выше фундамента, уже мог воплотиться во всей красе на ковровом полотне. Кроме того, искусными ковровщицами являлись чуть ли не все туркменские женщины, а вот зодчих было наперечет. И все же дворец на ковре – это «архитектура», но близкая, теплая, домашняя; строгая монументальность иного коврового орнамента тоже сродни архитектуре, но информативность ковра предельно актуализирована прекрасными мгновениями текущего времени. Речь, разумеется, идет о «фасадах», не о функциях. Ведь в ковре не живут...

Но сам-то ковёр живет! И во дворцах тоже. Именно его способность быть живым позволяла мастерицам, прибегая к сравнениям и метафорам, а порой прямо заимствуя сюжеты, выявлять не столько сходство, сколько внутреннюю сущность сравниваемых объектов. Предметы, явления, их взаимосвязи, отраженные в орнаментах, – только знаки более глубокой реальности: мира вечных понятий и незамутненных идей. Умение за материальной оболочкой вещей увидеть проявление бесконечной мудрости Бога, объяснить скрытые уроки, которые творец вложил в эти «символы», и передать их потомкам – вот в чем великая миссия нашего национального ковра!

Изучение коврового наследия проливает свет на многие стороны духовной, материальной культуры туркмен, помогает буквально «из первых рук» получить сведения о многочисленных обрядах, праздниках, узнать об укладе жизни, быте нашего народа в разные эпохи.

Проникнуть в эту заповедную область позволяют многочисленные ковровые изделия народного обихода как бытового, так и ритуального (или церемониального) назначения. Образно говоря, все они составляли большой цветистый «пояс» – оберег, окружавший жизнь наших предков.

В народной среде рождались уникальные предметы быта, выполненные в технике ковроткачества. Удобные и

практичные, они удовлетворяли различные хозяйственные нужды. Каждое ковровое изделие имело свое утилитарное назначение: одни служили для утепления жилья, другие – заменяли мебель, ночное ложе...

Утварь, домашний скарб хранили в специально изготовленных ковровых вещевых мешках, которые развешивали по решетчатым переплетам юрты или укладывали

рядами на сундуках. Чувалы, торбы, хурджуны предназначались для хранения одежды, перевозки вещей, использовались вместо мешков и переметных сумок.

И всего этого было великое разнообразие. Одних только чувалов десятки видов! «Халы чувал» (ворсовые) служили для хранения одежды, их вывешивали парно напротив входа в юрту. «Ак чувал» от ворсовых отличается тем, что на них ворсовые орнаментальные полосы размещены на белом безворсовом фоне, а у «гызыл чувалов»

орнаментальные ворсовые полосы размещены на красном безворсовом фоне. «Аргыш чувал» – шерстяной чувал, украшенный безворсовыми гладкими узорами. «Самры чувал» – мешок, который наполняют землей во время рытья колодца. Имелись в употреблении и маленькие мешки – «чувалча».

Вся эта ковровая тара служила помимо практических целей и великолепным убранством в жилищах наших предков.

Ковровыми «чемоданами» нагружался и вьючный «транспорт», роль которого в жизни нашего народа была необычайно велика.

Существовала традиция особым образом украшать верховых и вьючных животных свадебного каравана, который перевозил невесту в дом жениха.

Такой караван представлял собой красочную, торжественную процессию. Невеста ехала в ярком паланкине на верблюде, убранство которого включало парную попону с пышными кистями – асмалык.

Асмалыки отличались особым своеобразием колорита и орнаментики. В их рисунках сохранились наиболее старинные узоры, изображения зооморфного и антропоморфного характера.

Распространенным мотивом украшения асмалыков было изображение самого свадебного каравана. Кеджебелик – так часто называют в народе такие асмалыки,

выражающие своим орнаментом пожелание счастливой семейной жизни. На некоторых попонах встречаются узоры в виде ромбических или восьмиугольных медальонов с изображением птиц или Древа Жизни. Эти орнаменты, возможно, позаимствованы у ритуального полога энси, что только подчеркивает их сакральный смысл.

Попробуйте представить туркменскую юрту без коврового убранства, и у вас ничего не получится. Оно организовывало жилое пространство таким образом, чтобы подчеркнуть связь человека и природы, чтобы энергетика, заключенная в орнаментах, приносила обитателям счастье и гармонию отношений. Если присмотреться пристально к этому уникальному наследию, оно откроет удивительный, огромный мир замечательных, мудрых, поражающих своей глубокой искренностью людей, всегда открытых радости, для которых красота была синонимом слова «жизнь».

Да и сама юрта представляет собой гениальное изобретение. Ее куполообразная, как сказали бы сейчас – «аэродинамичная» форма идеально вписывается практически в любой ландшафт. Она словно «вырастает» из земли и в то же время образует свою микро-вселенную, представляя для каждой отдельной семьи свой «центр» земли.

По назначению юрты делились на три основных типа. Парадные, служившие для приема гостей – они отличались большим размером и богатым убранством. Жилые – поменьше и маленькие походные. Последние можно было перевезти на одном верблюде или даже лошади.

Внутри юрты, под ее сводами все было подчинено определенной системе: каждый предмет имел свое место, обусловленное его функцией, частотой использования и даже магическим назначением.

Человека, впервые вошедшего в традиционную, доставшуюся нам от предков юрту, поразит ее убранство, состоящее из ярких ковровых изделий: просто ковров, дорожек, полос и лент с бахромой и кистями из разноцветных шерстяных нитей...

Энси, гапылык, халы, чувалы, торбы и хурджуны, маф-рач – более 100 наименований ковровых изделий, имевших реальное бытовое назначение. Для каждого из них были определены строго соблюдавшиеся размеры, форма и тип узора, в пределах которого мастерицы могли проявлять творческую фантазию.

Взять хотя бы торбы: «чемче торба» предназначалась для хранения ложек, «чанак торба» – для деревянных мисок, «дуз торба» – для соли, «газан торба» – для казана, «ат-торба» – для лошадиного корма, «чопан торба» – сума пастуха... Упомянем также всевозможные футляры, «шкатулки», «кошельки» для денег, украшений, бумаг, всякой мелочи.

Принципиальное различие между чучалами и торбами – в их размерах и форме. Кроме того, у торб присутствует по нижнему краю густая и длинная шерстяная бахрома.

Композиционное размещение узоров на этих предметах очень разнообразно. В их геометрических рисунках, богатом колорите с преобладанием насыщенных красных тонов проявились многие древние приемы коврового орнаментального оформления.

Можно, не погрешив против истины, утверждать, что туркмены появляются на свет на коврах, живут на них, растят детей. Чуть ли не в каждой юрте был ткацкий станок. Подрастая, девочки сначала незаметно для себя приобщались к ремеслу, а потом уже сознательно постигали азы мастерства.

На почетном месте в юрте хранились и конские украшения.

С глубокой древности у нашего народа существовал культ коня, для убранства которого не жалели ни серебра, ни драгоценных камней. Хороший конь и его наряд были достоинством хозяина! Основными элементами конского убранства являлись седло и седельные принадлежности: подстилки, подушки, накладки, попоны, уздечки, нагрудные украшения и ого-

ловье. Ковровые седла, в отличие от кожаных, были легкими и не натирали хребет лошади. Поверх седла набрасывались седельная подушка или богато орнаментированный коврик. Иногда и кожаные уздечка с поводьями заменялись ковровыми лентами.

Важной составляющей конского снаряжения являлась попона, защищавшая любимца от жары и холода.

Попоны были летними – из ковровой ткани и зимние – из войлока.

Чепрак (подстилка под седло) украшался в центре традиционными гёлями, имевшими значение оберега, а по краям орнаментальным бордюром и длинной цветной бахромой или кистями.

В праздничные дни на коня надевали богатую, отделанную самоцветами, узорчатую серебряную сбрую. А вот аладжа, пестрый шнурок из шерсти, всегда повязанный на шее ахалтекинца, украшением не являлся. Это – талисман. Его дело защищать скакуна.

Но вернемся к юрте. Для декорирования ее внутренних стенок и опоясывания войлочных наружных предназначались различного рода ковровые ленты, длиной от 10 до 15 метров и шириной от 20 до 40 сантиметров. Иногда их делали рельефными, иногда в их узорах использовали шёлк. Особенно нарядно выглядели ленты акйуп, украшавшие свадебную юрту, где размещались также орнаменты-обереги и узоры-пожелания: «сагдак», «тегбент», «гульяйды», «догаджык», «кейик окара», «даратг огаджы», «секиз гочак», «дагдан» и другие. Так что свадебные юрты были особенно красивы. Неудивительно, ведь свадьба одно из главных событий в жизни человека!

Непарадная лента для юрты называлась оййуп и ткалась в паласной технике. Орнаментировалась она не так роскошно, как праздничная, но украшением была великолепным, особенно если хозяйка слыла большой мастерицей – как не поддержать репутацию! В целом же такие ленты подчеркивали округлость «дома без углов», в строении которого прослеживается параллель с образно-концептуальной моделью Мира и Земли.

Отрадно, что в Туркменистане юрты – не музейные экспонаты. Они по-прежнему служат людям в сельском и пастушьем быту, украшают их празднества. А главное, благодаря своей безупречной форме, натуральным материалам и другим загадочным свойствам, безошибочно угаданным и использованным нашими мудрыми предками, они – юрты – чудесным образом возвращают человеку жизненно важные силы, заряжая его энергией космоса и недр земли.

TÜRKMEN HATYSSYNYŇ MILLI MUZEÝI

Türkmen Carpet
Is a Soul of Turkmen
International Exhibition
2023

ПРОДОЛЖЕНИЕ СКАЗКИ

Теперь ты знаешь читатель, почему ковер в современном Туркменистане стал одним из официально утвержденных национальных символов. Почему он объявлен государственным достоянием. Почему с таким подъемом наш народ вот уже 20 лет в последнее воскресенье мая отмечает государственный праздник – День ковра. Основные торжества проходят в Ашхабаде, в Национальном Музее туркменского ковра – уникальном храме-сокровищнице, где собрано свыше восьми тысяч старинных и современных рукотворных шедевров.

Модернизируется производственная инфраструктура ковровой отрасли, в городах и селах страны строятся и вводятся в строй новые фабрики, где создаются все условия для вдохновенного творчества мастериц. Крупнейшим предприятием такого рода станет центр художественного ковроделия в городе Сердар Балканского

веляята, где будут выпускаться ковровые полотна уникальных параметров.

Все это служит не только сохранению и развитию древних национальных традиций ткачества, но и удовлетворению растущего спроса на туркменские ковры за рубежом. Экспорт ковров и ковровых изделий налажен, к примеру, в Италию, Великобританию, Францию, Германию и многие другие страны. При этом особой популярностью у иностранных покупателей пользуются классические туркменские ковры, что свидетельствует о высокой оценке в мире самобытности, неповторимости и непревзойденного совершенства нашего традиционного искусства.

Разумеется, добрая слава национальной ковровой продукции на внутреннем и внешнем рынках требует постоянной государственной поддержки. Вот почему приоритетным направлением развития этого сектора

отечественной экономики является сохранение национальных традиций ковроткачества, изучение и восстановление старинных образцов и орнаментов, создание новых ковровых шедевров, не уступающих древним.

Впервые наши национальные ковры были «адресно» экспонированы более века назад – на Всемирной выставке в Париже. Тогда – в 1900 году – они произвели настоящий фурор. С тех пор туркменские полотна постоянно выставляются на подобных международных смотрах продолжая волновать сердца истинных ценителей искусства, завоевывая престижные награды. Кроме многочисленных золотых медалей, туркменские ковры не раз удостоивались престижной номинации «Качество и Превосходство», золотой категории наград «Эра качества», «Арка Европы», Платиновой и Бриллиантовой звезд...

В целях сохранения и развития древних традиций ковроткачества в 2001 году была образована Всемирная ассоциация ценителей туркменского ручного ковроделия. Одной из важных задач Ассоциации является объединение усилий предпринимателей, коллекционеров, исследователей различных стран в популяризации туркменского искусства. Ежегодно в Ашхабаде в день туркменского ковра, который, как я уже говорил, отмечается в последнее воскресенье мая, проходят конференции Ассоциации.

На форум съезжаются делегаты со всей планеты: видные ученые, историки, искусствоведы, коллекционеры, которые в своих докладах и научных сообщениях рассматривают вопросы происхождения туркменских ковров, орнаментов, древних технологий, выработки сырья и многие другие.

Специалисты с восхищением отмечают невероятно широкий технический и творческий диапазон наших ковровщиц, успешно решающих невероятно сложные задачи. «Это невозможно!», – такова непровольная реакция тех, кто впервые видит нашу гордость – знаменитые ковры-гиганты. Первый из них соткан еще в 1942 году, последний – «Галкыныш» – в 2009-ом; оба украшают Национальный музей туркменского ковра. Эти и другие гиганты – жемчужины современного ковроткачества - вызывают искренний восторг знатоков ручного ковроткачества сложнейшей техникой исполнения, утонченной красотой и орнаментальным богатством.

Впрочем, о них следует рассказать подробнее. Отметим необыкновенную плотность этих шедевров. Например, в каждом квадратном метре ковра «Алтын Асыр» («Золотой век») насчитывается до 304 тысячи узелков. Созданный на Бахарлыкской фабрике художественного ковроделия, он внесен в 2003 году в Книгу рекордов Гиннеса как самый большой в мире ковёр ручной работы. Его площадь 301 квадратный метр, размер – 14 на 20 метров, а весит он около полутора тонн. Соткан он был к 10-летию независимости Туркменистана 40 ковровщицами, которые за восемь месяцев завязали на этом полотне 120 миллионов узелков!

До этого самым большим считалось уже упоминавшееся полотно – сотканный в самые трудные годы Великой Отечественной войны (1941-1942 гг.) ковер «Туркмен калбы» («Душа туркмен»). Его площадь 193 квадратных метра. Алое поле этого полотна украшают изысканные узоры «гушлы гель». По своим художественным достоинствам этот ковёр признан одним из величайших образцов прикладного искусства, бесценным памятником культуры Туркменистана..

В годы независимости сотканы такие ковры-гиганты, как «Президент» (294 квадратных метров), восьмигранный «Алтын йылдыз» («Золотая звезда») площадью 215 квадратных метра и названный выше шедевр, получивший в честь нынешней эпохи имя «Галкыншын овазы» («Мелодия Возрождения»). Пока он не имеет равных ни по одному из параметров: площадь 352,8 квадратных метра, плотность – 340 тысяч узелков!

Каждый раз, когда я его вижу, теряю от восхищения дар речи. Ныне этот ковер является главным украшением داشогузского Дворца Рухыет.

Рядом с гигантами в Музее национального ковроделия хранится и самое маленькое ковровое изделие – размером 0,01 квадратного метра. Среди других уникальных экспонатов – ковры портретные, пейзажные, изображающие исторические события, памятники...

Имеется в коллекции и ковёр высочайшей плотности - 1 миллион 148 тысяч узлов на 1 квадратный метр! Попробуйте представить это...

Туркменские ковровые полотна украшают крупнейшие музеи мира, дворцы и замки, коллекции истинных ценителей ручного ковроделия. Сегодня репутацию непревзойденного эталона красоты и совершенства поддерживают произведения нынешних туркменских ковровщиц – достойных продолжательниц древних традиций.

Эстафета древнего искусства ковроткачества передается мастерицами от поколения к поколению. Сегодня это одно из направлений профессионального обучения в средних и специальных школах страны. При этом особое внимание уделяется возрождению старинных технологий, рецептам изготовления натуральных красителей для пряжи. Сегодняшняя практика уже доказала – это единственно верный путь к вершинам красоты и качества. Вершинам, которые покорились старым мастерам многие века назад.

Это прекрасно понимают в Государственной акционерной корпорации «Туркменхалы», объединяющей около 20 крупных предприятий и организаций, которые, в свою очередь, координируют работу более 100 подразделений по всей стране.

Рождение ковра – событие всегда радостное, венчающее долгий и кропотливый труд. Узелок за узелком, ряд за рядом создавался он, с каждым новым штрихом обретая свой неповторимый облик. И как только ковер срезан со станка – он уже принадлежит людям – принадлежит вместе с частицей души его создателей. Как добротный построенный дом, заботливо выращенный сад или бесконечно красивая песня...

В народных художественных традициях, будь то искусство ковроделия, ювелирное дело или национальная музыка, запечатлена духовная программа поколений, философия глубокой веры в нравственную силу человека, призыв к созиданию, человеколюбию и красоте. И чем самобытнее национальное видение, тем ценнее для мира сообщаемая им этическая и эмоциональная информация, опыт человеческих отношений, отразившийся в орнаментах ковров, в изящных формах ювелирных изделий, в дестанах и песнях бахши.

Бахши – украшение тоя, говорят в народе, но туркменский той нельзя представить и без ковров – неперменного атрибута всех наших празднеств: от семейных до общегосударственных. Конечно, современность вносит свои черты во многие церемонии и ритуалы, оформление больших событий, но именно народная музыка и ковры придают нашим торжествам неповторимый колорит, своеобразную эстетику, подчеркивая их национально-значимое содержание.

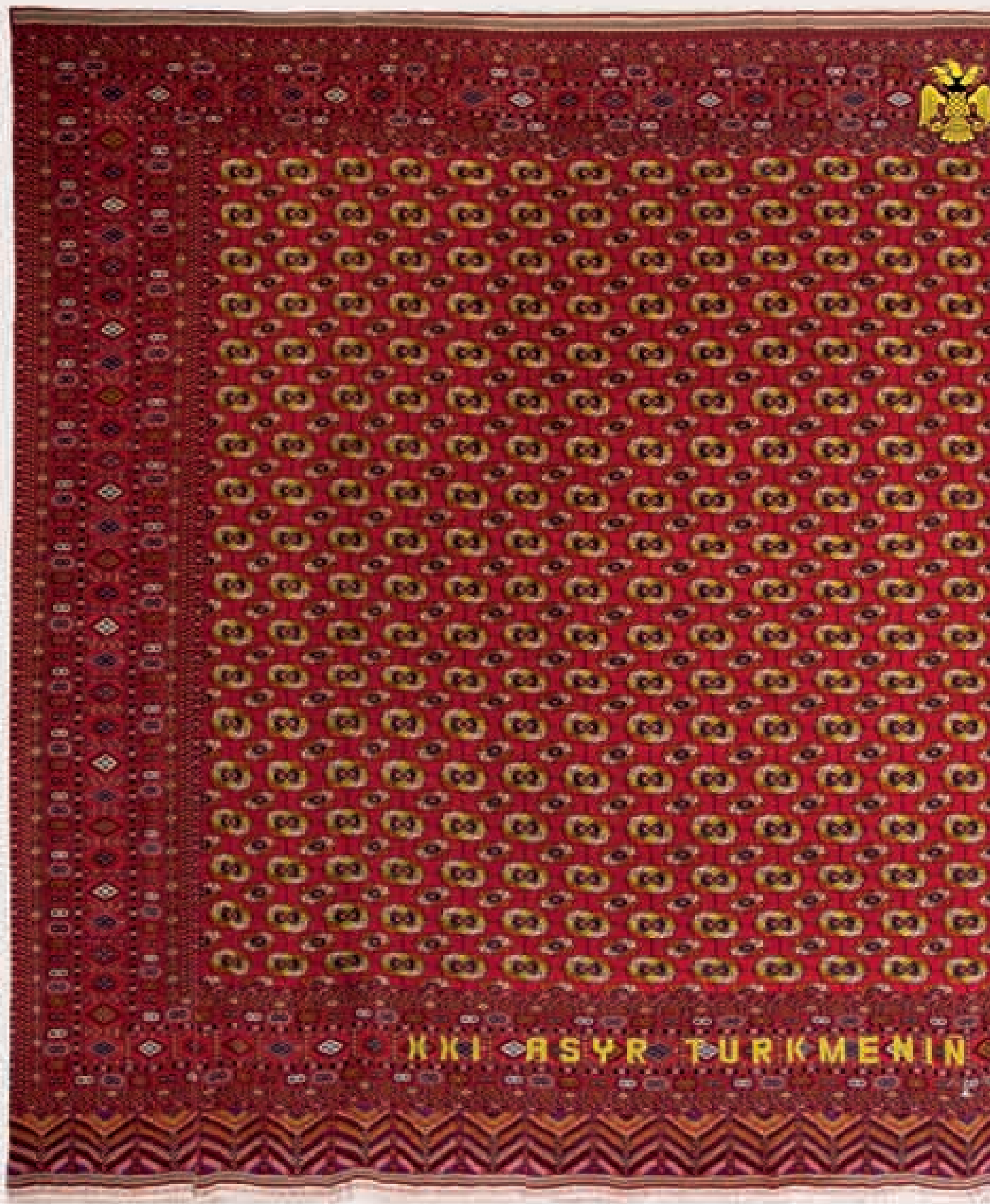

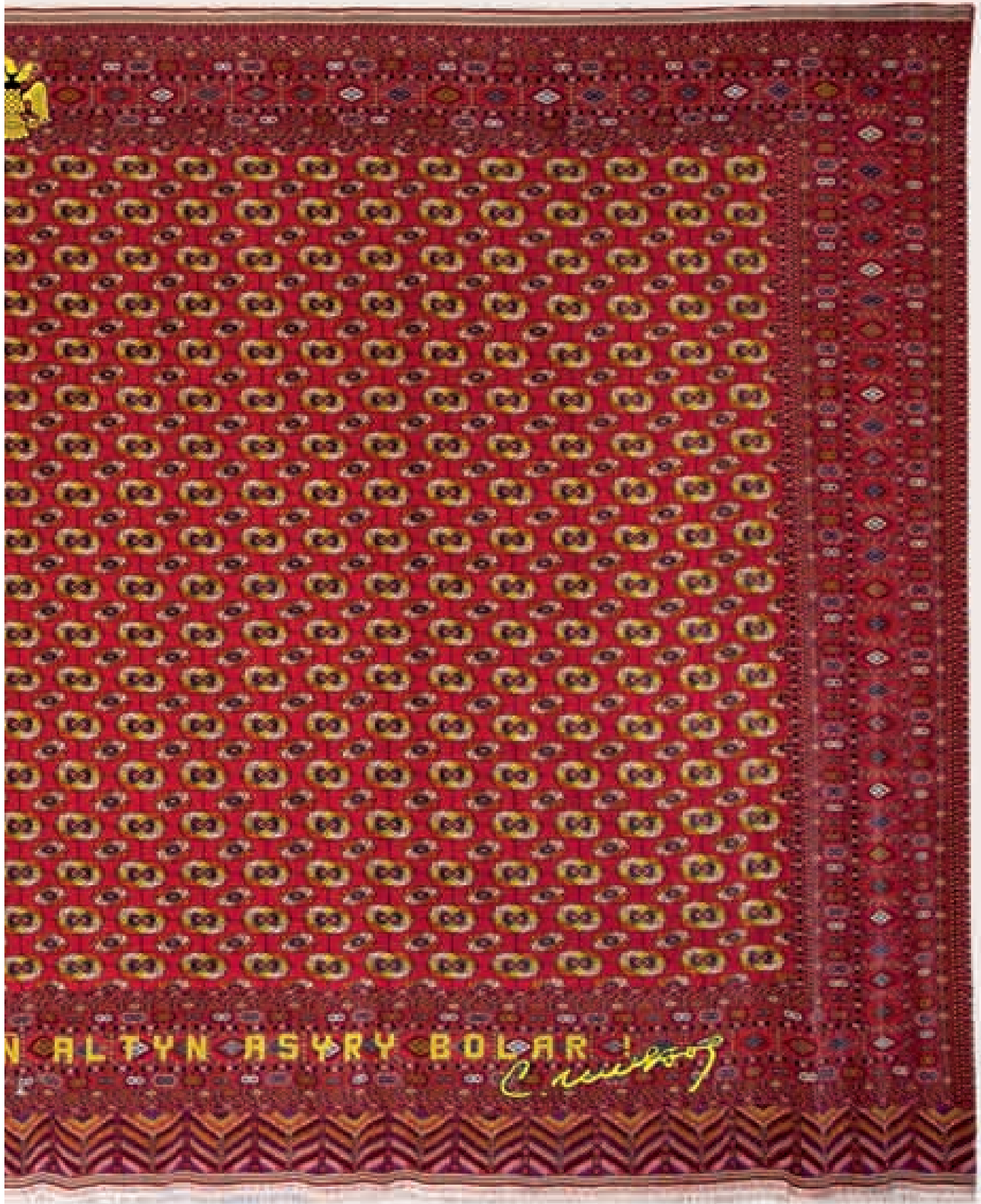

И если музыка, поэзия – это жизнь в словах и звуках, то ковры – в красках и символах. Волшебное их зеркало отражает такие тончайшие движения в природе, как взмах птичьего крыла, трепетное порхание бабочки, легкое дуновение ветра, журчанье горного ручья, шелест лепестков, колыханье зрелых колосьев. Да все, что окружает и сопровождает нашу жизнь.

Их красочные предания созвучны струнам дутара, серебряному перезвону женских украшений и... мерному стучу коврового дарака...

Стало уже общим местом называть Туркменистан гигантской строительной площадкой. Действительно, повсеместно возводятся самые разнообразные объекты, в том числе и элитное жилье. Но эпитет «элитное» не означает, что в таких домах живет пресловутая элита общества, его верхушка. Нет, прекрасные квартиры в них доступны, благодаря государственным льготам, любому работающему человеку.

Так что строим мы много и с высоким качеством. Тем не менее, глубокое народное чувство связывает представление о корнях с образом родного очага, мысленно «помещая» этот очаг не куда-нибудь, а... в юрту. Кстати, лет двадцать назад о юртах никто и не вспоминал, а нынче их можно увидеть и на селе, и в городе – обыкновенные, украшенные ковровым «декором» юрты, которыми пользовались наши далекие предки.

Конечно же, сегодня в них никто не живет, их ставят по праздникам в качестве ярких этнографических «штрихов» к современному портрету страны.

Сегодня, когда возрождаются древние ремесла, культура, историческое наследие народа, все исконное, самобытное снова стало определять духовное содержание нашей жизни.

Сейчас это уже добрая примета: если где-то поднялась юрта или целый городок из них – быть веселому празднику, на который созовут гостей!

Вместе с юртой продолжает жить и тамдыр, в котором пекут изумительные на вкус ароматные чуреки. Не ошибусь, если скажу: тамдыр остается неотъемлемой частью многих туркменских домов. Для очень далеких предков он был семейной святыней. О святости тамдыра свидетельствуют и сакральные знаки на его стенках, схожие с орнаментами-символами туркменских ковров.

В чудодейственную силу этих символов верили настолько, что больные и в самом деле исцелялись. Хотите верьте, хотите нет...

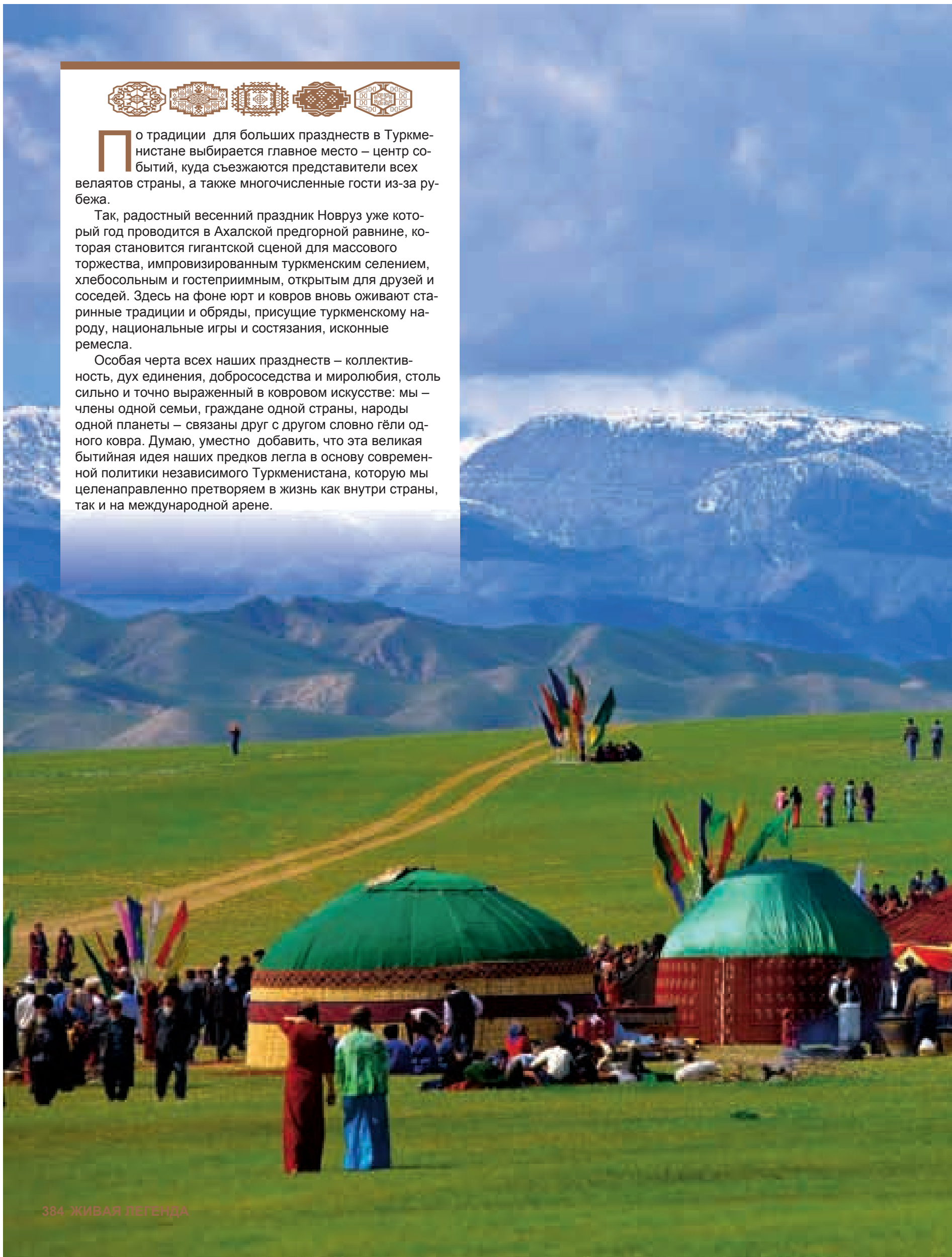

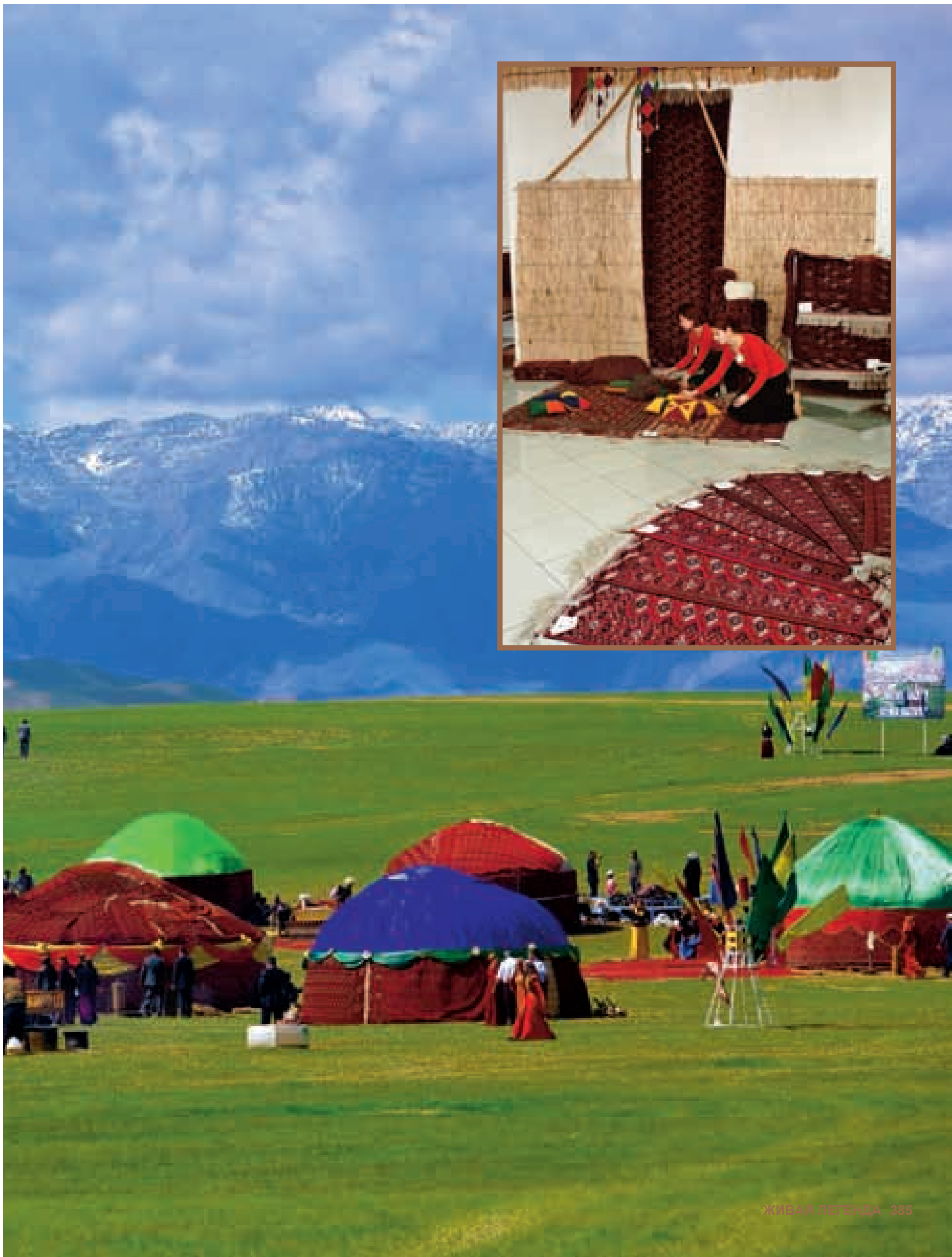
По традиции для больших празднеств в Туркменистане выбирается главное место – центр событий, куда съезжаются представители всех велаятов страны, а также многочисленные гости из-за рубежа.

Так, радостный весенний праздник Новруз уже который год проводится в Ахалской предгорной равнине, которая становится гигантской сценой для массового торжества, импровизированным туркменским селением, хлебосольным и гостеприимным, открытым для друзей и соседей. Здесь на фоне юрт и ковров вновь оживают старинные традиции и обряды, присущие туркменскому народу, национальные игры и состязания, исконные ремесла.

Особая черта всех наших празднеств – коллективность, дух единения, добрососедства и миролюбия, столь сильно и точно выраженный в ковровом искусстве: мы – члены одной семьи, граждане одной страны, народы одной планеты – связаны друг с другом словно гёли одного ковра. Думаю, уместно добавить, что эта великая бытийная идея наших предков легла в основу современной политики независимого Туркменистана, которую мы целенаправленно претворяем в жизнь как внутри страны, так и на международной арене.

По мнению искусствоведов, самое загадочное, самое непостижимое в туркменском ковровом искусстве это стилевое единство, истоки которого не прослеживаются во времени. Получается, что так было всегда, что сочетания красок и форм родились раньше самих красок и форм, что ковёр однажды просто дошёл до нас, как доходит до нас свет далекой звезды. С каким космосом соединено сердце ковровщицы? Кто нашептывает ей великую правду о жизни, красоте и совершенстве? Чудо, истинное чудо рождается под ее руками, руками, которые чудо ещё большее. Кто же ниспослал нам эти чудеса?

Но единое в своей основе национальное искусство ковроделия не стоит на месте. Современные разработки художников по ковру, не покушаясь на строгость тради-

ционного туркменского орнамента, находят в нём неиспользованный ещё потенциал выразительности, средства которой вполне адекватны реалиям сегодняшнего дня. И относится это как к ковровым полотнам, так и к новым видам ковровых изделий: стильным дамским сумочкам, косметичкам, чехлам и футлярам для мобильных телефонов, браслетам и перстенькам, импровизированным оберегам и великому разнообразию другой сувенирной мелочи.

Да, туркменский ковёр для нас не только воплощение созидательного труда многих поколений, не только славный символ минувших эпох, но и поле творческих новаций, обогащающих старинное искусство новым содержанием. Не говоря уже о том, что туркменское ковроткачество и источник развития и мирового художественного ковроделия.

А поучиться у нас есть чему. Например, немислимо сложным приемам ручной выделки двусторонних ковров. Настолько сложным, что каждый такой ковёр поименован и ценится на вес золота.

Настолько сложным, что даже «умные» технологии современных зарубежных производств, специализирующихся на машинном изготовлении двусторонних ковров, не могут сравниться со сноровкой наших мастериц. Фабричный «компьютер» обычно задает программу, отождествляющую способ ткачества с приемом «позитив-негатив», когда одна сторона коврика светлая, а обратная - зеркальное отображение рисунка, но в темных тонах.

Туркменские же коврощицы только с помощью рук, безупречного глазомера, удивительной памяти и идеального расчёта «в уме» создают ковер с абсолютно разными на каждой из сторон рисунками, орнаментами и колоритом.

Один из таких ковров перед вами: на одной стороне кружевной салор-гёль в холодноватой гамме бордового, вишневого, синего, зеленого, лимонного оттенков, а на другой – более геометрически выдержанный гушлы-гёль, в композиционном окружении тёплых, как бы приглушенных цветов – красного, оранжевого, розового, слегка подсвеченных светло-голубым и темно-зеленым.

Ещё один пример: двусторонний ковёр с современным импровизационным орнаментом, соединившим в себе гёли всех пяти велаятов страны и получивший название «Алтын асырын алтын гёллери» («Золотые гёли Золотого века»).

Одна его сторона выполнена в солнечной – охристо-золотистой гамме с терракотовыми «прожилками», другая – в сочных травянистых тонах от светло-зеленого до изумрудного с синей окантовкой узоров.

Этот «диалектический» ковер напоминает нам о сократовском призыве преодолеть противоречие, заслоняющее путь к истине. Молодость – зрелость, весна – осень, пустыня – оазис – в этих парах нет оппозиции, но есть сложное целое, ритмически этими парами организованное. Что мы и находим в метафоре «ковра – мироздания»: жизнь вечна в своей способности к перевоплощению.

Думаю, заложенная в туркменском орнаменте идея ритма, трансцендентного по отношению к рациональному знанию, глубоко философская идея. Мы, возвращаясь к Сократу и к древнему опыту туркмен, «знаем только то, что ничего не знаем». Это ли не поощрение вечного поиска, пути к неизведанному, к истине, которая в нас и сокрыта!

Один из тончайших, изысканнейших видов коврового искусства являют нам настенные сюжетные ковры. На их плоскости разворачиваются «сцены» из древних сказаний и легенд, расцветают дивные пейзажи, вырастают дворцы и храмы... Здесь нет границ для фантазии. Здесь начинается настоящее искусство живописи, поэтому без профессиональных художников, без эскизов ковровщицам не обойтись.

Образ великолепного ахалтекинского скакуна занимает особое место в туркменском фольклоре. Конь для туркмен священен, о нем сложены тысячи легенд, притч, сказок, пословиц... Народная любовь окружила скакуна волшебным ореолом, поэтому не удивительно, что он – один из любимых персонажей туркменских сюжетных полотен. Здесь образ коня, как и в фольклоре, сопоставляется с душой человека, отождествляется с мечтой,

удачей, со всем светлым и добрым. Такую же смысловую нагрузку несет и помещенное в центре Государственного герба Туркменистана изображение ахалтекинца, символизирующего устремленность страны в светлое будущее на крыльях свободы и независимости. Мне, не понаслышке знакомому с гордым величием «небесных коней», очень близок этот образ.

Известно, чем выше плотность ковра, тем изящнее и четче рисунок. Это сообщает дополнительную сложность и без того непростым для исполнения сюжетным коврам

или панно. Чтобы передать восхитительную красоту природы, архитектурных шедевров необходимы уже не десятки, а сотни красочных оттенков и полутонов. Здесь ковровщицы выступают как музыканты, исполняющие произведение композитора-художника, и от того, насколько они оснащены технически, зависит общий успех.

Лучшим сюжетным коврам хочется аплодировать как оркестру, блистательно сыгравшему под управлением автора-дирижера яркую симфоническую картину.

Говоря о необычайном разнообразии ковровых изделий туркмен, нельзя не упомянуть об особой их разновидности: безворсовых коврах – килимах, а также о промежуточном их типе, когда ворсовый узор выполняется по безворсовому фону. Для каждого из видов (ворсового, безворсового и смешанного) – характерны определенные узоры, хотя общая композиция сходна: центральное поле, декорированное узорными каймами.

Иногда мне кажется, что слава ворсового ковра не вполне заслуженно затмила килимы, ибо они, безусловно, заслуживают отдельного внимания. Яркая цветовая гамма килима включала всевозможные оттенки и могла во многом соперничать со своими ворсовыми «собратьями». В качестве медальонов для паласов использовались символы Древа Жизни, дома-крепости, крупные знаки – амулеты. Орнамент располагался плотно, сбито, практически не оставляя свободного места для фона.

В основу колористического решения паласов положен принцип тонального единства, выделения главной, ведущей цветовой гаммы, то солнечно-золотистой, то иссиня-малиновой, то терракотово-красной. В некоторых килимах использовались и два ведущих – контрастных – тона, что придавало им «звучную» красочность и особую нарядность.

Паласы, конечно, отдельная ветвь ручного ковротеления, но не менее значимая или интересная, чем другие. Все вместе они и составили могучую крону коврового искусства туркмен.

Без ложной скромности отмечу: не многие страны мира проявляют на государственном уровне такую деятельную, такую последовательную заботу о развитии народного ремесла. Свидетельства этой заботы видны у нас на каждом шагу.

Величественный ансамбль административного корпуса Государственной акционерной корпорации «Туркменхалы» и нового здания Национального музея – одна из многих жемчужин в архитектурном ожерелье столицы. Древнее искусство ковроткачества, его богатейшее наследие и заслуженная мировая слава обрели здесь достойную оправу.

К слову, ковровые гёли, украшающие фасад и витражи, стали декоративной доминантой не только этого комплекса, но практически всех современных архитектурных сооружений в Туркменистане.

Наш национальный ковёр занял, наконец, достойное место среди общечеловеческих культурных ценностей! И в этом тоже сказались усилия государства, считающего возрождение мировой славы ковроткачества приоритетной задачей.

В эпоху нового Возрождения Туркменского государства преемственность мастерства в этом виде искусства обеспечивается не только организационно, но и научно. А центром исследовательской работы является, как можно догадаться, Национальный музей туркменского ковра, коллекция которого постоянно пополняется новыми шедеврами. Здесь все приведено в соответствие с самыми передовыми методами организации музейного дела и, в первую очередь, с «ковровой» спецификой фонда. По последнему слову техники оснащены экспозиционные залы, ткацкий цех, реставрационные мастерские, хранилища, созданы оптимальные условия для плодотворной работы и ковровщиц, и художников, и ученых – для всего без исключения персонала.

Роль музеев в двадцать первом веке не ограничивается лишь сбором, хранением экспонатов и организацией выставок. В эпоху информационных технологий на первый план выходят поиск, формулирование и решение новых научных задач. Такие задачи для Национального музея ковра, ставшего своеобразной «алхимической» лабораторией, нашедшей, таки, философский камень бессмертия материальной и духовной культуры нашего народа, ставит сама жизнь...

Согласно одной из восточных легенд о сотворении мира, когда-то во Вселенной возникли семь небес и зажглись светила, а затем под ними прекрасным ковром расстелилась земля, для прочности придавленная горами. Говорят, что именно с тех самых пор ни один дом на Востоке не обходится без ковра.

А в Туркменистане ковровые гёли-символы и вовсе стали выражением народной души, ее поэтичности, широты и мудрости. И эта мудрость, рожденная не игрой рафинированных умов, а в глубинах народного самосознания, и есть источник творческого, благодарного видения мира, обусловившего первозданную самобытность всего туркменского искусства.

Этнографические мотивы истории ковроткачества разработаны в литературе неплохо, но собственно научных, академических исследований все еще, на мой взгляд, недостаточно. И эта моя книга – приглашение поновому взглянуть на искусство туркменского ковроделия, на его философское, «космическое» наполнение, на истоки национального самосознания вообще. Здесь, мне кажется, непочатый край интереснейшей работы для ученых и поэтов, искусствоведов и писателей, ковроведов и мастеров – ковроделов.

Ведь на Востоке искусство всегда отождествлялось именно с мастерством, которое возвышает любое ремесло. Мастерство же – суть личная значимость, ищущая самовыражения, чтобы поделиться со всеми восторгом бытия, красотой видимого и внутреннего мира. Все в мироздании благословлено Всевышним. Свет Его благословения пролился и на туркменское ковроткачество, открыв туркменам глаза на совершенство и его истоки.

...Стремительное время, меняя нас, не задевает все же самого сокровенного, того, что родилось в наших душах в далеком детстве. Туркменское дитя свои первые шаги делает по коврику, на всю жизнь подчиняясь власти его притяжения. Дальше эту историю каждый продолжит сам. Это как задушевная старинная мелодия. Однажды услышанная, она мгновенно формирует в нас невыразимое словами представление о прекрасном, становится неотъемлемой частью мира.

И эта Мелодия – бесконечна. Мы осознанно или неосознанно напеваем ее детям, и они подхватывают ее... Так невидимая нить связывает века и сердца людей, ибо в изменчивом, непостоянном мире есть Истины Вечные. И в этом откровении сокрыта мудрость Ковра.

Следуя за жизнью, повествуя о ней – Ковёр сам стал Жизнью, которая продолжается вместе с каждым поколением нашего народа, некогда создавшего этот бесконечно прекрасный Шедевр.

Гурбангулы Мяликгулыевич БЕРДЫМУХАМЕДОВ
«ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА»

Книга о вечной красоте туркменских ковров

Координатор издательского проекта В.М. Храмов

Фотографии и оформление А. Туманов

Подготовка к печати :

Б. Амансарыев, К. Чарьярдурдыев, О. Пирнепесова

Ашхабад, 2011

